

НОВАЯ ПОЛЬША 5/2016

Выпуск изображений

Евстахий Рыльский (год рождения 1944) – прозаик, драматург, сценарист, эссеист. Дебютировал довольно поздно. До этого успел испробовать много профессий – был рабочим, референтом в автобазе, воспитателем в школе, вел ремонтно-строительную фирму.

Его повесть «Станкевич», опубликованная в литературной периодике, вызвала интерес и была признана лучшим дебютом года. А годом позже, в 1984, диптих «Станкевич. Возвращение» появился на прилавках книжных магазинов и тут же, несмотря на большой тираж, исчез. В 1989 году Рыльский получил предложение писать для Театра телевидения, которое положило начало его постоянному сотрудничеству со сценой.

Произведения Евстахия Рыльского переведены на много языков, в том числе немецкий, французский, итальянский, испанский, венгерский. По-русски опубликован его диптих «Станкевич. Возвращение» в переводе Святослава Свяцкого. Лауреат многочисленных литературных премий. Последняя из них – Литературная премия г. Варшавы (2016).

Содержание

1. Догоним ли мы Западную Европу и когда?
2. Польская экономика оказалась устойчивой
3. Изменения в польско-российских отношениях
4. Секс
5. Хроника (некоторых) текущих событий
6. Большой прилив
7. Мир желает обманываться
8. Выписки из культурной периодики
9. Наталья Горбаневская
10. Арина Тимофеевна
11. Стихотворения
12. История, поэзия и рынок
13. Культурная хроника
14. Профессор Януш Тазбир (1927–2016)
15. Свобода вместе
16. Экспериментальная студия Польского радио
17. За что борется Адам Боднар?

Догоним ли мы Западную Европу и когда?

Опережая западноевропейские страны в 3,5 раза по динамике роста, мы могли бы быстро сократить отставание от ЕС. Однако это маловероятно, так как темп роста для Европейского союза в целом будет выравниваться по мере интеграции.

Самый важный аспект хозяйственно-экономической конвергенции в рамках ЕС — это процесс выравнивания вверх уровня доходов в разных странах-членах. Часто мы задаем себе вопрос, может ли Польша догнать Западную Европу по уровню зарплаток и благосостояния, и когда же это произойдет. Ведь наша страна ради того и вступила в ЕС, чтобы повысить материальное благополучие и степень безопасности своих граждан, а также приблизиться к западным соседям по уровню жизни.

Происходящая в ЕС экономическая интеграция способствует выравниванию уровней развития разных стран и регионов, однако не обеспечивает непрерывности указанного процесса и не заменяет собственных усилий. Основопологающим условием конвергенции по доходам, иными словами, уменьшения разрыва в уровне жизни, отделяющего нас от более высокоразвитых и богатых стран, является быстрый экономический рост.

Прогнозы конвергенции

В международных сравнениях в качестве показателя уровня доходов чаще всего используется валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, скорректированный с учетом покупательной способности. Этот показатель несовершенен, поскольку он недостаточно хорошо характеризует содержимое кармана среднего гражданина, но лучшего, увы, нет. В ЕС эталонной точкой отсчета служит обычно средний ВВП на душу населения по всем 28 странам (ЕС28=100). Раздел о конвергенции из принятого новым правительством партии «Право и справедливость» в феврале с. г. «Плана обеспечения ответственного развития», который был подготовлен вице-премьером Матеушем Моравецким, предусматривает, что в 2030 г. Польша достигнет ВВП на душу населения, равного его среднему значению для ЕС. Это будет нелегко.

В своих прогнозах я принимаю другую эталонную точку

отсчета — средний ВВП на душу населения в так называемых «старых» странах ЕС. Ведь мы же хотим догнать те страны, которые богаче нас, а не только оказаться на равных со средним уровнем по всему ЕС. Новейшее имитационное моделирование я провел в трех вариантах. За исходную точку я принял существующий ныне в Польше уровень ВВП на душу населения по отношению к его среднему уровню в 15 «старых» странах Западной Европы (ЕС15=100). В 2015 г. показатель, подсчитанный таким образом, составил 63. Для сравнения: в 2005 г. он равнялся 43. Как мы видим, расстояние, отделяющее поляков от высокоразвитых стран ЕС, на протяжении истекшего десятилетия значительно сократилась, но перед нами еще долгий путь. Вопрос в следующем: можем ли мы рассчитывать на полное устранение этого разрыва по доходам, и когда это случится? Ответы будут разными в зависимости от того, какая дальнейшая экономическая динамика закладывается в расчеты.

Три различных сценария: оптимистический...

Начнем с самого оптимистического сценария. Будем исходить из того, что в обозримом будущем мы сумеем сохранить тот существовавший до сих пор перевес в динамике роста над старыми странами ЕС, которого наша страна достигла в период трансформации. В 1993–2015 гг. темп роста реального ВВП на душу населения в среднем за год составлял в Польше 4,2%, и это удивляло всю Европу, поскольку для ЕС15 указанный средний темп роста равнялся лишь 1,2% в год. Опережая западноевропейские страны в 3,5 раза по динамике роста, мы могли бы быстро сократить отставание. Если бы такой перевес удалось удержать, то разрыв по доходам в сравнении с Западом мы смогли бы преодолеть в течение 16 лет, то есть сразу после 2030 г.

К сожалению, это маловероятно, поскольку в долгосрочной перспективе нам, скорее всего, не удастся сохранить ни такого высокого темпа, ни такого большого преимущества в динамике роста. По мере успехов европейской интеграции темп экономического роста во всех странах Евросоюза станет выравниваться, приспособляясь к невысокой динамике трех главных его звеньев (Германии, Франции и Великобритании). В результате будет замедляться и темп конвергенции.

...умеренный...

Этот сценарий основывается на прогнозе роста до 2020 г., опубликованном Международным валютным фондом. Указанный прогноз предусматривает, что на протяжении ближайших пяти лет народное хозяйство Польши будет расти и развиваться в темпе около 3,6% в год — подобно тому, что

происходит теперь, — тогда как Западная Европа ускорится до 1,6% в год. Если исходить из предположения, что эти показатели темпа демонстрируют целевую динамику, то можно вычислить длительность периода, необходимого для ликвидации разрыва в доходах. Этот период составляет 20 лет, следовательно, мы можем рассчитывать на выравнивание с Западом лишь в 2035 г. Разумеется, при условии, что нам удастся сохранить существующий ныне темп роста ВВП, а в этом нет уверенности.

Вывод, вытекающий из анализа обоих вышеприведенных сценариев, прост: если бы мы удержали существовавшую до сих пор или сегодняшнюю динамику экономического роста, то нам понадобилось бы, как минимум, 15–20 лет, чтобы сравняться с Западной Европой по уровню доходов среднего гражданина. Раньше нас разрыв в доходах смогут ликвидировать те страны нашего региона, которые ближе к западным стандартам заработной платы и социального обеспечения и/или развиваются быстрее, чем мы. Это Литва, Латвия и Эстония, а также Словакия и Чехия.

Таким образом, следует признать нереальными провозглашаемые с недавних пор отдельными экспертами и политиками мнения, что Польша в состоянии догнать Западную Европу даже за десять лет, если только мы проведем несколько мелких реформ, которые ускорят наш рост. Но это попросту невозможно — алгоритм конвергенции неумолим. Поэтому страна вынуждена смириться с тем фактом, что наверстывание исторически сложившихся отставаний в экономическом развитии и ликвидация разрыва по доходам, отделяющего нас от Запада, возможно, достижимы, но требуют более длительного времени и очень серьезных усилий. С другой стороны, нельзя исключить, что в будущем нас, равно как и остальные страны региона, ждет ослабление динамики роста, следствием чего станет затормаживание конвергенции либо даже ее поворот вспять. Именно таков по своему смысловому звучанию третий сценарий.

...и предостерегающий

Данный сценарий опирается на новейший долгосрочный (до 2060 г.) прогноз, разработанный под надзором и попечением Европейской комиссии. В основе этого прогноза лежит вдумчивый тщательный анализ неблагоприятных демографических трендов, а также тех изменений в динамике занятости и в производительности труда, которые с ними связаны. Этот прогноз предвидит, что, начиная с 2020 г., будет иметь место прогрессирующее замедление экономического роста Польши и других стран Центральной и Восточной Европы — главным образом в результате старения их населения, а

также оттока молодых людей продуктивного возраста, выезжающих на Запад в поисках работы и лучших заработков. В соответствии с указанным прогнозом для Польши, темп роста ВВП на душу населения снизится с 3,5% в 2015 г. до 2,7% в 2020 г., 2,3% в 2030 г., 1,6% в 2040 г., 1,0% в 2050 г. и 1,2% в 2060 году. Тем временем в зоне евро этот темп будет вплоть до 2030 г. оставаться приблизительно на существующем ныне уровне 1,2%, а затем вырастет до 1,3% в 2040 г., до 1,5% в 2050 г. и 1,6% в 2060 году. В Западной Европе процессы старения населения будут протекать медленнее, нежели у нас, в связи с более высокой рождаемостью и значительным притоком молодых иммигрантов, а отрицательные последствия вышеназванных процессов для рынка труда будут смягчаться ростом производительности. Если предполагать, что темп роста в странах ЕС15 будет таким же, как в зоне евро (а в первом приближении это правильно), то поляков ожидает постепенное падение темпа конвергенции по доходам с Западной Европой. Хуже того, начиная с 2045 г. существовавшая ранее тенденция к конвергенции может полностью угаснуть и даже измениться на противоположную. Если бы данный прогноз сбился, то — при нынешнем показателе нашего ВВП на душу населения по отношению к ЕС15, который находится на уровне 63%, — Польша могла бы где-то около 2045 г. достичь максимум до 84%, но потом расстояние, отделяющее нас от Западной Европы, начало бы вновь расти. Короче говоря, вместо того, чтобы приближаться по уровню жизни к своим западным соседям, мы стали бы отдаляться от них.

Что делать

Будем надеяться, что этот мрачный сценарий, перечеркивающий возможность устранения разрыва в развитии и доходах при жизни одного поколения, не сбудется. Чтобы воспрепятствовать его реализации, необходимо срочно предпринять и затем тщательно выполнять многообразные действия самой разной направленности, нацеленные на преодоление угроз дальнейшему развитию нашей страны. Польше необходима программа поддержки и ускорения экономического роста — в качестве основания всей текущей экономической политики государства. Такая программа должна сосредотачиваться на смягчении неблагоприятных демографических тенденций и торможении оттока молодых и образованных людей за рубеж, на улучшении институциональных и финансовых условий для предпринимательской деятельности, на стимулировании инвестиций, которые разгоняют производство и создают рабочие места. На более равномерном пространственно-

территориальном развитии экономики, на становлении и росте современных отраслей промышленности, на расширении и модернизации инфраструктуры, на лучшем использовании ресурсов, а также на поддержке всестороннего развития образования, знаний и инновационности как ключевых факторов роста производства в конкурентном окружении. Окончательной целью должно стать обеспечение дальнейшего развития польской экономики и хозяйства как единственного пути к улучшению качества жизни и повышению материального благосостояния граждан — с учетом справедливого распределения национального дохода. На эти цели и направлен план Моравецкого^[1], предлагающий стратегию на последующие 25 лет и указывающий приоритетные задачи на ближайшие годы. План этот требует, однако, более детальной проработки, но, прежде всего, необходимо изыскать финансы на его осуществление. В противном случае он станет очередным списком благих намерений.

Автор до выхода на пенсию был научным сотрудником Главной школы экономики в Варшаве, в настоящее время занимает должность секретаря редакционного комитета журнала «Экономист».

-
1. Новая модель экономического развития Польши, предложенная министром Матеушем Моравецким и принятая правительством в феврале 2016 года.

Польская экономика оказалась устойчивой

Торговая война с Россией ударила в первую очередь по продовольственным компаниям. Однако сокращение объема экспорта на восток наш бизнес компенсировал увеличением продаж на других рынках, а национальный экономический рост даже ускорился.

В течение двух лет с момента начала российско-украинского конфликта наш торговый оборот с этими странами — важными экономическими партнерами Польши — резко сократился. Прошлогодний польский экспорт в Россию объемом 5,14 млрд евро упал до уровня начала 2010 г. Примерно такая же ситуация с экспортом на Украину: в 2015 г. он составил 2,98 млрд евро, то есть столько же, сколько в 2010 году. Резко сократился и импорт товаров в Польшу из этих стран.

Опасения преждевременны

Однако опасения, что вызванные конфликтом санкции Евросоюза в отношении России, а также российское эмбарго на товары из ЕС, в том числе на польские продукты, ослабят нашу экономику, оказались преждевременными. В четвертом квартале минувшего года рост ВВП в Польше составил 3,9%. В свою очередь, весь польский экспорт достиг в 2015 г. 178,7 млрд евро (в сравнении со 165,8 млрд годом ранее и 155 млрд в 2013 году).

По мнению проф. Витольда Орловского, главного экономиста аудиторской компании «ПрайсвотерхаусКуперс», негативные последствия ощутили на себе отдельные секторы, такие как экспорт яблок, который, впрочем, быстро поменял направление, или угольная промышленность (в связи с падением цен на сырье). Негативным результатом может стать также длительная дефляция в Польше, поскольку переизбыток продуктов, не попавших на восток, привел к снижению цен.

— Потери в остальных отраслях удалось полностью компенсировать, а в масштабе всей страны они были практически незаметны, — говорит Орловский.

Между тем еще в 2014 г. тогдашний министр экономики Януш Пехоцинский оценивал ущерб Польши в 0,6% ВВП в масштабе года, а Австрийский институт экономических исследований WIFO подсчитал, что «за короткий срок» Польша потеряла 2

млрд евро.

На тех фирмах, для которых Россия и Украина были ключевыми рынками сбыта, вторжение в Крым и Восточную Украину отразилось болезненно. Проблемой стало не только российское эмбарго на ввоз польских продуктов. Согласно Корпорации по страхованию экспортных кредитов КУКЕ, главной причиной сокращения экспорта было снижение покупательной способности потребителей в этих странах. — В России ввиду замораживания подавляющего большинства инвестиционных проектов упал спрос на наши станки и оборудование, а также на транспортные средства. В свою очередь, на Украине произошло смещение спроса в пользу товаров, связанных с непосредственным выживанием в условиях потенциальной войны, — говорит Петр Сорочинский, главный экономист КУКЕ. В результате такие польские товары, идущие на экспорт, как мебель или стройматериалы, были вытеснены продуктами питания, медикаментами, средствами гигиены и топливом.

О том, как внутренние проблемы России ударили рикошетом по польским фирмам, говорит пример АО «ПЕСА Быдгощ» (польского концерна, специализирующегося на производстве поездов, вагонов, трамваев и их модернизации. — пер.). Быдгощский производитель заключил контракт с Москвой на поставку 120 трамваев. Россия получила 60 составов, но после падения курса рубля (контракт был заключен в евро) остальные поставки были прекращены. Компания «ПЕСА Быдгощ» имеет теперь замороженные деньги в виде 22 трамваев, ожидающих отправки, а также находящихся на складах частей для сборки оставшихся 38 составов.

— Мы постоянно ведем переговоры с российской стороной, которая хочет получить наши трамваи, поскольку те, которые мы успели поставить, хорошо себя зарекомендовали, — говорит Мацей Гжеськовяк. Производитель рассчитывает, что по крайней мере уже собранные «Фокстроты» будут доставлены в Россию. Московский контракт должен был стать началом экспансии АО «ПЕСА Быдгощ» на этот рынок.

Пострадала и компания Михала Соловова «Rovese», фабрики которой работают в России и на Украине (открытый в апреле 2014 г. под Москвой завод керамической плитки — это самая крупная польская инвестиция в России). Ослабление курса валют этих стран крайне отрицательно отразилось на доходах фирмы.

На Украине еще до конфликта действовало около 1200 польских предприятий либо предприятий с польским капиталом. В свою очередь, экспорт в эту страну осуществляло около 6 тыс. фирм, главным образом малых и средних. Значительная часть ограничила деятельность, некоторые — на восточных

территориях и в Крыму — вынуждены были закрыться. К последним относилась компания «Пластикс-Украина», которая закрыла филиалы в Крыму, Донецке и Луганске. Но, несмотря на трудную ситуацию, фирма оказалась в выигрышном положении: ее главным конкурентом на украинском рынке был российский производитель, товары которого теперь бойкотируются. В итоге у компании «Пластикс-Украина» теперь нет серьезной конкуренции. Однако перспективы увеличения торгового оборота пока слабые. По причине девальвации гривны польские товары там подорожали. Это имеет и положительные последствия, поскольку из-за снижения стоимости труда, перевозок и сырья производство этих товаров для польских фирм стало дешевле. Правда, у Украины теперь весьма непривлекательный образ: — В средствах массовой информации преобладают сообщения о войне и коррупции. Это отнюдь не подлинный образ, однако он отпугивает инвесторов, — говорит председатель Польско-украинской хозяйственной палаты Яцек Пехота. А каковы перспективы восстановления торгового оборота с Россией? По оценкам Отдела содействия торговле и инвестициям при польском посольстве в Москве, в первой половине минувшего года по экспорту в Россию Польша занимала четвертое место среди европейских стран после Германии, Италии и Франции. Участие Польши в торговом обороте с Россией сократилось с 3,2% в период за январь-июнь 2014 г. до 2,7% в первом полугодии 2015 года.

Нам помогут иммигранты

По мнению проф. Станислава Гомулки, главного экономиста «Business Centre Club», если нынешнее влияние российско-украинского кризиса на польскую экономику оказывается незначительным, то его завершение изменит немного. — В такой ситуации даже отмена эмбарго на польские товары окажет незначительное положительное влияние на наш экспорт, — утверждает Станислав Гомулка. Положительным для польской экономики результатом конфликта за восточной границей будет миграция работников с Украины в Польшу. Сейчас говорят по меньшей мере о 350 тыс. украинцев, работающих в Польше, треть из них трудоустроена официально и платит социальную и медицинскую страховку. Вместе с тем, по мнению Рафала Антчака, члена правления компании «Делойт Консалтинг», их нужно значительно больше. — До 2050 г. мы должны трудоустроить около 4,3 млн иммигрантов с Украины, которые восполнят дефицит на нашем рынке труда, — утверждает Рафал Антчак.

С Кшиштофом Занусси беседует Тадеуш Соболевский

Изменения в польско- российских отношениях

Кшиштоф Занусси. Фото: East News

*Режиссер Кшиштоф Занусси отказался от должности
сопредседателя Польско-российского форума гражданского диалога,
так как польское правительство решило изменить состав Форума.*

*— Прежний состав Польско-российского форума гражданского
диалога, который был предложен вами в период работы
предыдущего правительства, закончил свое существование.
Почему так случилось?*

— Я обратился к министру Витольду Ващиковскому с вопросом, будет ли МИД по-прежнему поддерживать нашу деятельность, и публично получил ответ: «да». Спустя месяц — после визита его заместителя в Россию — я узнал, что состав группы будет изменен. В связи с этим свою миссию сопредседателя Форума я счел завершенной.

До сих пор дела обстояли таким образом, что я имел право приглашать людей из интеллектуальных, художественных и политических кругов. Даже если МИД нам кого-либо предлагал, то это происходило при обоюдном согласии. Я пригласил в состав Форума людей, связанных с кинематографией: Дариуша Яблонского, который продюсировал и снимал фильмы

совместно с российскими коллегами, и режиссера Вальдемара Кшиштека. С польской стороны в состав Форума входил также православный епископ Иеремия, а с российской — члены патриархата. Сопредседателем Форума с российской стороны был Леонид Драчевский, бывший посол РФ в Польше. Членами Форума были также бывший министр культуры Михаил Швыдкой и Сергей Караганов — близкий к Кремлю идеолог, а также целый ряд общественных деятелей, среди которых одни относились к нам доброжелательно, другие — совсем наоборот. Но именно это и было интересно. Ведь мы разговаривали без свидетелей, наши беседы были довольно откровенными.

— *Когда был создан Форум?*

— Восемь лет назад, когда МИД возглавлял Радослав Сикорский. Форум собирался ежегодно до момента аннексии Крыма. Но теперь российская сторона выступила с инициативой вернуться к нашим беседам. Мы серьезно обдумывали этот вопрос. Некоторые участники Форума отказались принимать участие в его работе после аннексии Крыма — как например, писатель Петр Войцеховский. Адам Михник формально не отказался, но я не знаю, захочет ли он участвовать в возобновленных беседах. Правда, для меня этот вопрос уже не актуален.

— *Какие вопросы выносились на обсуждение Форума?*

— Наши встречи были ориентированы на будущее. По вопросам, касающимся прошлого, то есть по так называемым сложным вопросам, существует другая группа, которую возглавлял Адам Ротфельд. После смены правящей команды он ушел в отставку. Его группа достигла очень многого — опубликован совместный документ «Черные пятна, белые пятна», содержащий польские и российские оценки самых трудных проблем за последние 90 лет. Мы даже шутили, что мы — комиссия «по легким вопросам». Мы вели дискуссии о том, куда движется Россия, Европа, мир. Мы ставили вопросы: какой будет Европа будущего? Светской, религиозной, многоконфессиональной, мультикультурной? Может ли православие помочь в модернизации общества и может ли оно само модернизироваться?

В этом не было политической миссии. Мы разъясняли российской стороне наши соображения и старались со своей стороны понять ее аргументы.

— *Вы бываете в России, работаете там в театрах, выступаете в СМИ. Какой оттуда видится Польша?*

— Все зависит от степени информированности. Есть СМИ, которые представляют образ Польши как несчастной, бедной, раздираемой конфликтами страны, которую вдобавок Европа использует в своих целях.

— *Разрушенная страна?*

— Да, хотя это нелепый образ — достаточно с востока пересечь нашу границу и увидеть, как сегодня выглядят города Белосток, Люблин, Жешув. Я помню, несколько лет назад я вместе с тогдашним председателем комиссии по иностранным делам Думы участвовал в одной телепередаче. «Вы, поляки, — говорил он, — стремитесь быть мостом между нами и Европой. Но вы нам для этого не нужны. Мы будем разговаривать непосредственно с Брюсселем». Я ему ответил, к радости публики в студии, что ему не повезло, ведь я в этом Брюсселе уже присутствую. Брюссель — это мы! Польша уже там. Россияне как-то не совсем это понимают. Невежество на тему Европы просто ужасающее. Господствует убеждение, что Европа должна распасться. СМИ подхватывают информацию, свидетельствующую о том, что она разваливается. Как будто они ожидают, что это неизбежно произойдет в рамках исторической справедливости, раз уж распался СССР. Возвращаются давние панславистские идеи: союз славян под руководством России. Я как-то беседовал с министром иностранных дел Сергеем Лавровым. Он ссылаясь на наши общие славянские корни. Я подумал, что с моей итальянской фамилией, хоть я и поляк, меня из этого сообщества исключат.

— *Как меняется Россия?*

— Во многом она возвращается к тому, чем была прежде. И это не назовешь положительным изменением. Россия по-прежнему отстает от развитых стран мира и не желает задуматься над тем, почему это происходит. В 1914 году цивилизационная дистанция, отделявшая Россию от Запада, была такой же, как сегодня: полвека. Россия — огромная страна, имеющая большое значение, но показатель ее развития низок. На нашем Форуме мы пытались понять, в чем тут дело. Ведь нам всем нужна Россия стабильная, развивающаяся, уважающая ценности, которые мы считаем общечеловеческими, и уж точно европейскими, сформировавшимися на почве христианства.

— *Стоит ли нам бояться России?*

— Россия представляет собой угрозу прежде всего для себя самой. Она не стремится идти к благосостоянию, а ведь именно это — стабилизирующий фактор. Но капризы истории предвидеть невозможно и надо принимать во внимание все варианты, включая самые оптимистические.

— *В вашем фильме «Персона нон грата» польский дипломат подозревает в предательстве своего друга, российского политика, которого играет Никита Михалков. Поляк и россиянин говорят друг другу в глаза самые неприятные вещи, они откровенны друг с другом и, оказывается, это возможно...*

— Именно так вел себя проф. Владислав Бартошевский. Я видел, как он работает, когда он был главой МИДа. Парадоксально, но

его стиль — открытости без церемоний — вызывал у россиян доверие. Они ему верили, так как он говорил все, что хотел сказать, причем еще, можно сказать, на лестнице, прежде чем сесть за стол. Ведь несогласие не исключает диалога.

— *А Никита Михалков — он для вас кто?*

— Сегодня он лишь частично относится к миру искусства.

Прежде всего он входит в элиту власти.

— *Трудно было в то время уговорить его сыграть роль друга-предателя?*

— Любопытно, что поляки воспринимают этот персонаж неоднозначно, а сам актер ничего такого не чувствовал. Для российских зрителей Михалков в фильме «Персона нон грата» представляет их точку зрения без всяких оговорок.

— *В политическом диалоге надо постоянно делать поправку на разные коды мышления. С русскими трудно разговаривать с позиции кого-то, на кого напали, с точки зрения уязвленного достоинства.*

— В России я встречаюсь также с людьми, чьи взгляды далеки от моих собственных. Но эти контакты представляются мне полезными, хотя, по существу, на мои встречи с россиянами у нас смотрят не всегда положительно. Я встречаюсь также с представителями кругов, которые составляют меньшинство. Теперь я поеду выступать с лекциями в Фонде Гайдара. У меня была встреча в «Мемориале» с молодежью, которая ратует за европейские ценности. Я беседую с ними о гражданском обществе. О том, что ни территориальная экспансия, ни чрезвычайная концентрация власти в XXI веке не гарантируют никаких преимуществ. Там, где власть чрезвычайно централизована, там страна обычно слаба. И наоборот — где сильное общество, там власть может быть слабой, а государственная машина работает прекрасно.

— *Вы любите бывать в России?*

— Честно говоря, уже одно то, что я не употребляю крепких алкогольных напитков, немного затрудняет контакты. В России я ощущаю себя чужим, но именно это мне интересно. Может быть, россияне потому столь доброжелательно ко мне относятся, что я для них явление странное, во мне мало славянского. Анджей Вайда как-то сказал: «В голове каждого поляка спит маленький русский, который, глотнув алкоголя, безобразничает, но на следующий день в поляке просыпается ненависть». Я думаю, что поляки боятся того, что они похожи на русских, и не любят себя за это, а потом эту неприязнь переносят на соседа.

Секс

В доме социальной помощи для инвалидов в Люблине секс за общественные деньги воспрещен.

Г-жа попечитель:

— И очень хорошо. Иначе здесь получилось бы такое инвестирование в бездну.

Пациент:

— Разве мы дети?

Г-жа психолог:

— Я понимаю потребности пациентов. Но если это парализует работу администрации, проблему надо было как-то решить.

«Голые фото» — это вопрос совести

Блокада секса имеет тотальный характер.

Томаш (в интернате он уже 12 лет):

— Извините, что вам пришлось ждать. Меня брили, у меня в руках слабость, сам не справляюсь. Если речь идет о сексе, то я вот что скажу. Посмотрите. У нас есть интернет. И любой сайт, где попадется слово «секс», заблокирован. Просто не открывается. И не только порнография. Вот недавно была статья о самом быстром в мире пассажирском самолете. И тоже эта страница у меня не хотела открываться. Несколько раз пробовал.

Кшиштоф (живет несколькими комнатами дальше, в интернате 9 лет):

— Когда писали об этих сексуальных скандалах в правительстве, тоже было заблокировано.

Томаш:

— Для нас интернет — это очень важно. Чаты, Скайп, новости, политика, покупки. Вот, посмотрите здесь на стене — недавно купил, барельеф Иоанна Павла II, очень красивый, деревянный. И представьте себе: в Люблине не мог такого найти. Во всех магазинах спрашивал. В 100 злотых всего лишь мне обошелся этот Папа. Или вот купил термометр, показывает температуру на улице и в комнате. Очень полезная вещь.

Но вернусь к блокировке в интернете. Вот у меня стоит такая программа для просмотра телепередач. И сейчас она у меня не работает. Это что, тоже связано с порнографией?! Я считаю, что в нашем контакте с миром не должно быть таких ограничений. Я понимаю — в школах. Но мы разве дети? То, что кто-то хочет посмотреть в интернете голых дамочек, а кто-то нет, — это

должно быть вопросом совести. Я говорил об этом с директором, товарищи говорили, — не помогло.

Серверы зависли от порно

Г-жа психолог жалеет директора дома:

— Он хотел помочь, а сейчас ему за это достается. А это человек, который свои обязанности не ограничивает инструкцией. Он подходит к делу даже как психолог, расспрашивает меня о потребностях пациентов. Он ко всем индивидуально относится. Интернет — это был как раз новаторский замысел нашего директора. И кафе наше, пожалуй, единственное такое в Люблине. С него все и началось.

Дом на 98 пациентов, больше половины — мужчины. Личных компьютеров несколько десятков. Кому-то помог PFRON (Государственный фонд реабилитации инвалидов), кому-то купили семьи. Компьютеры у пациентов в комнатах.

Г-жа психолог:

— По замыслу наш дом должен быть местом, куда попадают люди относительно молодые. Реабилитируются, учатся самостоятельно функционировать, а потом возвращаются в общество. Большинство мужчин у нас — это такие, кто, например, упал со строительных лесов. Некоторые по пьяному делу. Для многих основой их социальной значимости был физический труд. Образования у них нет. И когда они оказываются в инвалидной коляске, то верят, что значат теперь меньше нуля. У нас было несколько старых компьютеров, и директор, один из лучших людей, которых я знаю, очень заботливый, задумал организовать интернет-кафе. Чтобы пациенты могли развиваться. Чтобы, возможно, начали работать через сеть. Благодаря этому наши мужчины ожили. Но, увы, когда они дорвались до интернета, то стали висеть на порносайтах. Это парализовало работу нашей администрации, нельзя было даже денежный перевод сделать. Дом, который находится в ведении городских властей, получил быстрый интернет. Но уже с ограничениями. Кафе уже нет, интернет, кто хочет, — в комнате.

Г-жа психолог:

— Сотрудники обратили мое внимание, что пациенты смотрят эти сайты. Спрашивали: разве так должно быть? Я окончила Люблинский католический университет, я католичка, но не лезу никому в душу. Я понимаю потребности наших обитателей, в том числе и смотреть эротику, но если они получили интернет в подарок, то он не их. Они за интернет ничего не платят.

Директор Яцек Яблчинский:

— В законе не сказано, что в доме социальной помощи должен быть интернет. Когда зависли городские серверы, то по

маршрутизаторам установили, что это из-за компьютеров у меня.

Гжегож Хунич, заведующий отделом информатики и телекоммуникации городской управы:

— Мы среагировали на жалобы администрации. Поставили фильтры, обязательные для городской сети. А когда один дом потребляет столько трафика, как пять департаментов городской управы, то здесь, похоже, что-то не так. Мы проверили, в чем тут причина, оказалось, что это из-за эротических сайтов и фильмов, которые скачиваются в массовом масштабе.

Я отстаиваю свое достоинство

Свою прежнюю жизнь, в которой он занимался скупкой металлолома и имел транспортную фирму, Мариан подытожил кратко:

— Мне ноги отрезали, и все кончилось.

После инсульта, с частичным левосторонним параличом, он попал в дом социальной помощи. Провел в нем десять лет.

— Что мы теперь можем? Только посмотреть. А что еще? В интернете была такая статья, что актриса Анна Муха очень «секси». Но из-за этой блокировки у меня не открывалась. Я тогда почувствовал себя дискриминированным.

По этому вопросу он обратился в прокуратуру, чтобы та установила, имеют ли право обитатели дома на то, чтобы с ними обращались, как с людьми.

— Я вел речь о лишении нас свободного доступа к интернету.

Прокуратура передала дело полиции, а та заявила, что не усматривает преступления. И тогда я почувствовал себя отбросом общества, — говорит Мариан. — В такие вот времена живем. Но послушайте! Здесь не в моих интересах дело, а в интересах пациентов. Я человек ответственный. У меня трое детей, 60 лет за плечами. В доме-интернате я вел библиотеку. Бывало, брал книги в городской библиотеке. Наши обитатели просили меня выбирать эротические названия. Я немного смущался спрашивать в городе. Библиотекарши усмехались себе под нос. Им-то к чему такая литература. Но секс в доме и так был и будет. Мой сосед по комнате, тоже с левосторонней парализацией, покупал ношенные дамские трусики. Например, у прачки. Когда он умер, оказалось, что у него этих трусиков небольшая коллекция.

— Некоторые хотят похвастаться. Что вот приходила женщина, что еще могут, что была близость в виде поцелуев или прикосновений, и вот, пожалуйста, доказательство — трусики. Но здесь-то все друг у друга на виду, чтобы поверить, что это правда, — говорит Стефан; он в доме десять лет, несколько лет кустарничал, вырезал уплотнительные прокладки. — Я не хожу.

Это после менингита. Но руки удалось разработать. Пока мама не умерла, мы жили в деревне. Сначала у меня была трехколесная чешская инвалидка. Ну, а потом выхлопотал машину получше — «Трабант» с полуавтоматической коробкой. Он у меня на весь ресурс откатался. Потом еще один. И знаете, мне страшно не хватает этой свободы. Извините, что я вот так на боку, под полотенцем все время лежу, но так получилось. У меня пролежень между ягодицами, он плохо заживает. Ноги отекают. Чувствительности нет от поясницы вниз. Но секс в голове есть. Будучи здесь, как в тюрьме, я чувствую это напряжение. Онанизм при моем заболевании невозможен. Но достаточно, чтобы только какая-то женщина присела на кровать и поговорила. Я сразу чувствую облегчение, релаксацию. Я дисциплинированный. Не хочу даже ничего показывать, чтобы себя не скомпрометировать, чтобы та женщина, из персонала, когда заходит ко мне в комнату, не почувствовала, что мне что-то такое надо. Я не хочу, чтобы на меня показывали пальцами.

Интерес к женскому телу

Томаш:

— Я в своем уме и в твердой памяти, но, к сожалению, моя болезнь, прогрессирующая мышечная атрофия, помимо моей воли, ограничивает меня на каждом шагу. Я никогда не работал. Известное дело, у здорового человека другие возможности встретиться с женщиной — пригласить на чай, на кофе. У меня, увы — нет. Я католик, верующий человек. Хожу в костел, здесь, в нашем районе. В костеле служба торжественнее, я ее сильнее переживаю, чем в нашей интернатской часовне. Стараюсь жить в соответствии с нормами, этикой. Я не стремлюсь к тому, чтобы посмотреть эти сайты с женщинами любой ценой. Но и не скажу, что их не смотрю. Хотя вера говорит, что это грех.

Стефан:

— А вот Кшиштоф? Ему персонал устроил скандал, что смотрит порнуху. И что к нему пациенты ходят. Но ведь когда он этот фильм смотрел, может, он не думал о своем несчастье, о том, что он парализован, о той большой дырке, которая у него на ляжке образовалась от пролежня. Уборщица сказала, что не только смотрел, а давал смотреть этому Каролю, который с ним в комнате. Молодой парень, вообще не двигается, говорить не может, только лежит. Так с детства.

Кшиштоф:

— Кароль себе на уме. Он все скажет по-своему. Лицом показывает, головой покачает. А вот что фильмы эти он у меня смотрел — это все болтовня. Я по профессии каменщик. Помогал брату крышу жестью крыть. Поскользнулся. Перелом

позвоночника, ходить уже не буду. Сначала как овощ, сейчас немного двигаю руками. Я, например, любил на «Виртуальной Польше» смотреть «Девушку месяца», рейтинг этот. А вот Стах из третьей — он только голых баб и смотрел. Его сейчас в больницу отправили из-за пролежней. Я на железной дороге раньше работал. Недавно мне семья ноутбук купила.

Томаш:

— Я могу сказать, что я смотрю. Я не святой. Мне это интересно. Красота женского тела. Порнография для меня слишком вульгарна. Вы знаете сайт журнала «ЦКМ» [«Журнал каждого мужчины»]? Тоже заблокирован. Я секретарь совета пациентов, нашего самоуправления. Я собирался поставить вопрос об интернете, но я в совете единственный мужчина. Женщины на эти дела смотрят иначе.

Гжегож Хунич, зав. отделом информатики и телекоммуникации городской управы:

— Если эскалация напряжения будет постоянной, мы вообще выключим подопечным интернет. Мы, как управа, не будем далее поддерживать такого типа действия. За общественные деньги. Со стратегической точки зрения, мы должны, прежде всего, обеспечить администрацию.

Дамы играют в бридж

Во главе самоуправления стоит госпожа Анна. Магистр сестринского дела.

— Профессиональные знания позволяют мне с достоинством сносить мою болезнь, — говорит она. — Что поделать. У меня еще действуют руки. Я из числа тех, у кого нет компьютера. Поэтому меня интернет особо не интересует. Я из поколения 60-х. Но я все же считаю, что есть столько иных проблем, затрагиваемых в интернете, что тот, у кого есть доступ, может для себя найти что-то не только интересное, но и то, что по-настоящему увлечет. Ведь там есть и книги. На этом этаже, где когда-то было кафе, живет много алкоголиков. Печально, но факт. Вот это люди, которые получают удовольствие от таких сайтов в интернете и стремятся к ним. И сейчас, когда появились определенные ограничения, возмущаются. А здесь есть чем заняться. У нас прекрасно развитая реабилитация, с женщинами мы играем в бридж. Я думаю, что есть другие, более серьезные проблемы, чем этот интернет. Например, поломки лифта.

Каковы же другие проблемы? Пациенты называют:

— Главное, чтобы не было цензуры.

— Чтобы над дверями комнат со стороны коридора были сигнальные лампочки. Мой сосед не ходит, выливал в туалете мешочек с мочой. Ногу поставил на унитаз, она соскользнула внутрь. У него слабые руки. Не смог вытащить. Нажал на

тревожную кнопку в ванной комнате. Полтора часа ждал, пока кто-то из персонала появился. Лампочка сигнальная загорелась в дежурке, но там, похоже, никого не было. А если бы лампочка была и в коридоре, то кто-то бы заметил.

— Туалетная бумага такая тонкая, что, когда возьмешь рулон в руки, в ней дырки появляются. У человека такое чувство, что ладонью подтирается.

— Ниша под душем очень маленькая. При мытье вода вытекает в прихожую.

— Чтобы персонал был доброжелательным. Соседу, у которого атрофия мышц и руки плохо двигаются, поставили в комнату телевизор без пульта. Он обратился в администрацию — без результата. Так что он провел трехдневную голодовку. И его мама шуму наделала. Только тогда дали другой телевизор, с пультом.

— Тех, кто вообще не может двигаться, укладывают в кровать в 7 часов вечера. А летом им хочется подольше посидеть на воздухе.

Проститутка уже не приходит

В Голландии в некоторых районах органы самоуправления выдают дотации инвалидам на услуги проституток. На Западе действуют фонды, которые помогают в организации сексуальных контактов. Помимо Голландии, так происходит в Дании и Швейцарии.

Стефан:

— Наше общество еще до этого не доросло. Нас плохо понимают. Конечно, многие бы этим воспользовались. Но какая проститутка на это пойдет? Разве что за дополнительную плату?

Мариан:

— Тут неподалеку публичный дом. К одному сюда ходила проститутка.

Г-жа психолог:

— Я уже слышать об этом не могу. Пациенты говорили с такой улыбочкой, словно хотели сказать: «Пусть хоть одному будет легче».

Мариан:

— А перестала приходиться, потому что в конце концов она его обокрала. Деньги пропали и пульт от телевизора. Большой был шум, — он обвинил соседей, что взяли пульт.

Томаш:

— Того, что есть в Голландии, у нас долго еще не будет. Я думаю, что большое вызовет удивление, что у инвалида могут быть такого рода потребности.

Медсестра:

— Мы не живем как голландцы, у нас и эвтаназии нет, как у

них. Мы — это что-то другое, мы поляки, и у нас несколько другие принципы. Я думаю, что надо ориентироваться на общепринятые социальные нормы. Я бы поддержала такое решение, но тогда я и зарабатывать должна, как в Голландии. Кшиштоф:

— Я очень этому был бы рад. И медсестрам было бы спокойно.

Они хотят, чтобы к ним прикасались

Альдона, молодой социальный работник:

— Если бы пациенты могли пользоваться услугами проституток, то, возможно, их мир сконцентрировался бы на этом, а не на нас. Хорошо, что этого секса в интернате уже нет. Думаю, что необходимо было снизить такое всеобщее возбуждение, которое здесь царит.

Кристина, медсестра:

— А зачем им эти сайты? Скажите, пожалуйста. Сейчас они смотрят в комнатах, потому что, когда они одни, могут делать ТО, что хотят... Я не один интернат видела. А этот — единственный, в котором я вижу, что мужчины, не обязательно такие уж беспомощные, такие уж совсем больные, живут тут и всё чего-то выдумывают, не только в смысле эротики, а вообще. У них вечное недовольство и какие-то капризы: не хочу белый хлеб, а хочу черный, не хочу ветчину, а хочу клёцки. Вечно их что-то не устраивает!

Г-жа попечитель:

— Секс — это скользкая тема и, так сказать, основополагающая.

Медсестра:

— Больше не к чему придраться? Тогда о сексе. Известное дело: когда не о чем говорить, то или о деньгах, или о сексе. За пребывание здесь они платят смешные деньги. Их пенсия, допустим, 500 злотых, а отдают 300. Им тут очень даже неплохо. Манипулируют дирекцией, сотрудниками, собственными семьями, грызутся друг с другом. А все сводится к одному: они как мужчины не состоялись, вот что я вам скажу.

Г-жа попечитель:

— Нечего устраивать из интерната пятизвездочный отель. Они должны согласиться с тем, что это дом помощи, здесь не предусмотрен «full service».

Медсестра:

— Понасмотрится этого интернета, а зачем он ему нужен? В нормальных условиях, домашних, скажите, пожалуйста, что нам нужно? Чтобы мы пришли с работы, отдохнули, хорошо поужинали, легли и выспались. Потому что нас на следующий день ждет активность. Господин директор слишком много пациентам разрешает. Дает, а не требует. Это как с капризным подростком. Иногда твердая рука — это лучше.

Г-жа попечитель:

— Да что там интернет! Достаточно войти в некоторые комнаты — на стене плакаты с голыми женщинами, календари какие-то.

Медсестра (вздыхает):

— А ведь говорили. Столько денег, наших денег вложили в ремонт. Будем беречь. Где там!..

Г-жа попечитель:

— И для них именно эти плакаты — это еще и отличный способ сексуального возбуждения. Насмотрится на такую женщину — и сразу включается воображение. Большое воображение.

Медсестра:

— А если уж насмотрится...

Г-жа попечитель:

— То хочет перейти к действию. Некоторые вообще домогаются, чтобы к ним чаще прикасались. При мытье.

Медсестра (несколько нервно):

— И потом таким взглядом, извините, самца, не таясь, посматривают на этих молоденьких девушек. Скажите, это что, жизненная необходимость?! Разве ЭТО такое важное? Есть ведь и другие здесь, которые занимаются иного рода делами. Вот, например, пойдет и поможет на кухне, что официально вообще-то не разрешено, но хоть полезно.

Взгляд, в котором желание

Младшая медсестра:

— Бывает, разные словечки бросают, едкие. Поведение такое первобытное, животное. А еще взглядом оценивают формы молодых сотрудниц. Отсюда еще одна проблема, не только сексуальная. Это желание поговорить. Здесь каждый хочет высказать свои беды, печали и так далее. Поэтому какие-то вздохи, пристальные взгляды. Раздевание нас глазами. Постоянно подглядывают, когда выполняешь процедуры соседу, я вот его умываю, должна наклониться. А для второго — возможность что-то высмотреть. И смотрят. На нас, на наше тело, на всю тебя. А раз случилось даже, что шлепнули по ягодицам...

Медсестра:

— Если бы один раз! А эти как будто случайные касания? Вы бы хотели, чтобы вас так «приласкали»? К вам когда-нибудь кто-нибудь так притирался? Я не говорю здесь о неосознанных прикосновениях, спастических... Но мы же здесь не для того, чтобы кого-то по судам таскать. Мы должны все терпеть, потому что выполняем свои обязанности. Умыть, одеть, накормить.

Мариан:

— Пожилые женщины в доме социальной помощи красятся. Некоторых это удивляет: зачем? Например, пани Зофья — я ее

знаю, потому что она работала кондуктором трамвая. На коляске, но очень ухоженная. Хотя в последнее время слегка похудела. Ну, все-таки 78 лет. Она красится, потому что хочет нравиться. Чувствовать себя женщиной. Быть уважаемой. Мужчина тоже старается оставаться собой, но по-другому. Г-жа попечитель:

— Они открыто не говорят, но мы знаем, в чем дело...

Медсестра:

— Ведь он не скажет: прошу прощения, но я бы хотел вас трахнуть. Не может этого сказать, потому что ведь этого не сделает, а что тогда зря говорить. Но он и говорить ничего не должен. Достаточно, если во время процедуры у него встанет, сперма по рукам течет.

Г-жа попечитель подтверждает:

— При некоторых процедурах у пациента случается эрекция. Ведь эта часть тела тоже нуждается в уходе. Понятно, физиология. Такая у нас работа. Но физиология — это до того момента, пока они себя не возбуждают. А некоторые себя специально возбуждают. Это легко распознать: они тогда смотрят нам в глаза и ждут нашей реакции.

Младшая медсестра:

— Смотрят на нас взглядом, который выражает желание быть с женщиной. Ждут реакции. Как она поступит? Засмущается и убежит? То есть она почувствует мое превосходство, а я покажу свое Я — мол, я здесь мужчина, такой типичный самец, я здесь главный. Или будет наоборот? И он чаще всего не ожидает твердой позиции, дистанцирования. Каждый раз идет такая борьба. Мне это как-то удается. Никакое соперничество, никакая симпатия во внимание не принимается. Тогда пациент не переступает эту грань. Потому что есть одно важное правило: при работе с больным необходимо отключать эмоции.

Имена пациентов интерната изменены.

Из книги «Дьявол и плитка шоколада», изд. Agora 2015, шорт-лист премии им. Р. Капустинского

Хроника (некоторых) текущих событий

- Ярослав Качинский (отрывки из интервью): «Давление из-за рубежа, оказываемое на правительство Польши в связи с ситуацией вокруг Конституционного суда, — это серьезное нарушение нашего суверенитета. (...) Честно говоря, я не вижу здесь возможности для компромисса. (...) Предыдущая система власти выдвигала наверх откровенно отрицательных персонажей. (...) Сегодня список самых богатых людей Польши возглавляют люди, почти 80% из которых были сотрудниками госбезопасности. Таким образом, по сути своей это антигерои. И этот факт крайне негативно влияет на состояние нашей экономики. (...) Что же касается Венецианской комиссии, то о ней, знаете ли, высказываются неоднозначные мнения. (...) Но даже если оставить в стороне довольно сомнительную итальянскую специфику Венецианской комиссии, не стоит забывать: это структура ведет ту же игру, что и Конституционный суд, пытаясь сосредоточить как можно больше власти в руках юристов. А я считаю, что власть должна принадлежать не юристам, а народу. (...) Повторяю: премьер-министр не может опубликовать решения судей Конституционного суда [о неконституционности закона, ограничивающего полномочия суда]. (...) Мнение данного состава судей будет квалифицировано как «non est» — несуществующее. (...) Польшей сейчас руководят люди в основном верующие, практикующие католики. И в некоторых влиятельных западных кругах это вызывает раздражение». («Жечпосполита», 18 марта)
- «В четверг, впервые после прихода к власти, председатель партии «Право и справедливость» (ПиС) Ярослав Качинский встретился с лидерами оппозиции — Гжегожем Схетыной, Рышардом Петру и Влодзимежем Чажастым. (...) Кроме них, во встрече приняли участие лидеры крестьянской партии ПСЛ и партии Кукиз'15, а также представители непарламентских объединений: КОРВиН («Коалиция обновления Республики — Вольность и Надежда»), Коалиции левых сил и партии «Вместе». Ярослав Качинский пообещал в сжатые сроки представить предложения относительно урегулирования конфликта вокруг Конституционного суда. Он также намекнул, что ПиС не против отказаться от некоторых наиболее спорных положений нового закона о суде». (Анджей Станкевич,

«Жечпосполита», 1 апр.)

- «Комментируя результаты встречи, Рышард Петру, лидер партии «Современная», произнес слова о «свете в конце тоннеля». (...) Гжегож Схетына, руководитель «Гражданской платформы», в свою очередь, заметил, что свет в конце тоннеля, который видит Петру — это огни приближающегося бронепоезда, тем самым не только адекватно оценив ситуацию, но и ловко поддев лидера «Современной». Коалиция левых сил, крестьянская партия ПСЛ и движение Кукиза дружно сыграли роль статистов на заранее определенных местах. (...)

Исключением оказалась партия «Вместе», представительница которой сразу после встречи откровенно рассказала, что она об этой встрече думает. «Мы пришли, надеясь, что партия власти опомнится, что ПиС решит вернуться на стезю закона. Но вместо урегулирования кризиса руководство ПиС предложило нам совместное празднование дня Конституции 3 мая», — заявила Агнешка Дземьянович-Бонк». (Витольд Гловацкий, «Польска», 1–3 апр.)

- «Вашингтон постепенно (...) дозировал прессинг на польские власти, добиваясь от них урегулирования конфликта вокруг Конституционного суда на основе принципа верховенства закона и следя, чтобы те не перешли черты и не начали ограничивать свободу частных СМИ. Сначала поступали сигналы от дипломатов, пожелавших остаться неизвестными, затем ведущие сенаторы обратились с письмом к премьер-министру Беате Шидло, за ним последовало официальное заявление секретаря Госдепартамента, а в конце марта, в ходе ядерного саммита в Вашингтоне, Барак Обама отказался встречаться с Анджеем Дудой. Вопросы, связанные с деятельностью Конституционного суда, обсудил с Ярославом Качинским американский посол в Польше Пол Джонс. (...) В четверг, 31 марта, Качинский встречался с лидерами оппозиции и обещал, что, возможно, последует некоторым указаниям Венецианской комиссии. Американцы решили, что появился шанс переломить ситуацию: не случайно днем ранее США заявили о своем намерении направить на учения в Центральную Европу бронетанковую бригаду, а после встречи Качинского с оппозицией Барак Обама в течение нескольких минут обсудил с Анджеем Дудой польский конституционный кризис. Хотелось бы, чтобы оптимизм американцев оказался оправданным. Если же окажется, что они заблуждались, мы опустимся до уровня Турции, страны, которую из стратегических соображений нужно защищать и поддерживать, но которая при этом не принадлежит к западной семье народов». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 4 апр.)

- «Белый дом не зафиксировал упомянутой “беседы двух

президентов с глазу на глаз”. За ужином Обама также коротко переговорил с президентом Турции Реджепом Эрдоганом, однако этому разговору Белый дом все же посвятил небольшой пресс-релиз. И это совершенно естественно, поскольку о каждой беседе Барака Обамы Белый дом выпускает официальное сообщение. После разговора Обамы с Дудой никаких пресс-релизов не было». (Мариуш Завадский, «Газета wyborcza», 2-3 апр.)

- «Несостоявшаяся встреча с Обамой — это одно дело, но удивляет также и отсутствие каких-либо политических встреч в Конгрессе и встреч с представителями крупного бизнеса. Ведь с учетом определенных сомнений относительно экономического рейтинга Польши, визит президента Дуды мог бы стать идеальной возможностью убедить нашего союзника, что все в порядке», — Влодзимеж Цимошевич, бывший маршал Сейма, премьер-министр, министр иностранных дел и министр юстиции. («Ньюсуик Польша», 4-10 апр.)

- «Ослабление наших связей с Америкой происходит на фоне ухудшения отношений Польши с Россией, да еще и в то время, когда мы сами осложняем себе контакты с ЕС, выразительно поворачиваясь спиной к канцлеру Германии (...) и пытаюсь заключать союзы, напоминая самые неудачные шаги польских политиков. Я имею в виду союзы с более отдаленными от нас странами, в частности, с Великобританией, которая сама не знает, останется она в ЕС или нет. С Эстонией и Вышеградской группой (...), странами, которые ни в какое сравнение не идут с Веймарским треугольником. А ведь быть одним из элементов этого треугольника, наряду с Германией и Францией — значит играть в Европе совсем другую роль, нежели быть выразителем местечковых интересов периферийных маленьких стран», — Александр Квасневский, бывший президент Польши. («Пшеглэнд», 4-10 апр.)

- «В понедельник в Варшаву с визитом прибыл генеральный секретарь Совета Европы Торбьерн Ягланд. (...) Ягланд напомнил (...): “Когда не работает Конституционный суд, не работает и принцип разделения властей”. При этом он подчеркнул: “Выходом из сложившейся конфликтной ситуации представляется публикация решения Конституционного суда, а также приведение к присяге трех судей, избранных Сеймом предыдущего созыва”. Аналогичного мнения придерживается Венецианская комиссия. (...) Премьер-министр Беата Шидло считает, что европейские организации должны заниматься другими проблемами, а не ситуацией в нашей стране. “Польша — это правовое демократическое государство, и здесь не происходит ничего такого, что могло бы встревожить европейскую общественность”, — заявила

Шидло». («Жечпосполита», 5 апр.)

- «Во вторник в Польшу на один день приехал первый заместитель председателя Европейской комиссии Франс Тиммерманс. Его визит состоялся в рамках начатой Евросоюзом процедуры проверки состояния законности в Польше в связи с разразившимся в стране конституционным кризисом. (...) В ходе пресс-конференции Тиммерманс заявил (...): «Каждая страна, входящая в ЕС, обязана действовать в соответствии с конституцией и уважать принцип законности. Это требование означает безусловное уважение решений Конституционного суда, которые должны быть опубликованы и приведены в исполнение»». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 6 апр.)

- «Марек Правда (...) с конца 2012 г. и до конца февраля 2016 г. возглавлял представительство Республики Польша при ЕС, а до этого был польским послом в Берлине. Срок его полномочий в Брюсселе истек в сентябре, однако Правда был неожиданно отозван министром иностранных дел Витольдом Ващиковским. Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер уже давно искал подходящую кандидатуру на должность представителя ЕС в Варшаве. (...) В столице ЕС Марека Правду очень высоко ценят в связи с его активной работой в интересах Польши и обширной сетью контактов». «О его выдвижении на должность посла ЕС в Польше было объявлено в четверг. Марек Правда начнет исполнять обязанности представителя ЕС в Польше с 1 апреля». (из Брюсселя Анна Слосовская, «Жечпосполита», 1 апр.)

- «Депутат Европарламента от Пис Януш Войцеховский при поддержке Сейма и правительства, сформированного правящей партией, был выдвинут на должность аудитора Европейской счетной палаты. Вчера его кандидатуру начала рассматривать комиссия по бюджетному контролю Европейского парламента. (...) Комиссия (...) отказала Войцеховскому в рекомендации. (...) Главным камнем преткновения стали сомнения комиссии в том, что Войцеховский, будучи членом Счетной палаты, сможет сохранять независимость от Пис. (...) Во время своего предыдущего депутатского срока Войцеховский существенно завышал стоимость своих перелетов в Брюссель. Его отчетные документы вызвали ряд вопросов у Генеральной дирекции финансов Европарламента. (...) В декабре 2014 г. Коллегия казначеев Европарламента признала эти отчетности сомнительными и обязала депутата вернуть 3 тыс. 900 евро». (Томаш Белецкий, Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 16 марта)

- «В черном списке литовских спецслужб оказалась бывшая замминистра энергетики Литвы, член польской партии Рената

Цитацкая». «Основные претензии связаны с высказываниями Цитацкой в русскоязычной прессе в поддержку польских и российских автономий в странах Балтии. (...) Цитацкая (...) также возглавляет совместную фракцию “Избирательной акции поляков Литвы” и “Русского альянса” в городском совете Вильнюса». (Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 1 апр.)

• «“Нет никаких сомнений в том, что случившееся в небе над Смоленском было спланировано с целью обезглавить Польшу, лишив ее руководства”, — заявил министр обороны Антоний Мацеревич в ходе конференции (...) в Высшей школе общественной и медийной культуры о Тадеуша Рыдзыка. Выступление министра транслировал телеканал “Трвам”» (Войцех Чухновский, Агата Кондзинская). «В ходе своего выступления Антоний Мацеревич также подверг острой критике США. “И эти люди, создавшие свою государственность лишь в XVIII веке, будут рассказывать нам, что такое демократия? Нам, народу, практиковавшему представительскую демократию уже в XIII–XIV веках и ставшему родоначальником демократии для всей Европы?”, — вопрошал Мацеревич». (Бартош Виленский, Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 15 марта)

• «Во время недавней встречи с министром обороны ему был задан вопрос, какова позиция государства в связи с тестированием электромагнитного оружия на польских гражданах. Антоний Мацеревич с необычайной серьезностью ответил, что “в настоящее время готовятся аналитические материалы, благодаря которым можно будет установить местонахождение людей, жалующихся на недомогания, связанные с нелегальным тестированием электромагнитного оружия”. “Это министерство или цирк?”, — возмутился Михал Каминский, еще недавно бывший одним из лидеров Пис». (Александра Павлицкая, «Ньюсуик Польска», 21–28 марта)

• «Замминистра культуры Ярослав Селлин уже заявил, что приход к власти “Права и справедливости” ознаменовал собой конец эпохи коммунизма и посткоммунизма и стал началом эры “настоящей свободной Польши”. В культурном ведомстве Селлин руководит деятельностью Управления национального наследия и в связи с приближающейся годовщиной отвечает за запуск правительственной программы празднования столетия обретения Польшей независимости “Независимая-2018”». (Мирослав Пенчак, «Политика», 23–29 мая)

• «В пятницу Сейм принял закон о запрете пропаганды коммунистического либо иного тоталитарного строя, осуществляемой при помощи названий строительных объектов и мест публичного пользования. Согласно ст. 1 данного закона, названия строительных объектов и мест публичного пользования, в частности, дорог, улиц, мостов и

площадей (...) не должны увековечивать лиц, организаций, событий и дат, символизирующих коммунистический либо иной тоталитарный режим, равно как и пропагандировать его иным образом». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 4 апр.)

- «Войска территориальной обороны должны быть готовы к “самостоятельному проведению антикризисных, антидиверсионных, антитеррористических и антидезинформационных мероприятий”. Их целью будет “укрепление патриотических и христианских основ национальной обороны, чтобы патриотизм и вера польских военнослужащих выступали самым надежным гарантом нашей безопасности”. Эти фрагменты документа, недавно представленного чиновниками министерства обороны в Сейме, опубликовал портал 300polityka. (...) Разработанный Пис проект создания Войск территориальной обороны вызывает в памяти опасную традицию партийных вооруженных групп. (...) Уже в этом году появятся три бригады по 3–6 тыс. военных. (...) Планируется создание 10–тысячной группировки вооруженных, регулярно обучаемых гражданских лиц, и никто не сможет поручиться, что под видом Войск территориальной обороны Пис не создаст собственную армию, состоящую из футбольных фанатов». (Станислав Скажинский, «Газета wyborcza», 19–20 мая)

- «В субботу в Варшаве более десяти тысяч человек приняли участие в манифестации с целью призвать правительство опубликовать решение Конституционного суда, согласно которому закон, ограничивающий полномочия суда, является недействительным. (...) “Мы защищаем Конституционный суд, потому что только он стоит на страже наших прав и свобод, предусмотренных Конституцией”, — говорит лидер Комитета защиты демократии Матеуш Киёвский». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 14 марта)

- «Вице-мэр Варшавы Ярослав Юзвяк заявил, что “по оценкам двух независимых организаций, в манифестации приняли участие 50 тыс. человек”. Старший лейтенант Столичного отделения полиции Мариуш Мрозек сообщил, что в акции протеста участвовало 15 тыс. манифестантов». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 14 марта)

- «На вопрос “Должно ли «Право и справедливость» выполнить рекомендации Венецианской комиссии и опубликовать решение Конституционного суда от 9 марта, касающееся закона о суде?” 65% респондентов ответили утвердительно. Противоположного мнения придерживаются 24% участников опроса. 11% опрошенных не смогли определиться с ответом. Опрос проводил польский филиал концерна “Millward Brown” 22–23 марта». («Газета wyborcza», 24 марта)

• «Находясь в Ломже, Ярослав Качинский высказался об оппозиции. “Они презируют Польшу. Им хочется быть кем-то другим, не поляками. Они считают себя европейцами, как будто существуют какие-то европейцы без национальности, — заявил Качинский, говоря о своих политических противниках. — Им хочется выбросить Польшу из своей жизни. При этом они не действуют бескорыстно. За этим движением стоят силы, которые хотят, чтобы Польша была колонией, прислуживала другим, будучи страной второго, а то и третьего сорта. Но мы не будем колонией, и пусть никто не надеется, что Пис на это когда-нибудь согласится. (...) Под нашим руководством Польше это не грозит. Мы никогда не допустим унижения поляков. Мы сами будем разбираться с нашими внутренними делами, без вмешательства извне”. “И пусть другие страны не прикрываются нашими дружескими отношениями”, — добавил Качинский». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 16 марта)

• «В нормально функционирующем социуме существуют сформировавшиеся представления о верховенстве гражданского общества, куда входят все граждане и с которым связаны их общие ценности и общий моральный кодекс поведения. А также общие критерии правды. Однако в Польше в последние годы наблюдался обратный процесс, связанный с разрушением гражданского общества. Не последнюю роль здесь сыграла дискредитация авторитета президента как символа Речи Посполитой (хотя происходит это может как вследствие бестактных и оскорбительных обвинений в его адрес, так и в результате его собственных поступков, дающих поводы думать, что он ставит партийные интересы выше интересов государства). Беспочвенные обвинения в измене, раздающиеся в адрес руководства страны — еще один пример политической стратегии, разрушающей национальное единство. Все это и формирует в нашем обществе вот эти два ненавидящих друг друга “лагеря”», — проф. Януш Рейковский, бывший президент Международного общества политической психологии, профессор Польской Академии наук, член Европейской академии. («Газета выборча», 19–20 апр.)

• «Конституционный суд работает, несмотря на то, что его решение не опубликовано. Уже назначены заседания по делам, подготовленным к рассмотрению за последние месяцы. На 6 и 7 апреля Конституционный суд назначил рассмотрение трех дел». («Жечпосполита», 18 марта)

• «Конституционный суд полностью отменил принятый по инициативе Пис закон, парализующий работу суда; Венецианская комиссия при Совете Европы согласилась со всеми аргументами польского Конституционного суда; правительство заявило, что не опубликует и не исполнит

решение Конституционного суда. (...) Если правительство не будет уважать решение Конституционного суда, оно фактически поставит себя вне (выше) закона, тем самым потеряв демократическую легитимность, дающую ему право управлять страной. (...) Что это может означать? (...) Автоматическую неправомерность административных решений; обязанность прямого толкования Конституции, возникающую перед тысячами судей (...); право на гражданское неповиновение, бойкот, сопротивление государству; ситуацию драматического выбора, в которой оказываются чиновники, полиция, служители правосудия. (...) Тысячи хлебных престижных должностей, а также (...) революционная круговая порука вынуждают деятелей «Права и справедливости» сдавать экзамен на лояльность — причем на лояльность не в отношении страны, а в отношении Идеи и Вождя. (...) Совместное пребывание за гранью закона очень сильно сближает», — Ежи Бачинский, главный редактор. («Политика», 16–22 марта)

• «Очень тревожным сигналом представляются (...) заявления и угрозы министра юстиции в адрес тех судей, которые осмелятся признать решение Конституционного суда. (...)»

Министр не исключил наложение дисциплинарных санкций в отношении судей, которые будут следовать конституционной норме, предусматривающей, что решения Конституционного суда окончательны и обязательны к исполнению. Это заявление означает, что принцип верховенства права в нашей стране изрядно хромает. Меня удивляет отсутствие реакции юридического сообщества на такого рода заявления. Впервые в истории нашего правового государства министр юстиции заявляет, что судьи, уважающие право и, как следствие, поступающие в соответствии со своими конституционными обязанностями, могут понести за это дисциплинарную ответственность», — проф. Марек Сафьян, бывший судья и председатель Конституционного суда, с 2009 г. отправляет правосудие в Европейском суде ЕС. («Газета wyborcza», 4 апр.)

• «Контрольные процедуры и всевозможные международные механизмы защиты играют большую роль, но тут главное не упустить время. Антидемократические перемены разрушают государство, и часто оказывается, что пути назад уже нет, либо же исправление ситуации крайне проблематично и требует огромных ресурсов. (...) Правовое государство невозможно без независимого конституционного суда. (...) В скандинавских странах, Великобритании и США нет конституционного суда, однако там есть верховные суды, наделенные полномочиями по контролю за нормотворческой деятельностью. Благодаря этому они выступают гарантом разделения властей и их сбалансированности. Разделение властей существует как раз

для того, чтобы власть имущие не могли извратить принципы демократии, превратив их в авторитарные практики.

Авторитаризм не уважает прав и свобод личности, ставя их в прямую зависимость от политических решений», — Адам Боднар, уполномоченный по правам человека. («Ньюсуик Польска», 14–20 марта)

• «Действия, предпринимаемые до сих пор “Правом и справедливостью”, складываются в логическую цепочку: парализована работа Конституционного суда; установлен тотальный контроль партии власти над общественными СМИ; ликвидирована гражданская служба, упразднена независимость прокуратуры; генеральный прокурор, будучи одновременно министром юстиции, наделен огромной властью, позволяющей ему непосредственно вмешиваться в ход следственных действий и работу прокуроров; принят закон, допускающий практически неограниченную слежку за гражданами. (...) Если план ПиС удастся, будет уничтожена сама модель государства, базирующаяся на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также на равновесии между ними. (...) Уже сегодня власть, принадлежащая единолично Ярославу Качинскому, довольно велика. (...) За минувшие четыре месяца реализация плана по разрушению польского государственного устройства, создаваемого с 1989 года, зашла очень далеко. Думаю, что сейчас меч занесен над местным самоуправлением и профсоюзами», — Александр Халль. («Газета wyborcza», 17 марта)

• «Представители нового правительства жалуются на негативную реакцию извне. (...) Дамы и господа, общественное мнение всего цивилизованного мира вами крайне недовольно, (...) поскольку та безумная алчность, с которой вы пытаетесь установить свою власть над всеми сферами общественной жизни, от Конституционного суда, прокуратуры, судов общей юрисдикции и госслужбы до масс-медиа и конезаводов, ассоциируется только с одним явлением, а именно с фашизмом в его классической форме, описанной еще Максом Вебером. (...) Общественное мнение всего цивилизованного мира (...) прекрасно отдает себе отчет, что сплав национализма, популизма, лжи и авторитаризма называется именно так. Это предвестие фашизма. Возможность фашизма. (...) Я не хочу сказать, что вы — фашисты. Однако вы встали на путь, который ведет к фашизму», — Адам Загаевский, поэт, эссеист, переводчик, лауреат многих литературных премий, в частности, международной премии «Neustadt», которую также называют «Малой Нобелевской премией». («Газета wyborcza», 25 марта)

• «Члены Венецианской комиссии вновь придут в Польшу. В июне они проверят положения “закона о слежке”. Положения,

облегчающие спецслужбам слежку за гражданами, разработала еще “Гражданская платформа”. Пис расширило текст законопроекта статьями о контроле за интернетом и в ускоренном темпе обеспечило вступление закона в силу».

(Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 15 марта)

- «Необходимо четко заявить, что в ситуации, когда власть имущие открыто и последовательно нарушают конституцию, когда в стране ограничивается сама возможность успешно сопротивляться бесправию, апелляция к экспертной оценке и реакции уполномоченных международных организаций не только допустима — она еще и свидетельствует о нашем патриотизме. Именно так мы можем попытаться защитить Польшу и ее граждан от произвола», — Влодзимеж Цимошевич, бывший маршал Сейма, премьер-министр, министр иностранных дел и министр юстиции. («Газета wyborcza», 23 марта)

- «Президент Анджей Дуда встретился в субботу в Кракове с пятью американскими сенаторами. (...) Американских политиков и польского президента приветствовала демонстрация Комитета защиты демократии — в руках у манифестантов были экземпляры Конституции Республики Польша, перевязанные траурными ленточками». (Витольд Гловацкий, «Польска», 21 марта)

- «“Неопубликование решения Конституционного суда не лишает его обязательной юридической силы и не освобождает кого бы то ни было от обязательств по его исполнению”, — говорится в резолюции, принятой вчера Национальным советом правосудия. (...) “В соответствии с действующим законодательством председатель совета министров обязан опубликовать любое вынесенное Конституционным судом (КС) решение, если этого потребует председатель КС”, — напоминает в своей резолюции Национальный совет правосудия. В прокуратуру поступило уже более 1 тыс. заявлений от граждан о возбуждении уголовного дела в связи с тем, что решение КС до сих пор не опубликовано. (...) Вчера прокурор, рассматривавший дело, был отстранен от работы с ним. Прокуратура отрицает, что данная мера каким-либо образом связана с его намерениями открыть уголовное производство. (...) Свою позицию обнародовало вчера правление Ассоциации польских судей «Justitia»: “Нежелание министра юстиции-генерального прокурора признавать окончательный характер решений Конституционного суда, а также отказ явиться в КС для участия в разбирательстве дела является грубым нарушением его собственных должностных обязанностей по обеспечению правопорядка в Республике Польша”, — Эва Седлецкая. («Газета wyborcza», 8 апр.)

- «Брюссель не будет приостанавливать процедуру по охране

законности в Польше. (...) И ждет от польского правительства публикации и исполнения решения Конституционного суда. Это и есть выход из сложившегося положения. А уже потом можно будет дискутировать о роли суда и возможной корректировке его полномочий и характера работы, — заявил Франс Тиммерманс, первый заместитель председателя Европейской комиссии. (...) — Дело не терпит отлагательств, и я готов вернуться в Варшаву. (...) Визит запланирован на 18 апреля. Если до этого времени не появится никаких признаков улучшения ситуации в Польше, может быть принято решение о начале второго этапа процедуры по охране законности, связанного с внесением официальных рекомендаций относительно решения возникших проблем. Последним этапом является приостановление права голоса провинившейся страны в Совете Европы. (...) Европейская комиссия по-прежнему очень обеспокоена. Мы постоянно следим за текущей ситуацией в Польше, и история с письмом министра юстиции в адрес судей Конституционного суда обсуждалась нами весьма активно. (...) О том, что Европейская комиссия относится к вопросу крайне серьезно, свидетельствует также запланированный на ближайшие недели визит в Варшаву председателя комиссии Жана-Клода Юнкера». (из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 7 апр.)

• «Когда я смотрю программу «Новости» на канале ТВП, то замечая все больше сходств этой передачи с «Телевизионными известиями» времен ПНР. И подобная ассоциация возникает не у меня одного. Поразительно, что стратегия очернения представителей оппозиции все та же. Пропаганда социалистической Польши использовала те же методики, те же схемы, тот же самый язык ненависти, те же эпитеты. Пристальное внимание к личной жизни, детским годам, сведение счетов с родителями неугодных политиков (...) Оппозиция представляется в самом худшем виде. Все это — приемы той, советской пропаганды. В своих самых пессимистических прогнозах я и допустить не мог, что до такой ситуации дойдет в нашей свободной, демократической стране, в нашей Польше, чудом получившей независимость в 1989 году. (...) Недавно депутат Жалек выступил с дурацким заявлением о том, что участники манифестаций Комитета защиты демократии не принадлежат к польскому народу», — Казимеж Орлось, писатель, награжденный в 2007 году Командорским крестом ордена Возрождения Польши. В феврале этого года отказался принять медаль «Gloria Artis» от правительства ПиС. («Газета wyborcza», 19–20 марта)

• «Кардинал Станислав Дзивиш (...) на прошлой неделе дал польским СМИ лаконичное указание: «Пишите о Всемирных днях молодежи объективно и только позитивно. Информация,

которой вы делитесь, не должна содержать критики, поскольку это наносит вред нашей стране”». («Тыгодник повшехный», 13 марта)

- «Прокуратура и полиция Кракова проводят следственные действия в связи с сатирическим представлением «Неомонахомахия». (...) Следствие считает, что спектакль мог оскорбить религиозные и патриотические чувства поляков». (Мартин Вильк, «Тыгодник повшехный», 13 марта)

- «Партия «Вместе» организовала серию акций протеста в 18 городах Польши, а также в Лондоне и Осло. (...) Это реакция на обращение Президиума Епископата Польши, который в среду призвал полностью запретить аборт в стране, ужесточив и без того ограничительный закон 1993 года, регулирующий прерывание беременности. (...) По данным варшавской мэрии, в самой крупной протестной акции, прошедшей в столице, участвовало 7 тыс. человек. (...) В Познани перед офисом Пис собралось более тысячи человек. В Сопоте на улицу также вышло около тысячи манифестантов (...), в Торуня — свыше ста человек (...), во Вроцлаве — более пятисот человек. (...) К группе “О своем, о девичьем” на Фейсбуке с минувшей пятницы присоединились более 67 тыс. человек. (...) Женщины стали молниеносно самоорганизовываться, создавая локальные структуры». (Эмилия Длужевская, Наталия Валох-Матлакевич, Себастьян Клаузинский, «Газета wyborcza», 4 апр.)

- «Согласно новому законодательству, с 30 апреля на пять лет приостанавливается продажа земли из фондов Государственного казначейства, меняются также правила товарооборота сельскохозяйственных земель. Приобретать землю могут только сельхозпроизводители, исключение делается для органов территориального самоуправления и Государственного казначейства. А также для... религиозных организаций и Церкви. (...) Правительственный центр координации законодательства с обезоруживающей прямотой проинформировал, что (...) “может нарушаться ст. 32 Конституции, то есть принцип равноправия”». («Суперэкспресс», 2-3 апр.)

- «Это очень характерный пример того, в каком привилегированном положении находится в Польше католическая Церковь. Более того, этот пример еще и парадоксален, поскольку данный закон принят по вполне ксенофобским мотивам. Речь в нем идет о том, что польский собственник лучше зарубежного, что приобретение земли в Польше иностранцами угрожает нашему суверенитету. Однако предусмотренное законом исключение действует как раз в пользу иностранного государства! Земля, купленная Церковью, на самом деле находится под юрисдикцией не польского государства, а Апостольской Столицы. Пусть и не по закону, но

по сути эта земля становится экстерриториальной. (...) Сельскохозяйственные угодья всегда можно обработать и продать. Земля — это капитал. (...) Всем хочется иметь в собственности гектары земли и торговать ими по своему усмотрению», — проф. Ян Хартман. («Суперэкспресс», 2-3 апр.)

- «Более тысячи человек вышло на акцию протеста в Варшаве выразить свое несогласие с законом ПиС, существенно ограничившим частный оборот сельскохозяйственных земель и принятый якобы для того, чтобы защитить землю от “спекулянтов” из ЕС». «Организатором акции выступила крестьянская партия ПСЛ. (...) ПиС хочет, чтобы сельскохозяйственные земли, независимо от их площади, а значит, в том числе, и приусадебные участки, могли приобретать только индивидуальные сельхозпроизводители, которые лично ведут хозяйство и проживают в данной гмине не менее пяти лет. Приобретенную землю в течение десяти лет после ее покупки нельзя будет ни продать, ни сдать в аренду без согласия государства». (Марек Вельго, Якуб Вантор, «Газета wyborcza», 17 марта)

- «Европейская комиссия требует от Польши вернуть 170 млн евро, выделенные на развитие сельского хозяйства. Эта мера связана с тем, что органы государственной власти в Польше не контролировали деятельность объединений сельхозпроизводителей и, по мнению Брюсселя, закрывали глаза на различные нарушения при расходовании дотаций Евросоюза. (...) Европейская комиссия сначала наложила на нас штраф в размере свыше 55 млн евро за 2009-12 гг., а сейчас санкции за нарушения, выявленные в 2012-13 гг., составят 115 млн евро. (...) Эти деньги придется отдавать из государственного бюджета». (Кшиштоф Лош, «Наш дзенник», 29 марта)

- «Министр охраны окружающей среды Ян Шишко подписал изменения в Плане лесоустройства, предусматривающие увеличение лимита “санитарной вырубki” в Беловежской пушче до 180 тыс. кубометров древесины на ближайшие десять лет (предыдущий план предусматривал вырубку 40 тыс. кубометров древесины)». («Тыгодник повшехный», 3 апр.)

- «Ни один состав польского правительства за последние 25 лет не допускал такого резкого ухудшения охраны Беловежской пушчи, нашего важнейшего природного богатства, леса, не имеющего аналогов в Европе, а может быть, и во всем северном полушарии. (...) Нам грозит не только международный скандал и конфликт с Европейской комиссией — самое печальное, что Беловежская пушча не сможет излечиться от нанесенных ей ран». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 26-28 марта)

- «Мы проводим в Беловежской пушче эксперимент: трети лесных угодий, входящих в беловежские лесничества,

изменения не коснутся, а на территории других двух третей будут применяться методики активной охраны природы и экологической инженерии», — министр охраны окружающей среды Ян Шишко. («Жечпосполита», 4 апр.)

• «Только в прошлом году в США были разобраны 62 плотины, а за последние сто лет было демонтировано 1,3 тыс. плотин. (...) В Европе было разобраны несколько сотен плотин. Недавно руководитель Регионального управления охраны окружающей среды в Быдгоще Влодзимеж Цеплый не согласовал строительства очередной плотины на Висле. На следующий день он был уволен со своей должности». (Томаш Улановский, «Газета wyborcza», 8 марта)

• «Гжегож Гауден (директор Института книги, одним из издательских проектов которого является, в частности, журнал «Новая Польша» — В.К.) создал по-настоящему эффективную организацию, из-за которой нам завидовали во всем мире не только писатели и издатели, но и все люди, так или иначе связанные с книгами. (...) Увольнение директора в самый разгар издательских программ и инвестиционных проектов (...) свидетельствует о неутолимой жажде власти и должностей, не дающей покоя нашим политикам», — Ольга Токарчук.

«Сегодня в Польше — я говорю сейчас не о моем увольнении, но о процессах, происходящих на всех уровнях государственного управления — наблюдается поистине большевистский захват власти. За несоответствие “линии партии” увольняют даже беременных женщин. (...) Правящие круги и не скрывают того, что с законом они считаются не собираются», — Гжегож Гауден, бывший директор Института книги. («Газета wyborcza», 4 апр.)

• «Можно по-разному оценивать деятельность Института национальной памяти (ИМП). И все же это была организация, обладавшая большой самостоятельностью, ее директор назначался путем очень сложной процедуры, а уволить его было практически невозможно. Теперь все упростилось — директора института будет назначать парламентское большинство, то есть председатель Пис. У руководителя ИМП больше не будет гарантий независимости, а деятельностью института вместе с ним будет управлять коллегия, также состоящая из людей Пис. После многих организаций, павших жертвами так называемых “перемен к лучшему”, пришла очередь ИМП», — проф. Анджей Фришке. («Газета wyborcza», 2-3 апр.)

• «Повсюду можно услышать истории о том, как люди Пис жестко подчиняют себе страну. Недавно я встретил старого приятеля, с которым не виделся несколько лет. Он работает в компании «Полимеркс», (...) где трудятся около 15 тыс. человек. (...) Раньше в управляющих структурах заседали профессионалы, хорошо ориентирующиеся в большом бизнесе,

в том числе международном. (...) Мой приятель рассказывал: “Перемены происходили постепенно — сначала в Министерстве государственной казны, затем был назначен новый министр энергетики, вскоре руки дошли до Агентства производственного развития, затем до нашего наблюдательного совета, после чего изменения коснулись и нашего управления. Вместо двух уволенных руководителей пришли сразу трое, без какого-либо опыта работы в бизнесе такого масштаба. Один из них ранее возглавлял предприятие по утилизации отходов в Седльце, а из этих мест родом министр энергетики Тхужевский, так что они друзья. А наш новый начальник? В свое время он был делегатом партийного съезда Пис. (...) И, насколько я знаю, такие вещи происходят сейчас повсюду”. (...) А всего-то простой инженер», — Томаш Яструн. («Пшеглэнд», 4-10 апр.)

• «Качинский располагает огромной политической властью, но он этим кому-то обязан. И за полученную власть должен кому-то заплатить. (...) Здесь действует механизм обратной связи: ты — мне, я — тебе. Качинского интересует только власть, (...) и за это он раздает людям должности, до которых они по своей компетентности просто не дотягивают. Поэтому им приходится постоянно чем-то отплачивать за свои должности и посты, и механизм будет действовать, пока этим людям будет чем платить. (...) Качинский — главный заложник системы, которую он сам же и создал. Чего бы стоил одинокий пожилой человек, коротающий вечера в обществе любимой кошки, без всей этой орды стяжателей, готовых на все ради хоть какой-то подачки? Не будет подачек, не будет и Качинского с его властью», — проф. Збигнев Миколейко. («Политика», 23-29 марта)

• «Матеуш Киёвский, Магдалена Киёвская и еще двое активистов Комитета защиты демократии в пятницу отправились с восьмидневным визитом в США. Запланированы встречи польских общественников с чиновниками Госдепартамента. “Мы хотим, чтобы наши американские партнеры имели четкое представление о том, что происходит в Польше”, — комментирует Киёвский цель визита в Америку. Активисты КЗД находятся в США по приглашению некоммерческой организации “Freedom House”». («Суперэкспресс», 2-3 апр.)

• «С 1 марта Комитет защиты демократии является ассоциацией. В конце апреля он начнет принимать членов, примет устав и выберет руководство. А до этого примет программу, проект которой только что опубликован». «В своей программе КЗД делает основной акцент на протестных и просветительских акциях, что позволит создать в Польше гражданское общество». (Себастьян Клаузинский, «Газета

выборча», 25 марта)

- «В выходные дни КЗД в нескольких городах Польши провел мероприятия, посвященные принятию нашей Конституции. Самой массовой акцией, организованной КЗД в связи с 19-ой годовщиной принятия Конституции Республики Польша, стал воскресный марш во Вроцлаве, в котором приняли участие более десяти тысяч человек. (...) В субботу в Варшаве день принятия Конституции КЗД отметил перед канцелярией премьер-министра, выставив транспарант “Беата, опубликуй это решение!”. (...) В пикете участвовали несколько тысяч человек». (Себастьян Клаузинский, Яцек Харлукович, «Газета wyborча», 4 апр.)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 29%, «Современная» — 18%, «Гражданская платформа» — 17%, Кукиз’15 — 10%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики – Вольность и Надежда») — 5%, «Вместе» — 5%, крестьянская партия ПСЛ — 3%. Опрос «Millward Brown». («Газета Польска цодзенне», 30 марта)

- «Бесплатное предоставление лекарств пожилым людям, программа «500+» (дотация в размере 500 злотых на второго и каждого последующего ребенка) и снижение пенсионного возраста полезны для общества, но не обязательно полезны для экономики. Так полагает большинство респондентов, участвовавших в опросе ЦИОМа. (...) Относительно же введения банковского и торгового налогов мнения опрошенных разделились». («Газета wyborча», 4 марта)

- «Реализация ключевой правительственной программы «500+» при ежегодных расходах, превышающих 20 млрд злотых — это очень серьезный вызов для финансовой системы страны. (...) Существует угроза, что дефицит государственных финансов в будущем году превысит лимит в 3% ВВП, что связано с потенциальными финансовыми санкциям со стороны Брюсселя. (...) Большие суммы направляются на поддержку всех семей, не только самых бедных. (...) Именно такая модель государственной поддержки выглядит для широких кругов общественности наиболее убедительно». (Богуслав Хработа, Павел Яблонский, «Жечпосполита», 1 апр.)

- «Премьер-министр Беата Шидло не оставила места для иллюзий. “Мне не кажется, что прибытие в Польшу мигрантов сейчас возможно”, — заявила она в эфире телеканала «Суперстация». (...) До 20 сентября 2015 г. Польша отказала во въезде на свою территорию пятистам иностранцам, мотивируя это интересами обороны либо государственной безопасности, а также охраной общественного порядка и безопасности граждан». (Анджей Гайцы, Изабела Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 24 марта)

- «В январе премьер-министр Шидло пообещала, что для

начала мы примем 100 беженцев. Теперь же оказывается, что пока что мы не примем никого. (...) У Польши есть два года на реализацию соглашения ЕС относительно беженцев. По этому соглашению мы должны принять 7 тыс. беженцев. 6100 из них придут из других стран ЕС. В июле прошлого года Польша согласилась принять 1100 человек, из которых 660 должны были приехать с территории Италии, а остальные — из Греции. А в сентябре, в силу очередного решения Совета ЕС, Польша согласилась принять еще 1201 человека из Италии и 3881 из Греции, что составляло 7,7% от общего числа перемещаемых из этих стран 66 тыс. иностранцев. Кроме беженцев, находящихся на территории ЕС, мы согласились также принять 900 человек, размещенных в лагере для беженцев в Турции. Процедура уже идет: делегация польских военных ведет переговоры относительно приема беженцев с Грецией». (Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 24 марта)

- «Среди жертв террористических актов, совершенных в Бельгии, есть один человек с польским гражданством. Кроме того, согласно сообщению польского МИДа, в Брюсселе были ранены трое граждан Польши, которые в настоящее время госпитализированы». («Газета Польска цодзенне», 31 марта)

- «Пограничники задержали 34 сирийцев, перевозивших 15 кг взрывчатки и 4 “пояса шахида” для проведения терактов с участием смертников». («Дзенник газета правна», 11 февр.)

- «Гражданин Пакистана (...) Умер Хайат живет в Варшаве. Здесь у него своя фирма по обучению английскому языку. (...) Он рассказывает: “Я жил во многих странах мира и нигде не сталкивался ни с чем подобным. Здесь, в Польше, меня избili пьяные подростки. Выбили мне зуб, сломали нос. У меня разбиты губы и бровь. (...) После этого инцидента я решил основать в Польше организацию, которая будет бороться за права меньшинств”». (Войцех Карпешук, «Газета выборча», 5 апр.)

- «Кристиана Рамоса, чилийского пианиста и преподавателя, живущего в Польше 12 лет, избил в варшавском пригородном поезде бритый наголо верзила. Перед этим хулиган расспрашивал Рамоса, не араб ли он». («Газета выборча», 29 февр.)

- «По данным опроса, проведенного «Центром Адама Смита», 64% респондентов убеждены, что Польша должна закрыть границы перед беженцами. Однако только четверть опрошенных выражает эту точку зрения категорично. (...) Решительные сторонники закрытых границ составляют всего 8% участников опроса. Опрос был проведен в феврале, то есть перед терактом в Бельгии». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 25 марта)

- «Во время дискуссии на телеканале “TVN-24” у телезрителей

поинтересовались, как, по их мнению, нужно поступать с беженцами — развернуть их лодки в обратную сторону или нет. 85% телезрителей ответили: разумеется, развернуть и не пускать. Вы только представьте себе, как после пережитых избиений и изнасилований, чудом избежавшие смерти, лишенные крова, скитавшиеся в море несколько недель, эти люди в лодках слышат от нас: “Возвращайтесь туда, откуда приплыли”. Мы совершенно утратили эмпатию и элементарное воображение», — Ярослав Миколаевский. («Газета выбора», 2-3 апр.)

- «Наплыв беженцев, прибывших в наши края в поисках более безопасной и спокойной жизни, спровоцирован отчасти нами — войнами, которые мы устраивали на их территориях, эксплуатацией их природных ресурсов и рабской силы. (...) Мы должны обеспечить беженцам место для жизни, даже если нам придется несколько потесниться и чуть-чуть пожертвовать собственным комфортом», — Артур Домославский, автор книги «Изгой» (изд-во «Велька литера», 2016) («Тыгодник повсехний», 3 апр.)

- «Ежегодно мы тратим 10-11 млн злотых на оказание помощи людям из Сирии, в основном пользуясь при этом деньгами ЕС и других международных организаций. К счастью, в мире нам доверяют. (...) Но в помощи нуждаются 13 млн человек. Мы поставляем муку и дрожжи в пекарни, шлем продовольственные и гигиенические наборы, обеспечиваем медицинское обслуживание, чиним системы водоснабжения либо доставляем питьевую воду, привозим людям одеяла, спальные, пластиковые покрытия, которые могут на какое-то время заменить крышу над головой. (...) Поляки работают в нашем офисе в Турции, недалеко от сирийской границы. Случается, что они выезжают в Сирию. (...) Я уверена — когда кончится война, сирийцы будут благодарны нам за нашу помощь. Мне только жаль, что им не за что будет поблагодарить мою страну, которая не сделала для них ничего. (...) Мне грустно, что я не могу гордиться тем, что моя страна помогает жертвам войны», — Янина Охойская, создатель и руководитель Польской гуманитарной акции. («Дзенник газета правна», 25-28 марта)

- «По данным Центра по исследованию предубеждений, работающего на базе факультета психологии Варшавского университета, почти 2/3 представителей польской молодежи сталкивались в интернете с проявлениями антисемитизма. Примерно столько же поляков слышало от своих знакомых агрессивные высказывания в отношении цыган. С расистскими заявлениями в сети сталкивался каждый третий взрослый поляк, а также 70% молодежи. На удивление много поляков одобряют использование языка ненависти, особенно в

отношении евреев и цыган. (...) Главным носителем языка ненависти выступает интернет — как среди молодежи (55%), так и среди взрослых поляков (28%). (...) Одобрение использования языка ненависти в отношении мусульман в большей степени связано с антииммигрантскими фобиями, нежели с религиозными предубеждениями. (...) В рамках исследования «Нетерпимость, предубеждения и дискриминация в Европе» Андреас Зик и Беате Кюппер два года назад провели опрос среди большой группы лиц старше 16 лет. (...) В результате выяснилось, что враждебность широко распространена на всем континенте, и только по причине принятой в СМИ политкорректности об этом не говорится слишком часто. Самый низкий уровень ненависти наблюдается в Голландии, самый высокий — в Польше и Венгрии». (Мартин Хадай, «Дзенник газета правна», 25–28 марта)

Большой прилив

Перевод Ирины Адельгейм

Черепашья медсестра

Над портом громоздится город.

Приморские города южной Европы порой похожи друг на друга, а воплощение их солнечного, стилизованного воображением облика — полотно четырнадцатого века, хранящееся в Национальной Пинакотеке в Сиене, «Город у моря» Амброджио Лоренцетти.

Город Лампедуза ничем не напоминает эту идеальную картину. «Пригороды Бейрута» — назовет его спустя несколько часов в разговоре со мной Антонино Таранто, директор исторического архива. Углубляясь в переулки, рано или поздно попадаешь на виа Рома, главную улицу, соединяющую городской парк с площадью, вернее террасой, выходящей на порт.

Вид с террасы — на порт, на причал Фавароло и на море, по которому приплывают беженцы, — гармоничен. Небо на этом пейзаже — в согласии с морем, структура порта выглядит продуманной, гостеприимной.

Пирсы по-матерински простирают руки к Африке.

Выйдя из поликлиники, я за несколько минут добираюсь до виа Рома и еще за несколько прохожу ее до конца. По пути из парка к улице, которая с террасы круто спускается к морю, я миную бары, церкви, рестораны, невысокие домики, старый мотоцикл с надписью «Моби Дик», киоск, сувенирные лавочки, полицейский участок. И этот необыкновенный дом с самым необыкновенным жителем острова. Мысленно я называю его «Джузеппе Томази», хотя автор «Леопарда» в Лампедузе никогда не бывал.

Между столиками ресторанов и баров греются крупные собаки. Они отличаются друг от друга формой головы, окрасом и длиной шерсти, но не размером — все огромные. Такое ощущение, что у них общие предки. Что все они происходят от какого-то великанского пра-пса, праотца-гиганта. Они ложатся у ног посетителей, едят то, что им кидают. Никто их не гонит, никто их не боится. Разве что иностранцы.

Больница для черепах располагается в порту, в дальнем конце, рядом с песчаным проходом, который ведет к ограде аэродрома и воротам с надписью ДВЕРИ ЕВРОПЫ, обращенной к морю. Это инсталляция знаменитого Миммо Паладино, посвященная тысячам беженцев из Африки, утонувшим в Средиземном море. С течением времени меня, кажется, все меньше будет смущать ассоциация, которую вызывает эта надпись с другой — ARBEIT MACHT FREI.

Я иду по набережной. Прохожу мимо маленьких катеров, яхт, скромных лодок напрокат. Добравшись до цели, обнаруживаю, что больница еще закрыта — обеденный перерыв. Сажусь на скамейку, листаю «Краткую историю Лампедузы» Антонино Таранто. Читаю рассказ кавалера мальтийского ордена Алонсо де Контрераса, начала XVII века: «Лампедуза настолько богата черепахами, что мы загружаем полностью каждый корабль. Еще там множество кроликов». Остров черепах, кроликов и собак.

В больнице хлопочет женщина, энергично, не обращая на меня внимания. Я наблюдаю за ней сквозь стеклянную стену. Она что-то проверяет, переливает, наклоняет, переставляет. За полчаса до конца обеденного перерыва выходит, здоровается с доброжелательной и деловой улыбкой человека, у которого есть всего тридцать минут, не больше.

— Даниэла Фрегги, я черепашня медсестра... Заходи, скоро ты увидишь моих помощников, а пока познакомься с животными. Мы обходим бассейны, в которых плавают, а точнее «висят» на поверхности воды *Caretta caretta*. Из-за того, что стенки бассейна вертикальные, черепахам приходится неестественно вытягивать вверх головы. Я говорю Даниэле, что так смотрит на луну человек, упавший в колодец. Хозяйка больницы смеется и, не успеваю я задать первый вопрос, принимается рассказывать.

— Сейчас у нас тут двадцать одна черепаха. Вес взрослой — несколько десятков килограммов, но есть еще трое первоклассников и один подросток... Прости, что я их так называю — сказываются двадцать пять лет преподавания в гимназии.

Идею ухаживать за черепахами Даниэле подал ее профессор из Римского университета — он приезжал на остров, потому что здесь удобнее всего наблюдать за черепахами и метить их во время гнездования. *Caretta caretta* по-прежнему откладывают яйца на Лампедузе. Последний раз — в июне прошлого года, на пляже Острова кроликов, прекраснейшем на свете.

— Цель больницы, — говорит Даниэла, — очевидна: спасти

черепам, изучать их миграцию. Защищать. От кого? От людей, от рыбаков, которые одновременно являются их естественными союзниками. Когда-то жители Лампедузы массово ловили рыбу-меч. Теперь меньше. Стараются зарабатывать туризмом. Кое-кто еще ловит, но большей частью это уже туристы. А с рыбой-меч черепахам приходится разбираться самим.

Вот, смотри, это операционная, а здесь рентгеновские снимки. На снимках, словно в педиатрическом отделении, где из детских животиков достают металлические шарики, я вижу расплывчатые контуры внутренностей и четкие — инородных тел.

— Эти крючки мы извлекли сегодня утром, — объясняет медсестра. — Один из легких, другой из горла, третий из глаза. Если нужно прооперировать черепаху, я звоню профессору Дибелло из Университета Бари, иногда это случается даже каждый день. Мы покупаем ему билет, он садится в самолет, прилетает и оперирует. Бесплатно. Операция занимает полчаса, не больше. Заодно мы извлекаем из желудка черепахи всякую гадость, берем анализы. Если нужно, лечим, прикрепляем к лапам табличку с информацией, ждем, пока животное окрепнет, и выпускаем.

Я спрашиваю, что за «гадость» она имеет в виду.

Даниэла показывает два больших мешка, наполненных какой-то массой.

— Пластик. Твердый и мягкий. Бутылки, пакеты. Утром мы вынесли один мешок с мусором, через три часа второй. До конца дня наберется третий. Черепахи принимают пластик за пищу, за медуз, это очень плохо кончается.

На стене над мешками надпись: ОПАСНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВСЕ, ЧТО ТЫ БРОСАЕШЬ В МОРЕ.

— А вот мои волонтеры, — Даниэла здоровается с группой молодежи, чуть больше десятка человек. — Лаура, Кьяра, Марко... А с Эвой тебе придется разговаривать по-английски, она финка.

Через полчаса появится еще одна группа практикантов.

— Они приезжают с Сицилии, из Италии, со всей Европы. С Лампедузы у меня только один помощник, только в этом году. Мануэль, мой ученик из гимназии. Условие — волонтеру должно быть больше восемнадцати лет. Нет, на Лампедузе никто нам не помогает... Госпожа бургомистр? Да что ты! У нее есть более важные дела. Она сюда даже не заглянула ни разу... Священник? Ни за что! Папа римский сам по себе, а он — сам по себе. Сомневаюсь, что он читал «Хвалу тебе», экологическую энциклику папы Франциска.

Знаешь, что мне сказал священник из Линозы? Это было, когда умирал мой старый пес. Я его в конце жизни баловала, как

только могла. Однажды взяла на руки, потому что сам он уже не мог ходить, и пошла к мяснику. Встала в очередь и разговаривала с ним так, как разговаривают с членом семьи. «Чего тебе хочется? Хочешь попробовать что-нибудь, чего ты никогда не ел, но чего тебе всегда хотелось?» Наконец решила купить ему куриную грудку. Перед нами стоял этот священник, он слышал разговор. В какой-то момент он обернулся и сказал: «Знаешь, я из тех, кто кормит людей». А я ему в ответ: «А я — из тех, кто кормит голодных».

*

Воспользовавшись случаем, я спрашиваю про собак. Рассказываю о великанах на виа Рома и о картине, которую увидел два года назад, когда беженцы еще свободно ходили по Лампедузе, и которую не могу забыть. Стаи собак и людей на фоне высохшего, скудного пейзажа острова, издалека почти неотличимые друг от друга. Одни шли в сторону порта, другие — в сторону города. И еще несколько — вглубь острова. Самое высокое место здесь — сто тридцать три метра над уровнем моря, деревьев почти нет. С террасы или с холма виден весь остров.

— Во время охотничьего сезона, — прерывает меня Даниэла, — тут стреляют по всему, что движется. Любимый спорт обитателей Лампедузы. Из шести тысяч жителей острова охотятся шестьсот. Палят по птицам, которые летят в Африку, а потом из Африки, по кроликам, по зайцам. Каждый жаждет иметь собаку, желательно породистую. То же самое — приезжие. Покупают, потом бросают, и собаки живут на подножном корме.

Я рассказываю, что по дороге к святилищу ко мне подбежала стая, девять собак. Ростом мне по грудь, могли бы, наверное, растерзать в мгновение ока. Я оглядывался в надежде, что кто-нибудь проедет мимо, но тщетно. Охотничий сезон уже закончился. Я шел вперед, стараясь не показывать, что боюсь, но ведь страх, даже если его скрываешь, обладает запахом — сильным и возбуждающим аппетит. Вдруг одна из собак начала лизать мне руку. Потом вторая, третья. Они лизали мне ладони еще пару мгновений, потом побежали к морю.

— Они добрые, — отзывается Даниэла. — Ни разу не слышала, чтобы они на кого-нибудь напали. Люди иногда просто оставляют собак на острове, иногда подбрасывают мне. Но я не могу ими заниматься, хотя очень хотела бы заботиться обо всех животных. В школе я зарабатываю тысячу триста евро, за работу в больнице для черепах не получаю ничего. Более того,

доплачиваю из собственного кармана, если нужно купить лекарства. Так что никого, кроме черепах, уже не потяну.

*

— Легче, — черепашня медсестра возвращается к своей любимой теме, — спасти черепаху, которая проглотила крючок или попалась на него, чем ту, что запуталась в сетях. Крючок, как я уже говорила, можно вытащить за полчаса, а из сети черепахи выбираются с трудом, часто тонут. Я разговариваю с рыбаками, объясняю, что они должны приносить мне всех черепах, которых в состоянии поднять. Не только тех, которые явно больны или покалечены. Нужно ловить всех черепах, потому что у многих в желудке — та гадость, которую люди бросают в воду. Но сам понимаешь, охота рыбакам с этим возиться...

Входит очередная группа волонтеров. Даниэла руководит ими, как доктор Пьетро — персоналом больницы. Глаза на затылке, а инструкции звучат, словно армейские приказы. Даниэла замечает, если кто-то наливает воду не из ближайшего крана и зря теряет время. Если кто-то забыл закрыть калитку — потом приходится ругаться с посетителями.

Пока Даниэла разговаривает с молодежью, я разглядываю стоящий на постаменте скелет черепахи. Он похож на черепашьего ангела — летящего, улыбающегося.

Когда Даниэла возвращается, я рассказываю ей о двух вещах, которые удивили меня на Лампедузе: уродливой архитектуре и отсутствии зелени.

— Нужно помнить, — объясняет она, — что остров, не считая доисторических и древних времен, был заселен лишь в 1843 году, Бурбонами. Поэтому отсутствует более старая архитектура, людям не на что было ориентироваться. Первый сознательный урбанистический проект — семь зданий, построенных в середине XIX века. Вторая проблема — культура первых поселенцев. Многие из них ехали сюда только затем, чтобы избежать тюремного заключения на материке. Взамен за свободу они должны были корчевать и вырубать на острове леса. Изначально здесь было много зелени. Лампедуза представляла собой один сплошной лес. Вот тогда и истребили всю растительность, хотя позаботиться о ней было нетрудно, мы ведь живем возле воды. Достаточно углубиться в землю на десять метров, чтобы добраться до источника. На Линозе, в нескольких десятках метров отсюда, все совсем иначе. Там совсем нет родниковой воды, жителей чуть больше двухсот человек, но все дома утопают в зелени. Все разноцветные, веселые. А у нас тут пустынно и серо. Я думаю, это результат

эгоизма, которым отличаются жители Лампедузы. Каждый заботится только о своей собственности. О своем жилище. И плевать хотел, вписывается ли его дом в пейзаж, сочетается ли с окружающей природой. Важно только то, что находится внутри. Удастся ли выгородить достаточно помещений, чтобы жить в достатке. Потому что чем больше комнат, тем больше их можно сдать, и тем больше заработать. Внутри стоит роскошная мебель, стереосистемы, а как дома выглядят снаружи, для жителей острова обычно не имеет значения. Да еще эта привычка все выкидывать на улицу... Все, то есть мусор. То, что вне их жилища, они считают ничейной территорией. В том, что морские черепахи глотают пластик, виноваты не только туристы.

*

— Иммигранты?.. Вот, смотри, что у меня вышло с иммигрантами.

Даниэла показывает мне фотографию, на ней люди в спортивных костюмах среди разбитых витрин, перевернутых столов.

— В 2011 году, когда в Тунисе произошла революция, их приплыло несколько тысяч. Больше, чем было жителей на острове. Тогда подожгли бензоколонку и Центр идентификации и экстрадиции. Начались конфликты с местными. Однажды я застала беженцев у себя в больнице... Нет, они не вломились. Их пустила сюда полиция — не знала, что с ними делать. Они спали среди черепах, портили оборудование и мебель. Не специально. Им было тесно, поэтому они переставляли аппараты, переворачивали мониторы. Постепенно нам удалось достичь с гостями status quo. Когда я уходила в школу, они следили за порядком в больнице. Нет, я на них не в обиде. Я в обиде на наши власти, которые меня не предупредили. Я бы позаботилась об оборудовании, компьютерах. А так пришлось четыре дня все убирать и ремонтировать.

Священник

Я посылаю эсэмэску госпоже бургомистру и выключаю в телефоне звук, потому что вхожу в церковь. Спрашиваю, где священник. Мне говорят, что служба через полчаса и лучше всего прийти перед самым началом. Нужно будет громко постучать в дверь справа, на уровне трансепта.

Я возвращаюсь через двадцать минут.

Стучу раз, другой, третий.

За минуту до начала службы мне открывает священник в литургическом облачении. Ему лет сорок.

— Дон Миммо, — представляется он и подает руку.

Объясняю, кто я такой. Дон Миммо просит прийти после службы, через полчаса. Он сам меня позовет.

На площади перед церковью я глажу собак. Вхожу в храм за три минуты до благословения, смотрю на три сине-белых витража, но разобраться, что на них изображено, не успеваю.

Дон Миммо кивает мне. Исчезает в ризнице. Возвращается уже без ризы, в рубашке с колораткой.

Мы устраиваемся в катехитическом зале.

*

Священник говорит, что служение на Лампедузе имеет свою специфику. Потому что это, вроде, итальянцы, однако до Сицилии, где он сам родился, отсюда сто двадцать миль. Африка ближе.

— Двадцать квадратных километров суши. Уединенное место, где до 1969 года не было аэродрома. Шесть тысяч четыреста жителей, из которых около четырехсот — представители сил правопорядка и армии. В жизнь шести тысяч местных ворвалось несколько сотен тысяч чужеземцев.

Я спрашиваю, что он говорит жителям острова, у берегов которого умирают беженцы. Что он пытается донести до их сознания.

— Я говорю, что происходящее сегодня предоставляет им удивительный шанс. Во время следующей проповеди я скажу им, что ко мне приходил поляк, поговорить. И что если бы я сказал ему правду — что у меня нет времени, потому что назначена встреча — то поляк пошел бы к кому-нибудь другому. А я бы остался без этой встречи. Я бы не узнал, что потерял. А потерял бы я понимание, что от меня как от священника ждут, чтобы я что-то сказал людям в этой трудной ситуации. Может, без вас... Простите, давайте на «ты». Может, без тебя я бы об этом забыл?

Что еще?.. Я снова повторяю им то, что говорю ежедневно: что эти люди из Африки пришли рассказать нам, как они нас видят, кто мы для них. И затем, чтобы мы испытали себя: сумеем ли проявить то милосердие, которого они от нас ждут, сумеем ли повести себя достойно.

Если миллионы людей бегут из Африки в Европу, значит, они хотят сказать нам, что мы в их глазах — богатые и счастливые. Иначе их бы здесь не было. Иначе они бы не бежали к нам от нищеты. Они говорят, что, с их точки зрения, мы живем солидарно и мирно. Иначе они не бежали бы к нам от войны.

И когда они задают нам свой вопрос — без слов, самым своим появлением в наших домах — мы теряемся. Потому что мы привыкли думать, что нам мало платят, что нас недооценивают, игнорируют, что мы слишком много работаем и подвергаемся насилию.

И вот, чтобы встретиться с этими людьми, мы должны, прежде чем ответим себе на их вопрос, ответить на другой. На тот, который задал Иисусу святой Иоанн Креститель: «Ты ли Тот, Которому должно придти, или другого ожидать нам?»

Я не прерываю священника, потому что представляю себе, что это проповедь. Представляю себе, что эта проповедь звучит в моей стране. Вспоминаю, как умел когда-то идти за словами священника. Не спорить с ним, а слушать. И не ждать, когда он закончит.

Не мечтать, чтобы он закончил побыстрее.

— ... я говорю прихожанам, что самая главная причина жизненной стагнации — то, что мы ждем какого-то нужного, подходящего момента для истины и мужества. Твердим себе: «другого ожидать нам». Каждый момент — тот самый, другого может не случиться. Этот момент — единственный: то, что миллионы беженцев видят в Европе, в том числе в Лампедузе, край благоденствия, мира и свободы. И в этот момент ты должен оправдать это их представление о тебе.

Такой момент, скажу я прихожанам, — еще и упражнение для развития памяти. Итальянцам неплохо бы вспомнить, что они также — нация эмигрантов. У меня самого больше родственников в Канаде, чем на Сицилии, и друзей больше в Германии, чем в Италии.

Я скажу, как говорю все время, что это прекрасная возможность задуматься над тем, что такое Европа. Потому что для беженцев мы европейцы, хотя думаем о себе как об итальянцах или поляках. Мы до сих пор не осмыслили достаточно серьезно, что такое общая европейская идентичность. И самое время об этом задуматься. Беженцы из Африки мечтают о Европе — о чем именно? Давайте наконец сформулируем, что же нас объединяет — поляков и итальянцев? Мы — народ эмигрантов, и вы — народ эмигрантов. Я помню, как поляки искали счастья за пределами своей родины. Может ли этот общий опыт помочь нам обрести общую идентичность?

Еще я говорю им: какое счастье, что беженцы оказались именно здесь, что мы их встречаем, видим. Потому что, думая о незнакомце, мы рискуем совершить ужасный грех. Грех расизма. Думая о чужаках, у которых другой цвет кожи, другая религия и обычаи, которые к нашим проблемам добавляют

свои, да еще нарушают наш покой, легко проникнуться неприязнью. А когда ты видишь, как тонет мать с ребенком на руках, в тебе не остается расизма. Ты сам оказываешься на их месте. Сочувствуешь или чувствуешь так же, как они. Спасая их, словно собственную семью.

У меня нет ни желания, ни смелости, ни причин прерывать проповедь. Прерывает ее кто-то другой — открывает за моей спиной дверь и заглядывает внутрь. Я чувствую, что разговор подходит к концу, и задаю вопрос, который не могу не задать. Который не задал доктору Бартоло: что чувствует священник, когда рядом укладывают тела — одно за другим?

— Третьего октября, — отвечает дон Миммо, глядя мне прямо в глаза, — я еще не служил тут. Священником был отец Стефано. Но вскоре мне предстояло принять епархию, поэтому я приехал, чтобы подготовиться. Седьмого октября я был на аэродроме, в ангаре, где установили триста шестьдесят шесть гробов. Скажу тебе откровенно: мне не удалось тогда помолиться. Я не сумел произнести ни одного слова молитвы. Это случилось со мной второй раз в жизни. Первый раз — в Освенциме, когда я стоял на пороге камеры, такой тесной, что узники не могли в ней двигаться. Разум и сердце молчали. Я не смог извлечь из себя ни одной мысли.

Из книги «Большой прилив», изд. Dowody na istnienie 2015.

Мир желает обманываться

Mundus vult decipi

Кто из недавних поколений поляков не помнит выражения: «Пресса лжет»? Что из него следовало? Может быть, то, что правдой являлось нечто противоположное содержанию прессы? Это противоречило бы элементарным законам логики, так как нередко в прессе все же можно было обнаружить какие-то частицы правды. Впрочем, люди, хотя и соглашались, в общем, с такой постановкой вопроса, по-прежнему покупали прессу и... делали вид, что читают между строк. Хотя многим из нас это в самом деле удавалось. Требовало ли это от нас незаурядных способностей? Если да, то надо бы прийти к выводу, что пишущие журналисты прекрасно умели обманывать своих главных редакторов и, следовательно, цензуру. Но действительно ли они обладали такими способностями? И были ли главные редакторы и цензоры столь тупы? И означает ли это, что мы жили в тотально оглупевшей стране? Это уж слишком.

Один датчанин около полутора веков тому назад придумал, как донести до людей истину по-другому. Прежде всего, он предположил, что мир желает обманываться, и что людям нужно лгать, ибо они сами этого хотят. Этот тезис приемлем и в наши дни, может быть, за некоторыми исключениями... Если такое предположение верно, возникает вопрос: как донести до людей правду? Ведь, основываясь на ложной информации, они начинают догадываться, что правдой является противоположность данного известия. И так ложь становится путем, ведущим к правде. А поскольку с логикой нынче плохо (я имею в виду также то, что ее не преподают в школе), то на основе неверной информации читатели вдобавок должны догадаться, что правда — это ее противоположность. Такое мог выдумать только циник? Например, профессиональный игрок в покер, мошенник? Нет. Сторонником этой теории был упомянутый датский философ-богослов Кьеркегор. Он говорил, что людям, недоброжелательно настроенным к христианству, не следует прямо говорить правду о нем, чтобы не оттолкнуть их, а нужно говорить именно неправду. Тогда они заинтересуются, наверное, оскорбятся и вскоре постараются опровергнуть очевидную для них чепуху ради... правды о христианстве, может быть, даже предложат какие-нибудь «поправки». Метод коварен, но цель высока... Однако смогла бы

какая-либо из церковных ортодоксий принять такой метод? Риторический вопрос: конечно, нет, хотя, возможно, и выиграла бы от этого.

Здесь появляются и другие вопросы. Например, почему все же в одной из великих христианских Церквей отменили индекс запрещенных книг? А потому, в частности, что, как гласит пословица, запретный плод сладок, он вызывает интерес. И вопрос уже из другой области: осуждая какой-нибудь фильм или книгу (не вдаваясь в их подробности) в связи с тем, что они говорят неправду или же ставят под сомнение некие догмы — не вызываем ли мы повышенный интерес к ним, то есть не достигается ли результат, полностью противоположный желаемому?^[1] Так что коварен не метод, но человеческая психика, а метод — лишь ее отражение.

В чем, собственно, его особенность? Так вот, в отличие от широко применяемых действий, основанных на уверениях, что нечто является абсолютной истиной, посредством чего как раз и обманывают людей, при предлагаемой датским философом процедуре обманывают для того, чтобы внушить людям правду. Пример: если у кого-то есть рецепт, как улучшить социальные отношения, и он предложит, в соответствии с самыми искренними намерениями и наилучшими знаниями, теоретически (научно) обоснованный путь перемен, то есть истину — защитники нынешнего состояния дел могут нападать на него, притеснять и даже принести его в жертву... Тогда как мошенника, восхваляющего нынешнюю действительность, мир, который желает обманываться, наградит аплодисментами, хотя некоторые, возможно, сочтут это конформизмом. Мошенникам везет больше, чем правдолюбам — и тогда, когда (вопреки истине) они хвалят действительность, и когда, распространяясь о «блестящих перспективах», также предсказывают неправду. Переходя к техническим вопросам: в этих случаях различные инструменты, орудия, служащие для разоблачения лжи — окажутся совершенно излишними. Зачем кому-то, к примеру, «голосовой анализатор», измеряющий усиление стресса при вранье, или замеры времени, указывающие на замедление ответа при ложных высказываниях по сравнению с правдивыми (где разница, измеряемая долями секунд, необходима для обдумывания)? В результате в таких делах все эти высокоспециализированные «детекторы лжи» можно сдать в утиль: кому было бы интересно выяснять, не говорит ли, случаем, кто-то правду, раз мир любит обманываться... Для правящей системы опасны не те, кого называют лжецами, а мечтатели, утописты, сказочники и им подобные, кто представляет окружающую действительность или ее недалекие перспективы метафорически, например, в виде идеального

государства, организованного по примеру «Скотного двора» Оруэлла или «Сказок королевства Лайлонии» Лешека Колаковского. Этому учит история не только XX века. Всякая утопия — это показатель недовольства существующими порядками, разочарованности. То есть это разновидность лжи, которая провозглашает правду или, по крайней мере, требует ее. Тогда в тюрьму нужно посадить не политических мошенников, а гуманистов с буйной фантазией, так как именно они морочат людям голову. Но ведь ни одно цивилизованное общество не может обойтись без создаваемых ими символов, порой отражающих мифы, которые господствуют в данных сообществах. Без них нет культурной преемственности, истории.

Из приведенного выше урока должно бы следовать, что памятники нужно ставить и лжецам, мошенникам... Но верен ли такой вывод? Мне бы не хотелось судить об этом. Факт состоит в том, что пьедесталы то и дело пустеют, а они не любят долго стоять пустыми, их нужно быстро занимать, ведь они служат личными примерами. Но если верно исходное предположение, что люди хотят обманываться, то на пьедесталах должны появиться и очередные лжецы, мошенники, соответствующие своему времени; лишь затем, собственно, чтобы через некоторое время уступить место следующим... в соответствии с новыми временами. Итак, повторяюсь в конце: это не история коварна, не теории, но люди, осознающие, что их обманывают, и умышленно соглашающиеся на это. Много в истории свидетельствует, что люди неплохо с этим уживаются.

«Одра» 2016, № 2

Кароль Тёплиц (род. 1936), философ, ученик Лешека Колаковского, переводчик и исследователь творчества С. Кьеркегора.

-
1. Вспомним хотя бы недавнюю очень громкую историю с выступлением министра культуры и искусства против постановки спектакля «Смерть и девушка» во вроцлавском Театре Польском — билеты на это представление распроданы уже на три месяца вперед — Примеч. ред.

Выписки из культурной периодики

Мероприятия, связанные с шестой годовщиной катастрофы президентского самолета под Смоленском, прошли чрезвычайно торжественно, с должным величием и в полном государственном формате, завершившись призывом председателя «Права и справедливости» Ярослава Качинского воздвигнуть на Краковском Предместье в Варшаве два монумента: один — в память всех жертв катастрофы, второй — Леху Качинскому, который, как можно прочесть на открытой по этому случаю мемориальной доске, погиб, выполняя государственные обязанности. Новая власть создала при министерстве обороны специальную подкомиссию, имеющую целью установить — таки правду о причинах несчастного случая, а прокуратура, в свою очередь, открыла новое следствие по этому делу. Не подлежит сомнению, что произошедшее 10 апреля 2010 года представляется одной из самых важных проблем для правящей ныне в Польше команды, выражающей уверенность, что предшественники стремились, скорее, дело замять, нежели прояснить, ибо намеревались сокрыть собственную виновность.

Политике аккомпанирует искусство. Прозвучавшее к настоящему времени эхо катастрофы рассматривает Войцех Хмелевский в статье «Смоленские строки», опубликованной на страницах газеты «Жечпосполита» (№ 83/2016): «В тексте под заголовком “Поэзия в тени Смоленска” Мацей Урбановский писал о состоянии польской литературы до 10 апреля 2010 года: “<...>должен был наступить конец истории, и в дивном новом мире постсовременности предстояло заняться лишь частными обязательствами, писать занимательные стихи о стихах, сигаретах, гниющих вишенках, водке — в общем, ни о чем, что даже получило красивое и удачное название «банализм». 10 апреля 2010 года смоленская драма разрушила этот идиллический настрой. Она стала потрясением для поляков. И должна была стать потрясением для польских поэтов”. Добавим — не только поэтов. Катастрофа президентского самолета под Смоленском нашла выражение и в прозе, которая, согласно своей природе, среагировала на национальную трагедию несколько позже, но столь же весомо, открыв расширенную перспективу для поэтических голосов, —

в центре ее оказалось варшавское Краковское Предместье и события, там разыгрывающиеся». А разыгрывались там сцены как возвышенные, так и гнусные, — от патриотического подъема до непотребных, вульгарных манифестаций. Преобладали, конечно же, первые, — а вот внимание масс-медиа привлекали вторые. Всему этому предшествовали катастрофические предчувствия, о которых Хмелевский пишет: «Еще до того, как разбился “Туполев”, в стране воцарилась странная атмосфера, словно предвещавшая трагедию. Необычность и двусмысленность характера времени определялись взаимной ненавистью и бескомпромиссной политической борьбой двух партий. Творческие люди ощущали это, ибо тревога и кровь присутствовали в их произведениях». О своих предчувствиях некоторые поэты вспоминали уже после трагедии: «Атмосфера перед катастрофой. Жутковатая, мрачная». Похоже, независимо от того, что произошло, несчастье было неизбежным, поскольку писатели (в конце концов, писал ведь Милош, что «поэт в Польше — барометр»), во всяком случае, наиболее проницательные, реагировали с упреждением. Потом, понятное дело, стали выразителями коллективных эмоций: «Стихи о Смоленске лета Господня 2010 написали многие поэты, в том числе выдающиеся <...>. Для многих из них катастрофа повлекла переоценку собственного творчества. Другие же просто выражали боль, испуг, потерю веры. <...> Не один читатель содрогнулся, читая стихи, написанные чаще всего высоким библейским слогом, полные картин кровавой смоленской гекатомбы. Тем более, что среди создававшейся тогда поэзии много было произведений слабых и неудачных. Это расценивалось как следствие отчаяния или минутное помрачение авторов, после чего надо взбодриться и вернуться к действительности, или просто как “стихи по случаю” <...>. Однако иной род критики последовал со стороны тех, кто, в силу политического антагонизма, в “смоленских стихах” усматривал нечто мрачное и опасное. <...> Публиковавшиеся тогда на злобу дня в интернете поэтические произведения вызывали, конечно же, психологический дискомфорт у тех, кто не сумел или не хотел окунуться в единение национального траура. Они реагировали аллергически, причем агрессивно. Пожимали плечами, крутили пальцем у виска, насмешничали».

Такое размежевание позиций наличествует, в принципе, в любой творческой среде, в том числе у кинематографистов. Как пишет Анета Козёл в статье «Проклятые актеры», опубликованной в «Политике» (№ 16/2016), разделение, хотя и существовало ранее, особенно обострилось после смоленской катастрофы: «Очередное идеологическое размежевание в

актерской среде началось — либо просто проявилось с новой силой, как и во всем польском обществе, — в связи со смоленской катастрофой. И выразительно обозначилось в последовавших за ней политических кампаниях. Часть актеров, например, Даниэль Ольбрыхский, Януш Гайос или Кшиштоф Ковалевский, выступила на стороне “Гражданской платформы”, поддержав на очередных президентских выборах Бронислава Коморовского. <...> А в избирательном штабе Ярослава Качинского оказались, в частности, Ежи Зельник, Катажина Ланевская, Редбад Клинстра, Анджей Маштеляж, Эва Далковская. Вскоре — что трудно отнести к случайностям кастинга — все эти лица мы увидим в “Смоленске”, игровой киноверсии гипотезы о покушении на летящего в Катынь Леха Качинского. Трейлер уже создан, его просмотрели 2 млн зрителей, которые оставили сотни политически окрашенных комментариев к клипу». Независимо от того, какую в конечном итоге форму придадут фильму его создатели (премьера, как сообщает пресс-релиз, по техническим причинам переносится на более поздний срок), — картина на экранах рано или поздно появится. И начнется очередная дискуссия, явно не по вопросам искусства кино.

Размежевания продолжают углубляться, поскольку как политики, так и масс-медиа делают все, чтобы накал страстей не спадал. Причем все это на гораздо более обширном пространстве. И не случайно выпуск «правого» издания «В сети» № 15/2016 продается с диском под названием «В стихах и в бою» с записями песен на слова преимущественно тех поэтов, которые — как Гайцы, Тшебинский, Строинский или Крахельская — погибли во время Второй мировой войны (и, конечно же, к этому — гимн легионов Пилсудского и песня неизвестного автора «Бей большевика!»). Вся вторая страница — это реклама «патриотической одежды высшего качества», модной сегодня среди группировок молодых националистов, исповедующих культ повстанцев и послевоенных партизан-антикоммунистов, нареченных «проклятыми солдатами». Эта молодежь, охваченная заботой «правых кругов» (возможно, лишь заигрывающих с ней), демонстрирующая, прежде всего, свою враждебность по отношению к «чужакам», «левакам» или гомосексуалистам, культивирует охранительные позиции в уверенности, что это — демонстрация патриотизма. Ей также адресуются слова опубликованной в том же номере статьи Мацея Павлицкого «Польша уверовала», содержащей тезис, что именно Польша в настоящий момент является оплотом христианской идентичности Европы, угрозу чему несут обезбожившие общества Запада: «Так что мы снова должны встать на защиту Европы перед ордами варварской дикости.

Правящий в Европе класс бюрократов и леволиберальных фанатиков видит в христианстве одно из трех — наряду с семьей и национальным государством — препятствий для установления политкорректного тоталитаризма. А наши модники, затесанные под фасон просвещенности, аплодируют. Те самые, кто сетовал, что польский, «народный» католицизм — поверхностный, что он хуже западного, зрелого христианства, которое постигло суть религии и человека. Что же: западное христианство «дозрело», упало и лежит. Через 1050 лет роли поменялись. Польский католицизм стоит перед громадной задачей. Он должен вместе с несколькими союзниками вывести одряхлевшую Европу из тупика, в который она сама забрела. Тупика, в который с горячечной одержимостью устремилась. Наш народ как лава...^[1] Его внутренний пламень — почти всегда на протяжении истории и в сердцах поколений и поколений поляков — комплекс моральных императивов, выросших из христианства». Оказывается, нас ждет роль «богоносцев».

Но есть и другая сторона конфликта. О ней пишет Роман Павловский в статье «Мария Пешек стреляет музыкой» на страницах «Газеты выборчей» (№ 84/2016). Комментируя последний — названный «Винтовка» — альбом певицы, автор пишет: «Мария Пешек своим новым диском возвращается к истокам рока, который в Польше в течение последних двух десятилетий утратил многое из своего мятежного характера и бескомпромиссности, направил бунт по нужным руслам и сражается не за умы и сердца своих слушателей, а за их кошельки и банковские счета. Пешек поет об отце, в одиночку воспитывающем ребенка, ищущем себе по объявлению партнершу. О двух лесбиянках из маленького городка («ах, красотки, да вот lesbi»), которые покончили с собой — догадайтесь почему. О пареньке с зелеными глазами, который пошел на войну и вернулся в «мешке для смерти». Наконец, поет о некоей стране в Центральной Европе, где можно все: «Можно травить словами / Можно травить молитвой / Сортировать людей / Резать крестом, как бритвой». Это не конъюнктура, как утверждают некоторые, а последовательная творческая позиция. Предыдущий диск «Иисус Мария Пешек» целил в фундамент политической системы, которую ныне строит новая власть, — национально-католическую идеологию. Пешек выступала против принудительности рождения детей и обязательности материнства. Показывала историческую политику как шантаж, с помощью которого правые хотят из граждан вновь сделать солдат, причем сразу проклятых. Наконец, признавалась, что не верит в Бога, пела: «Бог не мой пастырь». Тогда на певицу лавиной обрушились

интернет-тролли, чьи угрозы Пешек сегодня цитирует в “Modern Holocaust”: “Сегодня, сегодня ко мне в интернете / Я тебя прикончу, утоплю в клозете / Левацкая падаль / Лесбиянка, вонючка / С головой не в порядке / Доберусь до тебя, сучка”. Оказалось, что поющая женщина, которая не стремится быть матерью, не верит в Бога и не собирается погибнуть за родину, не имеет права на жизнь в своей стране».

Можно из этого умозаключить, что, с точки зрения защитников христианской идентичности Европы, Мария Пешек уже для дела потеряна. Перед лицом отмечаемого 1050-летия крещения Польши для наших богоносцев чрезвычайно драматическим оказывается известие, что певица представляет, в общем-то, немалочисленную в стране массу охваченных «леволиберальной» чумой граждан, приверженных законам либерального правового государства, где соблюдаются установленные принципы и процедуры. Причем эти граждане вовсе не обязательно, как это пытаются внушить, относятся к «левым» (в смысле XIX века), а тем более к «левакам». И вот о чем на самом деле идет спор в Польше: представляют ли закон и процедуры права высшую ценность или их можно приспособлять к сиюминутному лозунгу «блага народа» и самоуправно определяемыми «государственным интересам», которые навязываются некими доминирующими в данный момент политическими группами и по определению не подлежат обсуждению. И почему должно происходить так, что «левыми» оказываются не по собственному выбору, а по чьей-то указке? Пока что в декларациях, призывающих порвать связи Польши с «закатной» Европой, слышится эхо строк Блока: «Мы широко по дебрям и лесам / Перед Европою пригожей / Расступимся! Мы обернемся к вам / Своею азиатской рожей!»

-
1. Слова молодого патриота Петра Высоцкого из «Дядюв» Адама Мицкевича — *Примеч. пер.*

Наталья Горбаневская

как официальный зарубежный представитель исторического сборника «Память»

Недавно ушедшая из жизни Наталья Евгеньевна Горбаневская (1936–2013) была не только известной правозащитницей, поэтессой, переводчицей и публицистом. На протяжении ряда лет (с 1976 по 1982 годы) Н.Е. Горбаневская была официальным представителем за рубежом редакции исторического сборника «Память», который стал одной из первых попыток создать независимое гуманитарное научное издание в СССР. При этом в литературе, посвященной Наталье Горбаневской, например, в прекрасной книге Людмилы Улицкой, этот аспект ее деятельности практически не затрагивается. Восполнить этот пробел мы попытаемся в нашей статье, написанной в первую очередь на материалах архива Института восточноевропейских исследований при Бременском университете и интервью с авторами «Памяти», проведенных нами в 2013–2014 годах. В истории советского диссидентского движения исторический сборник «Память» занимает особое место. Сборник готовился в СССР (Москве и Ленинграде), а затем передавался для публикации на Запад. На его страницах (каждый выпуск состоял из 600–800 страниц) публиковались материалы по истории репрессий и сталинских лагерей, повседневной жизни и общественных движений в СССР в 1920–1950 гг., по истории советской науки, культуры и литературы, появление которых в официальной «подцензурной» советской печати было невозможно. Всего вышло пять выпусков сборника: первый в Нью-Йорке, в издательстве “Khronika-Press”, остальные в Париже — со второго по четвертый в издательстве “YMCA-Press”, а последний — в издательстве “La Press Libre”. Основателями сборника и его неформальной редакционной коллегией (поскольку официальной быть не могло) были А.Б. Рогинский, С.В. Дедюлин, В.Н. Сажин, А.И. Добкин, Ф.Ф. Перчёнок, К.М. Поповский, Л.И. Богораз, А.Ю. Даниэль, А.С. Коротаев, Д.И. Зубарев. Безусловным лидером этого сообщества был А.Б. Рогинский. Наталья Горбаневская была знакома с создателями «Памяти» еще до своего отъезда из СССР и была связана с его изданием

практически на всех этапах, хотя и не принимала непосредственного участия в «вызревании замысла» и обсуждениях будущего проекта. С Ларисой Богораз Горбаневская была близко знакома благодаря совместному участию в диссидентском правозащитном движении. В частности, обе они принимали участие в знаменитой демонстрации на Красной площади против введения советских войск в Чехословакию 25 августа 1968 года. С Арсением Рогинским, тогда еще студентом Тартуского университета, Наталья Горбаневская познакомилась в Тарту в конце 1960-х. Арсений Рогинский читал, распространял и вместе со своим близким другом Габриэлем Суперфином принимал участие в издаваемой Горбаневской «Хронике текущих событий». Уже в Ленинграде Рогинский познакомил Горбаневскую со своим молодым ленинградским другом Сергеем Дедюлиным^[1]. В 1975 году Горбаневская, приехав в Ленинград, изучала на квартире у Дедюлина материалы собранного последним архива участников протестного антисоветского движения. И, наконец, именно Горбаневская, в ноябре 1975 года, способствовала непосредственному знакомству московской и ленинградской частей редакции «Памяти» (т.е. А.Б. Рогинского и его друзей) с семьей Л.И. Богораз^[2]. В последующих обсуждениях Н.Е. Горбаневская, вынужденная 17 декабря 1975 года покинуть СССР, непосредственного участия не принимала, но перед отъездом ей было предложено стать зарубежным представителем будущего издания. Книгу изначально планировалось издавать за рубежом, на Западе, подобно потрясшему создателей «Памяти» солженицынскому «Архипелагу ГУЛАГ». Она согласилось, хотя какого-то четкого плана конкретной работы на тот момент ни у кого еще не было. В Париже Горбаневская становится внештатным сотрудником радиостанции «Свобода» и начинает работать в редакции журнала «Континент». Хотя редакция — это слишком громко сказано: несколько человек работали на съемной квартире. Тем временем внутрисоюзная неформальная редакция «Памяти» развернула активную деятельность, и к началу осени 1976 года первый вариант первого выпуска «Памяти» был закончен. Первоначальный чистовой «макет» этого выпуска был отправлен по неофициальным каналам в Париж Н.Е. Горбаневской. По воспоминаниям А.Ю. Даниэля, с этим был связан достаточно забавный казус, свидетельствующий о «детском» уровне конспирации. Еще перед ее отъездом договорились, что вопрос, получила ли она экземпляр «Памяти», будет зашифрован в телефонном разговоре, который, по мнению редакции, мог прослушиваться, как «Видела ли ты Эйфелеву башню?». Но за прошедшее со времени

отъезда время Горбаневская, видимо, забыла условный «шифр» и на поставленный вопрос ответила: «А зачем она мне нужна? Что я там не видела», — вызвав у москвичей легкий шок^[3].

После отправки макета «Памяти» работа внутрисоюзной редакции над текстом сборника продолжалась. Дорабатывались тексты, вносились новые комментарии. Дополнения и новые варианты также отправлялись в Париж.

Однако даже после получения сборника Н.Е. Горбаневская не сразу смогла найти издателя. Задача оказалась намного сложнее, чем это виделось из СССР. Тем временем вторая часть одного из экземпляров «нулевого», т.е. далеко не окончательного варианта сборника (притом без титульного листа), попала в руки и заинтересовала известного деятеля диссидентского движения В.Н. Чалидзе, возглавлявшего в Нью-Йорке русское издательство «Хроника». В телефонном разговоре с Натальей Горбаневской он сказал, что получил «интересные диссидентские материалы», и тут выяснилось, что это исторический сборник «Память», официальным представителем которого и является Горбаневская. Был подписан договор на издание, и началась издательская типографская работа. Завязался интенсивный, хотя далеко не регулярный (в силу различных причин) обмен письмами с вопросами, корректурой, дополнениями между Москвой, Нью-Йорком и Парижем. Некоторые поздние редакционные дополнения и правка вносились в издательский макет в экстренном порядке, некоторые вовсе не вошли. Процесс шел не так быстро, как хотелось бы членам редколлегии, но все-таки дал результат. В 1978 году в возглавляемом Валерием Чалидзе издательстве «Хроника-пресс» вышел первый выпуск сборника «Память». Поскольку за основу был взят далеко не «чистовой» вариант, получилось, что самиздатский вариант первого выпуска был гораздо качественнее, чем «тамиздатский». Впрочем, издание было отмечено рядом рецензий.

Редакция тем временем продолжила работу над следующим выпуском сборника. В этот период удалось установить довольно устойчивые контакты внутрисоюзной редакции с Н.Е. Горбаневской. Через различные «каналы» и оказии, преимущественно дипломатическую почту, периодический доступ к которой был возможен благодаря усилиям Т.А. Бaeвой, активно участвовавшей тогда в диссидентском движении (и тоже 25 августа 1968 года принимавшей участие в легендарной демонстрации на Красной площади), пересылались письма из Москвы в Париж и обратно. Некоторые письма отправлялись через зарубежных дипломатов, работавших в ленинградском консульстве и посольстве в Москве. Еще одним «каналом»

являлись различные зарубежные знакомые, готовые взяться за эту рискованную миссию. В частности, стажировавшийся в Москве молодой Стивен Коэн, ставший впоследствии известным историком. Постоянным «каналом» стала приехавшая на стажировку в Ленинградский университет молодая немецкая исследовательница из Тюбингена Гизела Райхерт (позднее Райхерт-Боровски).

Достаточно систематическая переписка наладилась, видимо, с марта 1977 г. Как правило, письма Горбаневской в Париж посылались от имени четырех членов редколлегии — А.Б.

Рогинского, А.Ю. Даниэля, С.В. Дедюлина и Л.И. Богораз^[4] — за подписью С.С.С.Л. (Сеня, Саня, Сережа, Лариса). Наталья Горбаневская в Париже также принимала участие в редактировании сборника. Сохранились черновые варианты с правкой, сделанной ее рукой. В своих письмах внутрисоюзная редакция подробно информировала Горбаневскую о ходе работы, делилась новостями и проблемами, обращалась с просьбами и советами.

О характере редакционной работы свидетельствует, например, письмо от 24 декабря 1977 года: «Досылаем основные исправления и недостающее ко 2 части. Больше пока ничего не предвидится, просим извинения, что все это идет частями (однако среди оправданий то, что по чекистам собраны такие библиографические – анкетные – сведения, которые до сих пор в исторической лит. отсутствовали). (...). Если будут встречаться расхождения нового оглавления с имеющимися обозначениями в основном корпусе текста, просим исправлять по оглавлению. Если будет возможность, и желание, просим отредактировать аннотации, ибо они не смогли здесь получить общую визу, а были сделаны одним человеком»^[5].

Впрочем, второй выпуск не очень устраивал членов редакции. В письме к Горбаневской они пишут: «О 2-м выпуске. Он получился гораздо слабее, чем мы ожидали. Потрясающие воспоминания толстовца Моргачева у нас отняли, пришлось заменить их средненьким Яновым. Рецензий и библиографий не получилось. Очень слабая вариация — если у тебя есть что-то получше — смело заменяй»^[6]. Для улучшения качества издания в переписке обсуждался вопрос о переиздании в «Памяти» работ западных авторов, уже выходивших за рубежом.

Наиболее интенсивно работа над сборником велась в первой половине 1978 г. «Наши оптимисты надеются подготовить 2-й выпуск в феврале, а скептики и маловеры говорят: «Дай Бог к маю». Он должен получиться гораздо менее гулаговским, чем первый»^[7], — сообщала редакция Н.Е. Горбаневской в Париж. И все-таки в марте макет был отправлен в Париж. «Это мы

шлем тебе сигнальный экземпляр. Через месяц два пришлем поправки, изменения и некоторые (небольшие) дополнения»^[8]. В целом работа над вторым выпуском была закончена в мае 1977 года.

Удалось также установить прямые контакты с издательством. Хотя здесь возникли серьезные проблемы, которые в итоге привели к смене издательства. Это решение далось редакции нелегко и, отчасти, было результатом болезненного конфликта между Валерием Чалидзе и московской редакцией. После выхода первого выпуска казалось, что взаимоотношения с издательством налажены. В Нью-Йорк через Наталью Горбаневскую был отправлен макет второго тома. Однако Валерий Чалидзе, заинтересовавшись включенной в этот сборник статьей Е. Гнедина, решил издать ее отдельной книгой^[9]. Сам автор дал согласие на реализацию этого плана и был очень заинтересован в том, чтобы его работа вышла отдельным изданием. Этот вызвало недовольство московской редакции и привело к долгой и сложной переписке между московско-ленинградской группой с Натальей Горбаневской с одной стороны, и Горбаневской с Чалидзе — с другой^[10].

Прямой «диалог» с Валерием Чалидзе наладить не удалось, т.е. письма ему отправлялись, а ответа на них не было. В итоге Горбаневской из Москвы было отправлено достаточно объемное письмо, датированное 1 января 1978 г. (еще до выхода из печати первого выпуска), с обоснованием необходимости смены издательства. При этом получается, что именно Горбаневской пришлось непосредственно озвучить позицию редакции. «Решать это или, во всяком случае, представить нам окружающую картину, придется уже Тебе»^[11].

В итоге, как уже говорилось, издание «Памяти» было перенесено из Нью-Йорка в Париж. Теперь Горбаневская могла уже более активно участвовать в редакционно-издательской работе. Она правила и редактировала тексты, решала те или иные технические вопросы, вела переписку с редакторами и авторами.

Помимо работы непосредственно над текстами и макетом Н.Е. Горбаневской приходилось решать и другие вопросы, связанные с изданием, в частности, финансовые. Так, например, Л.И. Богораз пишет ей в письме от 17 августа 1977 г.: «Мы уже исчерпали все свои личные денежные возможности, нам (сборнику) не на что существовать. Траты большие: поездки, печатанье (мы подсчитали, что каждый текст перепечатывается в среднем три раза — итого, около 2,5 тыс. страниц перепечатки; самая элементарная необходимая техника (диктофон, машинки, пересъемки материалов). Подготовка одного выпуска обходится в общем в сумму около

1000 р. Кроме того, необходимо тиражировать готовые выпуски; без этого невозможна дальнейшая работа с информантами и вообще работа. Значит — снова перепечатки, и на это нас уже может не хватить ни в коем случае (правда, проблема тиражирования разрешилась бы, если бы мы получили от Валерия 40–50 готовых экз., но ведь время идет, остановить работу мы не имеем права, мы торопимся сделать, сколько успеем). Нам очень трудно. Пожалуйста, постарайся нам помочь, исходя из сказанного. Как? Трудно посоветовать тебе отсюда. Поищи меценатов (может быть, тут тебе поможет Игорь Мельчук — поговори с ним об этом, а письмо ему на эту тему я написала и прилагаю). Попроси в каком-нибудь фонде. Мы понимаем, что этот последний вариант имеет свои сложности — кто даст денег неизвестно кому и безо всякой отчетности. Но ведь ты для них — не неизвестно кто, так что попытайся и так. Здесь дорого то, что у вас, может быть, дешево, и эта пара тысяч в год могла бы быть не столь значительной суммой при системе "деньги — товар — деньги"»^[12].

Впоследствии, после того как книжный вариант «Памяти» стал издаваться в YMCA-Press, В. Аллой (возглавлявший тогда это издательство) передавал «внутрисоветской редакции» часть средств, полученных от реализации в качестве гонорара. По словам А.Ю. Даниэля, этими суммами распоряжались А.Б. Рогинский и А.И. Добкин, направляя их в первую очередь на «накладные расходы», т.е. проезд, закупку бумаги, оплату труда машинисток.

За границей в распоряжении Н.Е. Горбаневской в одном из банков был открыт банковский счет «Памяти», куда, кроме всего прочего, перечислялись суммы, «пожертвованные знакомыми» для поддержки издания. С этого счета, например, предполагалось, в частности, оплатить неустойку издательству В.Н. Чалидзе при переходе в YMCA-Press.

Более того, поскольку именно она была объявлена единственным «официальным» представителем сборника, и только на ее почтовый адрес приходила корреспонденция «западных» читателей, ей приходилось вести переписку, отвечать на критику, анонсировать и рекламировать сборник. Работы было много.

Письма приходили по разным поводам из самых неожиданных мест. Например, из Сан-Франциско от В.А. Стацевича: «В мои руки попали самиздатовские воспоминания М.Л. Шапиро (1700 страниц машинописи). Небольшая часть этих воспоминаний (134 стр.) были опубликованы Чалидзе в 1978 г. в сборнике «Память», в котором было указано, что представителем этого московского сборника являетесь Вы. Ввиду того, что Сан-Франциско является центром дальневосточной эмиграции в

большинстве своем (?) из Харбина, я уверен, что воспоминания харбинки М. Шапиро, вызвали бы в ее среде большой интерес. (...)

Лично я нахожу, что эти воспоминания настолько хорошо и правдиво написаны, что они не могут не вызвать интереса у бывших харбинцев (и не только у них). (...)

Именно эти побуждения (отнюдь не материального порядка) заставляют меня просить Вашего разрешения на печатанье воспоминаний М. Шапиро газетой «Русская жизнь», к которой, кстати, я не имею никакого отношения»^[13].

Или позднее, уже после фактического прекращения издания (29 октября 1983 г.), к ней обратился молодой тогда, а впоследствии известный, историк Ю. Фельштинский, предлагая новые материалы для «Памяти». «Если я не ошибаюсь, Вы являетесь в настоящее время редактором сборника «Память». Это так? Если да, то у меня есть для Вас одно предложение, которое, возможно, Вас заинтересует. Я просматриваю сейчас материалы архива Троцкого, хранящиеся в Гарвардском университете, в Бостоне. Там есть довольно много материалов, сотни и сотни страниц, которые могут быть интересны русскоязычному читателю. Я не знаю точных правил для авторов сборника, всегда ли они должны быть жителями России. Но если нет — не интересуют ли Вас публикации сделанных мною подборок из архива? Если да, то в каком объеме. (Надеюсь, что Вы понимаете, что я не собираюсь заниматься пропагандой троцкизма и примерно представляете себе, что публиковать интересно, а что нет).

Раз уже я взялся писать Вам в связи с «Памятью», то может быть, мне стоит задать тот же вопрос касательного самого «Континента». Интересуют ли а) документальные публикации и б) просто подборки документов.

Я бы хотел сначала выяснить этот вопрос принципиально, так как есть одно осложняющее обстоятельство. Чтобы сделать копию с документа, архиву, в котором он хранится, нужно заплатить примерно 4 фр. франка за страницу (ксерокопии). Чтобы сделать какие-то полноценные публикации, нужно снять копии с сотен и сотен документов. Если предположить, что со временем все это будет опубликовано, то копии можно делать со спокойной совестью, но для этого мне хотелось бы иметь хотя бы неформальное «принципиальное» согласие печатать эти документы. Повторяю, их очень много, причем страниц 100 уже есть в моем распоряжении (и по Вашей просьбе я готов выслать копии для предварительного ознакомления)»^[14].

Не получив ответ, Ю. Фильштинский повторил свою просьбу: «До сих пор не получил никакого ответа на мое предложение

относительно публикации материалов Троцкого. Ни из «Континента», ни из «Памяти» — ни слова. Если молчание «Памяти» можно объяснить местонахождением редакции, то во всех случаях трудно понять, почему молчит «Континент». Во всех случаях я попросил бы об очень приблизительном, неформальном ответе, чтобы я примерно понимал ситуацию. Я предложил «Континенту» и «Памяти» самые лучшие «мои» материалы, которые до сих пор берегу для вас и никому не даю, хотя давным-давно мог бы опубликовать в любом журнале» [15].

И потом еще раз: «Высылаю Вам для просмотра ряд материалов... Это — сырьевой материал, одни документы. Такого рода материала у меня достаточно много. Можно скомпоновать подборку переписки Троцкого и Бухарина, Троцкого и Зиновьева и т.п. Сообщите, представляют ли эти материалы для вас интерес.

Одновременно, я хочу еще раз поставить вопрос о возможности публикации тех или иных вещей (в том числе и большого объема, до 20 страниц) в сборнике «Память». Не могли бы Вы сообщить мне, интересуется ли сборник возможностью публикации материалов архивов Троцкого и с кем конкретно мне по этому поводу лучше вести переписку (кому посылать для «Памяти» материалы). Вам?» [16].

В итоге он, наконец, получил ответ от Горбаневской: «Что касается «Памяти», то здесь есть две проблемы. Во-первых, 6-й выпуск сильно задерживается, и никому не известно будет ли вообще 7-й. Во-вторых, в данный момент у меня нет решительно никакого «канала» к редакции. Я пыталась передать им одно письмо (вернее, письмо к кому-то, кто с ними связан, чтобы передать на словах, что я жду установления связи со мной — сама я не могу это сделать, потому что не знаю к кому конкретно должна сейчас обращаться). И теперь жду ответа, но увы! Без уверенности, что и это письмо дошло до адресата.

В принципе, Вы могли бы написать письмо в редакцию с Вашими предложениями (потому что нет смысла посылать туда все материалы, загружая канал, когда он наконец найдется) и я его при первой возможности перешлю. Можете также попробовать обратиться к Владимиру Аллою» [17].

В «нью-йоркский» период издания «Памяти» Н.Е. Горбаневская относительно регулярно поддерживала почтовую и телефонную связь с издательством В. Чалидзе. В «парижский» — в силу пребывания в одном городе — контакты, видимо, носили иной характер.

Естественно, Горбаневская вела и интенсивную переписку с редакцией в СССР. «Каналы» то находились, то прерывались, но

переписка, а, следовательно, и работа по подготовке издания шли.

Периодически Горбаневская выступала в печати с публичными заявлениями, проясняя позицию «Памяти» или анонсируя очередные номера. Так, например, в 1979 г. в ответ на интервью В. Иверни на радио «Голос Америки», по просьбе Л.И. Богораз^[18] Горбаневская выступает на страницах журнала «Континент» со следующим заявлением. «Самиздатовская редакция сборника «Память» обратила мое внимание на то, что в некоторых публикациях эмигрантской прессы, а так же в одной из передач «Голоса Америки» на Советский Союз, были высказаны сомнения в том, что сборник «Память» составляется в СССР, а то и прямые утверждения, будто он составляется за границей. Как представитель самиздатовской редакции за рубежом, я более полно чем кто бы то ни было, могу оценить не только научное качество сборника, но и нечеловечески тяжелые условия, в которых работают его представители. И я хотела бы только одного: чтобы подобные безответственные высказывания оказались плодом недоразумения, а не сознательного оболгания.

При случае уточняю, что мои обязанности как представителя редакции и зарубежного редактора состоят в чисто технической подготовке сборника и сдаче в типографию (иногда с посильным прибавлением комментария по недоступным редакции источникам), в чтении корректуры и в организации отношений с издательством. Те материалы, что я получаю от зарубежных авторов и нахожу достойными для включения в «Память», я пересылаю редакции сборника. Надеюсь, что в будущих номерах появятся и они, подготовленные и прокомментированные самиздатовскими историками»^[19].

В тех случаях, когда в отношении «Памяти» появлялись — в первую очередь в эмигрантской прессе — критические высказывания, Н.Е. Горбаневская считала своим долгом защищать «честь» издания. И делала это со свойственным ей темпераментом.

Так, например, в 1980 г. в 25-м номере «Континента» была напечатана рецензия Н. Дюжевой на третий выпуск «Памяти»^[20]. Автор рецензии обратила особое внимание на мемуары, посвященные Корнею Чуковскому. В них, по ее мнению, с автора срывается хрестоматийный глянец и предстает его истинное, не очень приглядное лицо. Чуковский в этом случае оказывается не очень приятным человеком, явно заигрывающим с властью имущими. В ответ на эту рецензию в редакцию журнала «Континент» поступило открытое письмо от дочери писателя, тесно связанной с диссидентским

движением, Л.К. Чуковской^[21]. Письмо было опубликовано в № 27 вместе с ответом Н.Е. Горбаневской.

Порой перехлесты полемического темперамента Горбаневской сами создавали новые проблемы. Так в интервью, опубликованном в «Русской мысли», она, анонсируя очередной выпуск «Памяти», сказала, осуждая террор и насилие, о «социал-демократических гангстерах»^[22]. В ответ редакция газеты получила и вынуждена была опубликовать письма с возмущенной реакцией в защиту социал-демократии. «Я с возмущением прочитал в интервью Натальи Горбаневской ее выпад против «с.-д. гангстеризма» этих людей. Я не уверен, что госпожа Горбаневская знает, о чем она говорит, приписываю ее непростительную выходку остаткам советских влияний, от которых она, видимо, не совсем освободилась.

Верю и надеюсь, что со временем она пожалеет об оскорблении тех, кто отдал жизнь за освобождение России от диктатуры коммунизма — делу, которому она сама хочет служить»^[23].

«Память» не осталась незамеченной не только в западном мире. КГБ проводит обыски в квартирах членов внутрисоюзной редакции (Рогинского, Дедюлина, Сажина, Коротаева). Под давлением КГБ в марте 1981 года Сергей Дедюлин вынужден был эмигрировать во Францию, а в сентябре был арестован Арсений Рогинский. В ноябре 1981 года в Ленинграде состоялся суд над Рогинским, которому было предъявлено обвинение в фальсификации официальных документов, т.е. так называемых «отношений» для работы в архивах. Суд признал А.Б. Рогинского виновным по всем статьям обвинения и приговорил его к четырем годам заключения в лагерях общего режима. Все это время в Париже Горбаневская вместе с Дедюлиным участвовала в организации кампании в поддержку арестованного. Им удалось привлечь ряд крупных европейских ученых и общественных деятелей. Впрочем, советская власть фактически проигнорировала эту кампанию.

Во время следствия над Арсением Рогинским В.Н. Сажин, А.И. Добкин, Ф.Ф. Перчёнок, продолжавшие без него работу над сборником, были приглашены «для беседы» в КГБ. Здесь им было сказано, что в случае продолжения работы над сборником срок заключения Рогинского будет увеличен^[24] («выйдет новый том — будет новый срок»). Формально они, по словам В.Н. Сажина, должны были подписать обязательство, гарантировавшее, что после выхода на свободу Рогинский не будет заниматься «антисоветской деятельностью». После обсуждения редакция «Памяти» согласилась принять эти условия^[25].

Через какое-то время В.Е. Аллой в Париже заявил о прекращении издания «Памяти» и начале издания нового

исторического сборника «Минувшее». Наталья Горбаневская как «официальный представитель «Памяти»» не приняла этот ход, что привело впоследствии к конфликту между ней и Владимиром Аллоем. Впрочем, это уже отдельный сюжет. Таким образом, как мы видим, Н.Е. Горбаневская, безусловно, внесла существенный вклад в издание независимого исторического сборника «Память», а значит, ее имя должно занять достойное место также в истории российской независимой гуманитарной науки.

---

1. Интервью с С.В. Дедюлиным (25.01.2014). Личный архив А.В. Свешникова.
2. «С этим связан один из самых трогательно-забавных эпизодов молниеносно начавшейся нашей общей дружбы. Практически с вокзала, придя в один из писательских домов «на Аэропорте», я застал там Наташу у ее близкой подруги Н. Червинской за утренним кофе, и она посоветовала искать Л.И. через ее старшего сына Саню Даниэля, а где найти его — должна наверняка знать его бывшая жена Катя Великанова. По адресу последней — в Беляево, в дальние новостройки, на другом конце Москвы, я и отправился». Дедюлин С.В. Из рукописи книги «Помнить и вспомнить» // Другой гид. 2012 № 1-2. С. 29.
3. Сообщено А.Ю. Даниэлем.
4. Хотя сам А.Ю. Даниэль не подтверждает своего участия в написании писем, адресованных Н.Е. Горбаневской.
5. Архив Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen (далее – FSO) Ф. 68/ 1. Фонд С.В. Дедюлина
6. FSO 68/1. Фонд С.В. Дедюлина.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть этот конфликт во всех подробностях.
11. FSO 68/1 фонд С.В. Дедюлина.
12. Там же.
13. FSO. Ф. 24. Фонд Н.Е. Горбаневской.
14. FSO 24. Фонд Н.Е. Горбаневской.
15. Там же.
16. Там же.

17. Там же.
18. FSO 68/1. Фонд С.В. Дедюлина.
19. Горбаневская Н.Е. От редакции сборника «Память» // Континент. № 21. Париж, 1979. С. 280.
20. Дюжева Н. Свободным от лжи языком // Континент. № 25. Париж, 1980. С. 349–351.
21. Чуковская Л.К. Открытое письмо в редакцию журнала «Континент» // Континент. № 27. Париж, 1981. С. 377–380.
22. Необходимость памяти. К выходу третьего выпуска исторического сборника «Память». Интервью с Натальей Горбаневской // Русская мысль. № 3303 от 10.04.1980. С. 13.
23. Сапир Б. В защиту социал-демократов // Русская мысль. № 3325 от 11.09.1980. С. 14.
24. FSO Ф. 68/1. Фонд Дедюлина. Письмо В.Н. Сажина.
25. Описание противоречивых нюансов этих событий, впрочем, достаточно полемически-тенденциозное см.: Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Вып. 21. СПб.: Феникс-Atheniém, 1997. С. 104–154; Вып. 22. С. 112–161; Вып. 23. 1998. С. 159–203.

Арина Тимофеевна

Из сборника «После завтрака»

1

Ничего о России знать не будешь, даже проехав ее вдоль и поперек, коли не обратишься к ее литературе, потому что Россия в литературе заключена вся, а Швейцария, к примеру, — нет.

А из русской литературы нельзя не знать обоих Толстых, Чехова, Достоевского, Гоголя, Ивана Бунина, и, что бы ты ни думал о происхождении «Тихого Дона» и его авторе, нельзя этот роман не прочитать, так же, как «Конармию» Бабеля или «Колымские рассказы» Шаламова.

А вот Тургенева можно и обойти. И судить о русской литературе можно хоть с Тургеневым, хоть без.

Есть прекрасные писатели, которых могло бы и не быть, а есть такие, отсутствие которых невозможно себе представить.

Если бы Чехов не родился, русские бы его придумали, а кто бы стал придумывать Тургенева?

Есть — и хорошо. Нет — тоже проживем. А как проживешь без Гоголя?

Иван Тургенев — писатель сдержанный, рассудительный, чуждый всякого рода интеллектуального экстремизма, не павший жертвой каких-либо идей, никем не притворяющийся, никому не подражающий, не страдающий никакими расстройствами, ни физическими, ни умственными, никаким вредным привычкам или иллюзиям не подверженный, абсолютно здоровый и довольно-таки обеспеченный — был художником, которому нечего прощать, а этого в России не любят.

Кроме того, столь совершенная конструкция не может дать подлинного самобытного таланта, который всегда выбирает болезнь, а не здоровье, не может обойтись без водки, питается пороком, неотступно следует за безумием.

Так или иначе, разве можно сравнить Тургенева с монументальным Толстым, психопатом Достоевским, полубезумным, к тому же проснувшимся в собственном гробу Гоголем, Чеховым, которого подкосили в юности туберкулез и меланхолия, Алексеем Толстым, дискредитировавшим себя дружбой со Сталиным, трагическим Бабелем, до смерти допившимся Венедиктом Ерофеевым, терзаемым если не презрением, то ненавистью ко всем и вся Максимовым, вконец деградировавшим морально Шолоховым.

Вот это писатели — все познали, ни в чем их жизнь не пощадила, они солидарно, в хорошем и плохом, разделили судьбу русских собратьев.

И даже если судьба приподняла их над другими, одарив поистине ангельской красотой, как Блока, или неславянским везением, вопреки хаосу истории, как Бунина, они все же были глубоко убеждены, что приличия ради следовало бы несколько опуститься.

Тургеневу такое и в голову бы не пришло, как не пришло бы ему в голову скрывать свое западничество и желание жить вдали от родины, а это в России, будь то царской, большевистской, коммунистической или путинской, смертный грех — я совершенно серьезно говорю — искупления которому еще не придумали.

2

Тот, кто знает Тургенева, пусть попробует представить себе его без «Отцов и детей», «Рудина», «Месяца в деревне», «Дворянского гнезда». Да что тут представлять — нет без них писателя. А без «Записок охотника» — пожалуйста.

И раз уж мы пошли по этому пути, попытаемся вообразить этот сборник рассказов, не так чтобы очень охотничьих, без «Бежина луга» — что-то теряется, но ведь не окончательно, без «Певцов» — вещь по-своему блестящая, но словно бы тронутая Твенном, он тоже мог бы такое сочинить, без двух рассказов о Чертопханове — практически невозможно, но, с другой стороны, этот тип мне знаком, он здорово напоминает череду русских сумасбродов, которых хватает и в литературе, и в жизни.

А эта его роковая женщина, разумеется, исконно русская — но разве не звучит она в романсах? Разве не она просила ямщика

не гнать лошадей? Не из «Яра» ли она, куда господа офицеры, и не только, ездили развлечься с цыганами, попеть, поплакать, блаженно попечалиться, а если найдет охота, то и в висок себе пальнуть?

Не видел ли я ее среди толпы женщин, которые без всякой нужды, в отличие от юнкеров, кадетов, белых казаков, потянулись осенью 1919 года в Одессу?

Да если сказать откровенно, разве не знаю я ее, шельму, назубок?

А вот Арину Тимофеевну из рассказа «Ермолай и мельничиха» — не знаю, а точнее, не знал.

3

Когда думаешь о России, на ум всегда приходит пространство, но не летнее — знойное, горячее, жаркое, иссушающе-пыльное — нет, непременно снежное и морозное.

А ведь центральную Россию, занимающую территорию, равную половине Европы, включающую губернии размером с Бельгию и Голландию вместе взятые, клещами сжимает континентальный антициклон, приносящий невообразимую жару с мая до сентября и безветренные, тихие ночи с бодрым, что вовсе не означает холодным, утром. «Записки охотника» — как раз о такой России, орловской, калужской, болховской плюс две степные губернии аж за Курском.

Пристанище русских помещиков.

Действие происходит в середине XIX века, то есть в те времена, когда мир не то чтобы превосходил наш, сегодняшний, но руки-ноги у него были на месте, другими словами, всякая вещь была к чему-то приспособлена, большинство случайностей предсказуемы, отношения между людьми, проблемами, стихиями пропорциональны их значению, а, следовательно, лето бывало жарким, а зимы суровыми.

Кроме того, это благоприятные годы для России, которая продолжала праздновать победу над Бонапартом, а тем самым и над Европой, богатела до неприличия, люди были смелы и полны энергии, самодержавие очевидно, но не мучительно, а молодежь еще не заражена декадентскими идеями, которые полвека спустя породили революцию 1905 года.

Однако у нас пока поздняя весна где-то между Калугой и Орлом.

Уже не первый год рассказчик, возможно *alter ego* писателя, скорее бродит, чем охотится, по окрестностям вместе со своим охотником Ермолаем и его легавой собакой Валеткой.

Тут поохотятся на уток, там — на бекасов, но главным образом созерцают мир. Здоровье отличное, старость еще не дышит в затылок, потребности умеренные. Барин — типичный помещик, любезный, разговорчивый, Ермолай — вольноживущий крестьянин, которого держат в строгости и на почтительном расстоянии, вполне себе ничего, о Валетке известно, что он отличается просто-таки кошачьей бесстрастностью.

Оба охотника умеют быть довольными жизнью, что бы ни встретилось им по пути. А встречаются, помимо красоты мира, также нищета, болезни, смерти, банкротства, чудачества, несправедливость судьбы, безумие, но ни одно из этих внешних обстоятельств не в состоянии лишить их неудержимого аппетита к жизни.

Потому что «Записки охотника» повествуют о здоровье, силе, страсти, мужских увлечениях и красоте мгновения.

Однако без малейшего — а чего еще ждать от мудрого писателя — оптимизма.

Автор не убеждает нас, что если сейчас плохо, то потом будет хорошо, напротив, заверяет, что все закончится хуже некуда. И только просит, прежде чем это произойдет, повосхищаться, с ним или без него, красотой жизни и мира, даже если та длится всего миг.

И мы разделяем с охотниками эту красоту, этот аппетит, это блаженство, раз отправляемся бродить вместе с ним.

Я отправился еще в свои удалые годы.

Мне досаждала жара на полевой дороге, пыльной и, казалось, бесконечной, отрезвлял холод дубового леса, ни с того ни с сего выраставшего за поворотом. Я переходил вброд реки, нырял в степные травы, лакомился на лугу печеной картошкой, трясся на выбоинах в бричках, тарантасах, линейках. Переживал те блаженные минуты, когда с крепкого морозаходишь в помещичью гостиную, где пылает кафельная печь, и не успеешь оглядеться, прийти в себя, поздороваться, как уже несут дымящуюся кулебяку и стакан холодной, но не ледяной, водки, и еще прежде, чем пригласят к столу и бездумной беседе,

ибо только тот разговор чего-то стоит, который совершается с чудесной легкостью, чувствуешь себя, как в раю.

И это еще лишь предвкушение ожидающего нас удовольствия, ведь впереди обед, праздник, кофе и ликер, и, что самое главное, впереди карты — ставка, ясное дело, четверть копейки, впереди то, что милее всего в молодости и зрелости — заинтересованный взгляд некой барышни, которой мы нравимся и на которой, разумеется, не женимся, которую, естественно, назавтра позабудем, поскольку в соседнем уезде, в другой усадьбе живет другая барышня и зовут ее иначе.

А в ледяном, неотапливаемом флигеле, накрывшись до макушки тремя войлоками, отгоняем наваливающийся на нас сон, воображая аромат кофе, который подадут перед отъездом, нежность топлёных до желтизны сливок и вкус первой папиросы.

Так и в рассказе «Ермолай и мельничиха».

Но не совсем. Все начинается с переживаемого сообщая удовольствия, когда мы с ружьями под мышкой отправляемся на «тягу».

Весна, лес перед самым закатом. Свет гаснет, сперва все видно, как на ладони, затем остаются лишь контуры, веет внезапной сыростью. «Птицы засыпают по породам». И лес молчит.

«Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, — и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу».

Хочу внести ясность — не моему. С выстрелом я не имею ничего общего, и пути наши в этой истории расходятся не только из-за вальдшнепа.

4

Ночевать в лесу неудобно, надо бы где-то устроиться. Ермолай предлагает зайти на ближайшую мельницу. Появляется работник, зовет хозяина. Мельник, человек высокого роста, с бычачьим затылком, круглым и большим животом, ладонями, словно буханки хлеба, самый страшный вид русского хама, разбогатевший мещанин, предлагает переночевать

в избе. Рассказчик предпочитает навес на берегу, просит дать соломы, еды, самовар. Выходит жена мельника Арина Тимофеевна, уже не молодая по тем временам, лет тридцати, высокая, худая, хрупкая, ладная, со следами былой красоты на восточном лице.

Ермолай расспрашивает ее о том, о сём, просит вынести водки, огурцов, соленых рыжиков. Арина выполняет просьбу, а потом садится на охапку соломы, оперев локти на колени, положив лицо на руки, и застывает возвышенно-печально. Задаёт вопросы, отвечает, спокойная, любезная, сдержанная, примирившаяся с судьбой и самой собой, абсолютно чужая деревне, мужу, мельнице, России и этим двум случайным путникам, которые уйдут на рассвете.

Тот факт, что ее снедает смертельная болезнь, вероятно, туберкулез, не имеет значения, потому что она и так обречена. Через год, когда охотники снова попадут на мельницу, ее тут уже не будет. Мельник, верно, не раз еще пересчитает ей кости, а если ее хворь, как бы она ни называлась, покажется ему обременительной, прогонит прочь.

Много лет назад в одном из интервью я сказал, что меня больше трогает первая морщинка на лице красивой женщины, чем все национальные катастрофы вместе взятые. Со временем я пересмотрел свое беспардонное суждение, однако при воспоминании о мельничихе появляется искушение к нему вернуться.

Потому что здесь как раз и говорится о таком лице и такой морщинке.

Арина Тимофеевна из тех женщин, неважно, в жизни или в литературе, которые трогают и вызывают нежность до того, как пробудят вожделение, тем сильнее, что писатель не рассказывает, а лишь мастерски — возможно более простыми штрихами — намечает портрет. Девушка исчезает вместе с ночным туманом над рекой — обрисованная десятком вопросов и ответов, двумя-тремя жестами, взволнованным взглядом, моментально подавленным сожалением, обрывочным воспоминанием, настолько, однако, выразительными, чтобы чуткой натуре запасть в душу, а для грубой остаться незамеченными.

Идут столетия, а мы по-прежнему не в состоянии ничего сделать с этой чертовой тщетою бытия, кроме как записывать ее во всех возможных версиях. Та, которую избрал Тургенев, близка мне как никакая другая, потому что я люблю, когда

о болезнях пишут здоровые, о несчастьях — счастливые, о слабостях — сильные, а о тщете бытия — бессмертные.

Близилась полночь. Хозяин и его охотник зарылись в солому и погрузились в глубокий, здоровый, эгоистичный сон. Мельник и работник давно ушли. Я решил ненадолго остаться с Ариной Тимофеевной.

Ненадолго?

Я не склонен к мифомании относительно себя или чего бы то ни было еще, однако не могу отделаться от ощущения, что Тургенев написал Арину Тимофеевну для меня, тем самым выделив среди других. И коли так случилось, то человек потому легко привыкает к мысли, которая ему льстит, что мне Арина ближе, чем автору.

Я ощущал, как болезнь с каждым уходящим мгновением превращает очарование и прелесть девушки в иную красоту. Как она прогрессирует, но не опустошает. Как цель, к которой она стремится, никогда не будет ею достигнута, поскольку девушка обладает совершенством для болезни недоступным.

А когда время, которое уже близко, придет, девушка, как и суждено русским женщинам, превратится в Бежин или Лебедянский или любой другой луг, на которых навсегда будет стоять май, июнь, июль.

Так я про тебя, Арина Тимофеевна, решил. Ибо нас связала особого рода внешняя и внутренняя хрупкость, гордое одиночество, отчуждение, в котором не повинны никакие силы мира, ибо мы являемся натурами тонкими, которые легко и одновременно невозможно ранить, потому что если можно найти в книге родственную душу, то есть душу, предназначенную только для тебя, то именно такой и была любезная Арина Тимофеевна.

Жизнь, однако, рассудила, что лишь до поры до времени.

5

Летом 1990 года я оказался на Волге.

Соседнюю каюту на корабле занимал русский, специалист по укреплениям, шлюзам, водяным лифтам, командированный в Астрахань для проверки.

Не знаю, в чем заключалась эта проверка, так как специалист за две недели рейса ни разу не протрезвел, хотя, должен честно признать, также и не напился.

Он удерживался в завидном состоянии равновесия между сознанием и его отсутствием, и был интересным собеседником на любую тему.

Однажды после обеда, где-то в районе Сызрани, мы сидели в его каюте за бутылкой кавказского коньяка.

К нам присоединился татарин из Казани, ведущий на Волге широкий образ жизни, хоть не очень понятно было, на какие средства. Специалист дарил его исключительным почтением. После первой бутылки беседа зашла, как это раньше случалось среди русских интеллигентов и полуинтеллигентов и не случается теперь, о литературе и ее героинях.

Первой мы назвали, разумеется, Наташу Ростову, сразу после нее — мраморную Элен Курагину, несчастную Анну Каренину, Настасью Филипповну, непредсказуемую Аксиныю из «Тихого Дона», бунинских нимфеток-Лизаветок, а после в потоке спиртного поплыли Сони, Ирины, Верочки, однако не беспорядочно, а четко соотносимые со временем, байками, мужчинами, романами, счастьем и несчастьем.

Некоторых мои спутники характеризовали коротко, метко, грубо, других — высоко поэтически.

Арину Тимофеевну, к моему удивлению, никто из них не назвал, так что в конце концов это сделал я.

— Отчество, будьте любезны, повторите, пожалуйста, — обратился ко мне после долгой паузы татарин.

Никто никогда не называл Арину, потому что никто о ней не читал, а если читал, то не запомнил, а если запомнил, то забыл. Поэтому отвечал я без опаски.

— Тимофеевна.

— Мельничиха?

Я вышел на палубу. В России уже пахло смутой, так что и казанский антициклон над рекой не висел. С самого начала рейса погода у нас была голландская, ветер, дождь, пронизывающий летний холод.

Забавно и печально, но я отчетливо почувствовал, как в моих жилах вместе с грузинским коньяком потекла ядовитая ревность, словно мне изменила женщина из плоти и крови.

Никогда больше я не видел Арину такой, какой она была для меня прежде. С того июньского дня она сделалась одной из многих известных мне русских женщин, вроде Карениной, Ростовой, Раневской — значимой, выразительной, зримой, но одной из многих.

Я даже ловлю себя на том, что, возвращаясь к «Запискам охотника», избегаю рассказа «Ермолай и мельничиха», как обходят стороной дом невесты, которую, как выяснилось спустя годы, мы, оказывается, делили с другим.

2009

Перевод Ирины Адельгейм

Рафал Краузе

Стихотворения

Рост (180)

Открыть окно, выйти на лестничную клетку,
выйти в плюс. Дискриминировать минусовые
температуры, проклинать иней
на лобовых стёклах «ситроенов».
Любить белый праздничный пух
(дети любят зиму, как она есть),
принудительно чистить вербы
от сажки пустых надежд. Взрослеть, чтобы раздвинуть
горизонты в рамках добротных
полотен, культовых имён
артистического мирка. Гнать
улиток прочь из раковин, особенно за то,
что они так долго сохнут на
подошвах. Выйти в плюс,
рвануть вперед (назад
повернуть трудней). От страха,
как бы не сузились сосуды, сеять
ненависть к гусиной коже. Выбрать
верный курс — на
Запад.

Песнь о рецессии

Поэзия — снижение ВВП, перекованное
в успех. Цена проколки пупков,
носов (или, вот ужас-то, срамных губ).
Стихи как налог, крест экономики,
кроссворд на тему витальных сил, диет-кефирчик.
По яблоку каждому ученику.

Поэзия — минимизация прибыли при максимизации
затрат. Красивые безработные, двадцатилетний
«ниссан» (смог в горле тех, кто тешится
утренним джоггингом). Стишата — пугала
издательств. Тощие мальчики, отсутствующие
девочки — вечная мука бедных

бизнесменов.

Неравенство уравнивания

Прямая, похоже, не бывает,

прямая, похоже, не бывает ровной,
когда кривая отсекает девяносто
девять процентов, для которых
прямая — последний рубеж.

Просто — быть одним,

просто — быть одним из ста,
даже несмотря на девяносто девять процентов
кривых взглядов, особенно
когда между нами кружит прямая
вертикаль. Просто — быть одним
из ста, держать горизонталь
в кобальтовой узде
картинок, особенно когда культура
США утверждает прямое равенство.

Просто — ходить по прямой США,

просто — ходить по прямой США, не
обращая внимания на высохшие пятна крови злых
индейцев. Кривая дождя рассечёт

Сан-Паулу, Столчин, гданьское Дольне Място,
Новую Гуту и Сен-Дени, мы
накапаем в банку две-три слёзки,
ну и, может, ушли бы, если б
не этот шлак, а ржаной хлебец
и маффины остывают, будут холодные,
но я обещаю, что посмотрю тот документальный
фильм про Корею.

Подконтрольные появления

В Зоологишер-Гартен появился на свет
слонёнок. И сразу угодил в атриум,
в тепло, под объективы. Ты появился на
свет в Вейхерове, если не в Валбжихе.
Твой плач — он был еще откровенней — развлёк
толпу в центральной клинике, а теперь я:

я — премьер — перенесу все
больницы в Варшаву, все Варшавы
перенесу к вам и построю патио,
где найдётся место для любого
костра. Вместе с Радой мы будем охотиться
на слонов, панд и эндемиков, а под конец
я сам себе устрою революцию, чтоб
передать вам власть, подконтрольную моим
клеветам и их доносам, изустным и заочным.

Осядет похоть и пыль, мы встретимся на игровой
площадке, где упокоены все матери и бабки
из песка. Ты мне покажешь ключи от «ауди», я тебе —
снимки моих сыновей, и начнется аукцион:
на торги будет выставлена лучшая в городе
зоо-компания^[1].

Быть статистом

Протиснись под столбы.
Внедрись между столбиками ограды.
Между глыбами города —
в его треугольники и квадраты; упади
под колёса, дай себя унести, вынеси графики и
диаграммы.

Жмись по углам
под банковскими ударами клавиатуры.
Слушай, как санитарная карета спешит на помощь
голодным глазам, зажигает
окна на бетонном щите.
Реанимирует цикадный стрёкот

забытых ламп накаливания.
Смотри, как сбрасывают кожу,
плотные слои эпидермиса и
серпантин париков. Наблюдай,
как берут напрокат костюмы.

Чужих пташек, анкеты.
Как держатся за тушь и за туши, за
ручки и перья. За экскурсии и
отношения в интервалах
18-25 и 26-30.

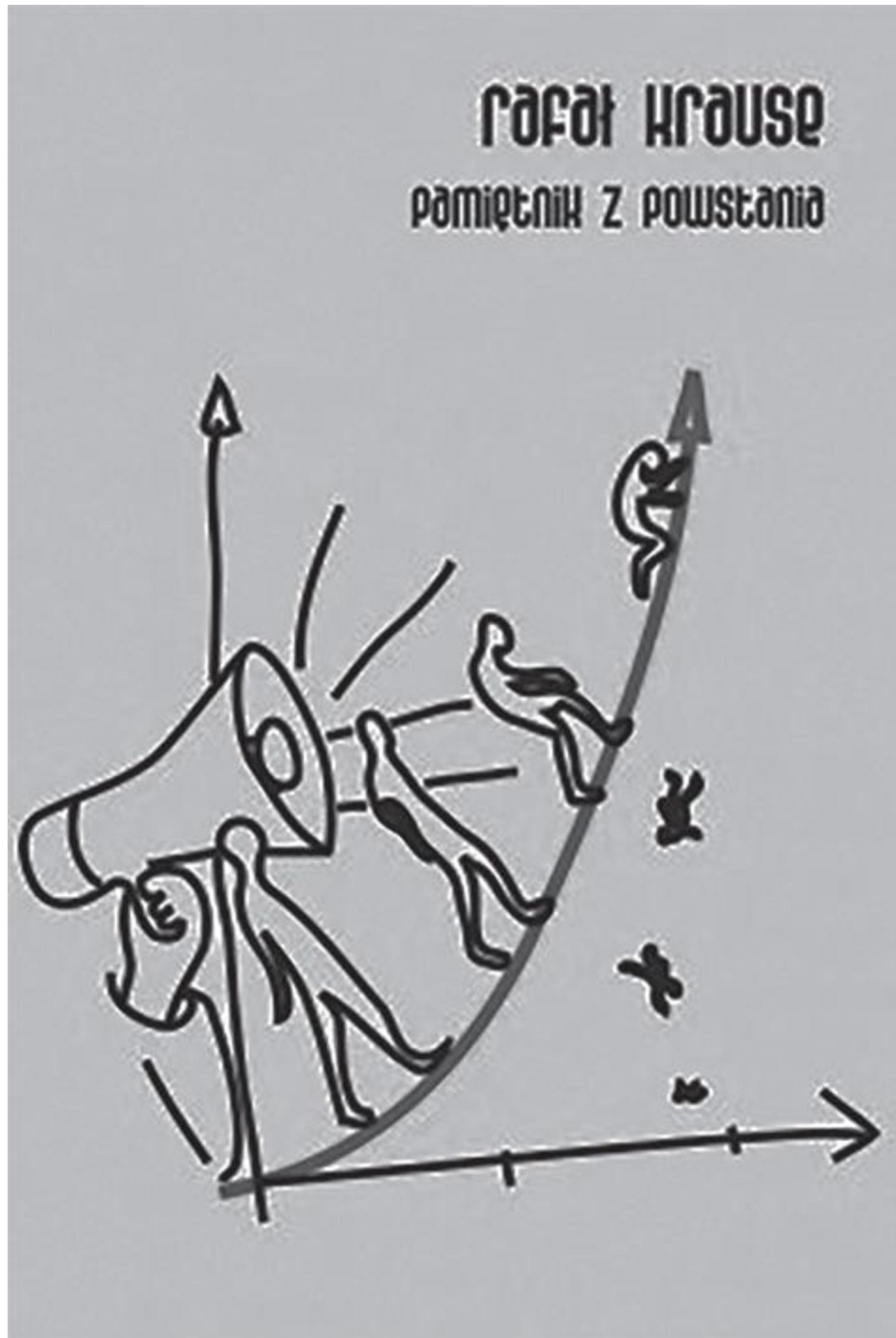
Код 0-22.

Перевод Андрея Базилевского

-
1. Польск. *spółka z o.o.* — общество с ограниченной ответственностью; в дословном прочтении — «артель зверей» — *Примеч. перев.*

Лешек Шаруга

История, поэзия и рынок

Обложка дебютной книги стихов Рафала Краузе

Дебютная книга стихов Рафала Краузе (р.1986) носит название «Pamiętnik z powstania» — «Дневник восстания» или «Дневник возникновения». Обыграна неоднозначность отглагольного

существительного «powstanie». Во втором значении оно использовано в тексте, начинающемся со слов: «Вот мой дневник возникновения,/ возникновения предприятия, где я плачу/ пособие работодателю». Тут, кстати, обыграна еще одна двусмысленность: «świadczę» — значит не только «плачу, даю деньги», но и «свидетельствую» (в пользу либо против кого-то).

Название сборника отсылает к известной книге Мирона Бялошевского «Дневник Варшавского восстания». С другой стороны, языковые игры Краузе по-своему сродни подобным операциям в творчестве Бялошевского: они вписываются в широко понимаемое течение лингвистической поэзии, которое глубоко укоренено в разговорной речи. При этом любопытна конструкция сборника в целом. Отдельные произведения складываются в своего рода эпическую поэму: составляют цепочку поэтических «событий», воспроизводящих процесс трансформации строя и включения жизни Польши в пространство капиталистического мира с его грубой диктатурой «невидимой руки рынка». Ход «восстания/ возникновения» сопоставим с историей Варшавского восстания. Действие начинается 15 сентября 2008 года — дата не случайна: в этот день в США объявил о банкротстве банк братьев Леман, что спровоцировало всемирный финансовый кризис. Во втором цикле книги — «Проколы, разрезы, дерегуляции (кампания сентября 2010)» — есть стихотворение «Это поэзия им. Адама Смита», замечательное в своей лаконичной выразительности.

Особое внимание обращает на себя то, что во всей поэме весьма точно используется военно-батальная терминология в сочетании с экономическими понятиями, — автор достигает исключительного мастерства в комбинаторике смыслов. Финальный цикл состоит из двух стихотворений и страницы, озаглавленной «3 октября 2044 года», отведенной для записи комментариев. Вновь не случайная дата, отсылающая к прошлому: первый день после скорбного юбилея (если он будет отмечен) — столетия капитуляции варшавских повстанцев в 1944 году.

Культурная хроника

Доминирующая тема апреля? Бесспорно, литература!

23 апреля, во время Всемирного дня книги и авторских прав, Вроцлав стал Мировой столицей книги ЮНЕСКО. Титул, перешедший от корейского Инчхона, польский город будет носить в течение года. По этому случаю подготовлено много литературных мероприятий под общим эпиграфом «Почитай мне, Вроцлав». В их числе, например, открытие постоянной экспозиции в организованном во Вроцлаве музее «Пана Тадеуша», фестиваль «Европейская ночь литературы», во время которого известные актеры читали фрагменты произведений Шекспира. Состоялась встреча с автором популярных детективов, норвежским писателем Ю. Несбё, а также ночная «Встреча с украинской поэзией» и «Прогулка по улице Крокодилей» — вечер, посвященный польским писателям родом с Кресов.

По-особому отметила этот день «Газета wyborcza», которая на 23 апреля стала «Газетой писателей». Субботний номер был полностью подготовлен несколькими десятками писателей, польских и зарубежных. Много громких имен и блистательных талантов. Много раздумий и неподдельного беспокойства о состоянии современного мира.

На первом плане — статья-призыв Ольги Токарчук «Не бойся».

«Страх отчуждает людей друг от друга, велит становиться подозрительным и недоверчивым, — пишет автор «Якубовых книг». — Делит на «своих» и «чужих», дает разгуляться разным -измам. Поэтому те общества, которые боятся, становятся легкой добычей для новоявленных вождей, монструозных диктаторов, популистов-манипуляторов, которые стравливают людей друг с другом, раскручивают маховик ненависти. Страху надо противопоставить то, что делает нас подлинно человеческими существами. Это не отчаянная храбрость или великий ум, даже не поразительная изобретательность, а просто способность совместного чувствования, глубокая солидарность с другим человеком, которая проистекает из того, что мы в состоянии узнать себя в другом, а его — в себе».

Сильно прозвучала также статья Виктора Ерофеева «Россия стреляет из сказки».

«Кто понимает, что фундаментом русского мира является сказка о величии и счастье, которое когда-нибудь непременно настанет, тот будет править Россией долгие годы, — пишет автор «Русской красавицы». — Так было со Сталиным. Путин пошел по его стопам. Запад спрашивает, почему Россия ориентируется на какие-то собственные принципы, а не на те, которые действуют во всем цивилизованном мире. Там наверняка не выучили урок — не понимают, что такое Россия. Ведь Россия свято верит в сказку о своей исключительности, о единственной в мире стране, в которой живут исключительные, сказочные люди, которых полагает несравнимо лучшими, чем бездушные европейцы. В сказке появляются антигерои — вредители и провокаторы, которые, как Горбачев (всех благ вам, Михаил Сергеевич, в связи с вашим недавним 85-летием), хотели уничтожить нашу благонамеренную страну, но наш сказочный народ дал им достойный отпор. Мы не включились в историю ни при Горбачеве, ни во время московских протестов 2011-2012 годов, а остались в мире сказки — жестокой, страшной, зато нашей».

Что приятно, — нынешней весной просыпался град литературных премий. Лауреатом премии вроцлавского журнала «Одра» стала Малгожата Шейнерт. Редакция отметила таким образом ее книгу «Насыпать горы. Истории из Полесья», а также другие ее произведения, «которые отличаются репортерской пытливостью, эпическим охватом и поэтической чуткостью». Малгожата Шейнерт (р. 1936) в течение 15 лет руководила отделом репортажа в «Газете wyborчей». Она автор почти двух десятков книг, среди которых получившие большую известность «Черный сад» (2007), «Остров ключ» (2010), «Среди живых духов» (1990). В книге «Насыпать горы» она пишет о крае детства Рышарда Капустинского, об истории региона, где жили рядом друг с другом поляки, литовцы, белорусы и евреи, а также о нынешнем дне бывшей страны болот, топей и Пинской флотилии.

Юлия Хартвиг (р. 1921), выдающаяся современная польская поэтесса, эссеист и переводчик, награждена французским орденом офицера Почетного Легиона. «Высшие власти Франции приняли решение отметить ее этой высокой наградой в знак признания значительных творческих достижений, в

особенности в области перевода и популяризации в Польше великих писателей XX века, писавших по-французски», — говорится в релизе на интернет-сайте посольства Франции в Польше. Юлия Хартвиг переводила, в частности, стихи и прозу Гийома Аполлинера, а также «Письма» Артюра Рембо. Ей принадлежат монографии «Аполлинер» (1961) и «Жерар де Нерваль» (1973).

Премии имени Самуила Богумила Линде городов-побратимов Геттингена и Торуня получают в нынешнем году немецкий поэт, переводчик и литературный критик Ян Вагнер и польский поэт, эссеист и переводчик Казимеж Браконекский. Торжественное вручение премий состоится 19 июня в ратуше в Геттингене. Казимеж Браконекский (р. 1952), один из основателей и первый главный редактор журнала «Боруссия. Культура. История. Литература», — автор почти тридцати книг поэзии и эссеистики.

Анджей Стасюк стал лауреатом государственной премии Австрии в области европейской литературы. Премия присуждается европейским авторам, которые добились международного признания. Австрийский министр культуры Йозеф Остермайер подчеркнул в своем заявлении, что Стасюк — это писатель, который «всегда занимает позицию по отношению к актуальным политическим вызовам в Польше и в Европе, выразительно и красноречиво высказывается в пользу демократических ценностей, таких как плюрализм мнений и позиций СМИ в своей стране».

Репортеру и социологу Юстине Копинской присуждена престижная премия «European Press Prize», называемая также «европейским Пулитцером», за книгу «Польша отворачивает взгляд», выпущенную в марте нынешнего года издательством «Свят ксёнки». Польский автор впервые удостоен такой премии. Репортаж Юстины Копинской описывает систему жестоких наказаний в детско-подростковом отделении психиатрической больницы в Старграде-Гданьском, которые, согласно показаниям больных и персонала, применяла заведующая отделением. По вопросу истязания детей ведется прокурорское расследование.

Юлиан Корнхаузер, краковский поэт, один из наиболее известных представителей поэтической «новой волны» 1970-х, прозаик, литературный критик, эссеист, знаток и переводчик сербской и хорватской литературы, стал в нынешнем году лауреатом вроцлавской поэтической премии «Силезиус» за совокупность творчества. Вроцлавская поэтическая премия «Силезиус» призвана служить оценке заслуг польских поэтов и пропаганде их творчества.

18 апреля на пресс-конференции в Кракове названы имена польских поэтов, номинированных на премию имени Виславы Шимборской. Это Якуб Корнхаузер (сборник «Дрожжевой завод»), Эдвард Пасевич («Ох, Митохондрия»), Марта Подгурник («Всегда»), Иоанна Рошак («В тот день») и Мартин Светлицкий («Дельта Дитля»). Имя автора лучшего поэтического сборника мы узнаем 11 июня 2016 года во время торжественной церемонии в Краковской опере.

Лишенный в течение долгого времени собственной площадки театр Кшиштофа Варликовского получил с 14 апреля новое помещение в Варшаве: старинный гараж службы по уборке города на Мокотове, на улице Мадалинского. Первым спектаклем, поставленным в Международном центре культуры «Новый театр», станут «Французы» Кшиштофа Варликовского. Как отметила президент Варшавы г-жа Ханна Гронкевич-Вальц, помещение «Нового театра» — «это первое в столице использование постиндустриального пространства для культурных нужд». Прямоугольник площадью в гектар в сердце старого Мокотова должен стать культурной агорой, местом общественного взаимодействия.

Кристиан Люпа был назван в Литве лучшим режиссером 2015 года. Во время прошедшей в Вильнюсе 29 марта церемонии по случаю Международного дня театра было объявлено, что польский режиссер удостоен высшей награды литовского театра: за спектакль «Площадь Героев» по драме Томаса Бернхарда ему присужден «Золотой крест сцены». Спектакль поставлен на сцене Литовского национального драматического театра.

В свою очередь, в варшавском театре «Драматичный» пьесу Шекспира «Мера за меру» поставил известный литовский режиссер Оскарас Коршуновас (премьера прошла 3 апреля).

— Это рассказ о власти, ее драме и абсурде, — сказал режиссер во время пресс-конференции. — Шекспир задает вопрос: могут ли правители быть справедливыми и моральными, или они только используют мораль, чтобы получить и осуществлять власть? Механизмы власти всегда одни и те же, они вне времени. Вторая важная тема — это закон и все проблемы вокруг него. В Европе ощущается кризис демократии, кризис власти, и мы задумываемся, куда нас все это приведет.

5 апреля в усадьбе Генрика Сенкевича в Обленгореке вице-премьер министр культуры Петр Глинский открыл мероприятия Года Сенкевича. На 2016 год приходится 170-летие со дня рождения и сотая годовщина смерти нобелевского лауреата. Усадьба в окрестностях Кельце была передана автору «Трилогии» в 1900 году по случаю 25-летия литературной деятельности.

— Его называли духовным гетманом поляков, — сказал вице-премьер во время визита в Обленгорек. — Нет родины без чести, и нет родины без Бога. Сенкевич неустанно напоминал об этом. И сегодня, в период, обманчиво кажущийся мирным, мы, несмотря ни на что, должны это делать. И, несмотря на то, что многие в Польше считают, что эти ценности уже сегодня не нужны, ушли со своим временем, мы все же уверены, что и в нашей текущей современности они необходимы.

На торжества, организованные Национальным музеем в Кельце, не пригласили живущую по соседству внучку знаменитого писателя, 89-летнюю г-жу Ядвигу Сенкевич. «Среди комментариев к этому факту, — отмечается на портале wiadomości24.pl, — появились голоса, что признание старейшины рода Сенкевичей персоной *non grata* на всепольской инаугурации Года ее дедушки было обусловлено участием пани Ядвиги в деятельности и манифестациях Комитета защиты демократии в Кельце (в частности, в январе нынешнего года у памятника Сенкевичу), а также ее интервью для СМИ, нелестным по отношению к новой власти и председателю Ярославу Качинскому».

На аукционе «DESA Unicum» в Варшаве анонимный польский коллекционер заплатил почти два миллиона злотых за обнаружившуюся впервые за многие годы легендарную скульптуру Алины Шапошников «Птица».

— Это необычайно высокая цена, тем более что речь идет об одной из наименее удачных работ Шапошников, — заявил Марек Бейлин, журналист «Газеты wyborчей», автор биографии скульптора «Горение. Жизнь Алины Шапошников».

Произведение, созданное в конце 1950-х годов в мастерской в Варшаве, последний раз экспонировалось на выставке «Польская живопись и скульптура» в галерее «Gres» в Вашингтоне в 1961 году. После выставки о скульптуре никто не слышал, пока «Птица» недавно не обнаружилась в США.

23 апреля в Кракове открылся Павильон Юзефа Чапского. В нем представлены его художественные работы, а постоянная экспозиция посвящена жизни этого интеллектуала, писателя, художника, одного из создателей парижской «Культуры». Павильон сооружен в непосредственной близости с Музеем имени Эмерика Хуттен-Чапского, являющимся филиалом Национального музея в Кракове. «Экспозиция, — отмечается в сообщении агентства ПАП, — это путешествие по жизни Юзефа Чапского, а одновременно по XX веку. Можно поэтапно проследить судьбу художника и его поколения, познакомиться с его искусством и заглянуть в его комнату в Мезон-Лаффите (при воссоздании этого помещения использовалась подлинная мебель и личные вещи художника). Сценарий экспозиции разработала Кристина Захватович вместе с мужем Анджеем Вайдой. Большая часть коллекции представлена в мультимедийной форме. Можно познакомиться с записанными Вайдой воспоминаниями Чапского о его пребывании в советской России, с его корреспонденцией этого периода, с фотографиями и документами. Один из наиболее личных экспонатов — томик поэзии Циприана Камиля Норвида, который Чапский пронес через советские лагеря. В 1944 году Чапский издал «Старобельские воспоминания» (написанные в 1943-м), а несколькими годами позже — книгу «На бесчеловечной земле», посвященную польским офицерам, убитым в советской России.

Прощания

23 марта в Сколимове умер Марек Баргеловский, выдающийся актер театра и кино. Его называли «мастером актерской сдержанности». Особое признание принесла ему роль Мастера в «Мастере и Маргарите» в постановке Мацея Энглерта. Он выступал на театральных подмостках Лодзи, Торуня, Варшавы.

Марек Баргеловский провел на сцене полвека, но в его творческом наследии есть также значимые кинороли. В кино актер дебютировал в 1966 году ролью в фильме «Брак по расчету» Станислава Барей, сыграл также в его комедии «Что ты мне сделаешь, когда поймашь» (1978), в «Долине Иссы» Тадеуша Конвицкого. Снимался также в фильмах Януша Заорского («Комната с видом на море»), Барбары Сасс («Райская яблоня»), Роберта Глинского («Все самое главное»), Анджея Вайды («Корчак»). Мареку Баргеловскому было 73 года.

Павел Вронский

Профессор Януш Тазбир (1927–2016)

Член редакционного совета «Новой Польши»

Януш Тазбир (фото: Э. Лемпп)

Профессор Януш Тазбир был одним из самых выдающихся знатоков истории Реформации, Контрреформации, старопольской культуры. Директор Института истории Польской Академии наук (ПАН) (1983–1990), вице-президент ПАН (1999–2003), действительный член Польской Академии знаний, председатель научного совета Польского биографического словаря.

«Он был одним из немногих энциклопедистов в польской науке. Свободно ориентировался в истории своей малой родины — Варшавы, большой — Польши, но вместе с тем и Европы, и всего мира, был знатоком литературы и культуры, а также необыкновенным эрудитом. Он не просто описывал исторические события, но искал в них причины, следствия и выводы.

Его юношеская завороченность прошлым вытекала из чтения Генрика Сенкевича и увлеченности произведениями Адама Мицкевича. Польской литературе он был обязан многим и до последних дней отдавал ей должное. При этом обладал свойством, редким среди историков, — великолепным литературным стилем, зачастую приправленным саркастическим чувством юмора.

Профессор славился меткими афористическими фразами. Он говорил, что польская толерантность, «возможно, вытекала из лени, поскольку нашим пращурам не хотелось как следует потрудиться, складывая костры для еретиков», что «самые интересные теории — ошибочные», и утверждал, что научный работник «имеет право изменить свои взгляды при условии, что это не связано со сменой правительства или государственного строя».

Родился Януш Тазбир в Калушине в 1927 году. В 1950 г. окончил исторический факультет Варшавского университета. Кандидатскую диссертацию защищал под руководством видного историка и искусствоведа проф. Владислава Томкевича. Хотя его флирт с властями ПНР был кратким, он никогда не отрекался от левых и вольнодумных взглядов. А также принципиально оставался беспартийным.

Именно его книги на протяжении многих лет формировали наш взгляд на сарматизм, на Польшу XVI и XVII веков. Его работы «Государство без костров. Очерки по истории толерантности в Польше XVI и XVII веков», «Ариане и католики», «Мир панов Пасеков», «Поляки в Кремле и другие истории» (на русском языке книга вышла под названием «Москва 1612, резня в Кремле»), «Протоколы сионских мудрецов. Подлинник или фальсификат» (многократно переиздавалась) не только получили высокую оценку историков, но и становились издательскими бестселлерами. А «Шляхетская культура в Польше» послужила основанием для дискуссии на тему «польского национального характера».

О себе Януш Тазбир говорил, что в первую очередь его интересуют «трафареты мышления», которые определяют наше поведение. Отсюда его стремление описать самые разные теории заговоров или национальных мифов и, тем самым, провести их деконструкцию.

Помимо книг, после него остались сотни публицистических статей, которые в последние годы печатались главным образом на страницах еженедельников «Политика», «Тыгодник повшехный» и «Пшеглёнд». Исторические знания он

популяризировал на радио и телевидении. «Газета wyborcza» тоже имела честь публиковать на своих страницах его статьи и интервью. С точки зрения журналиста, беседа с ним была истинным удовольствием, поскольку у профессора была привычка говорить: «Чтобы это получилось поинтереснее, на вашем месте я бы спросил о...»

В 1998 г. он был одним из подписантов письма, призывающего к восстановлению гражданства тем полякам еврейского происхождения, которых выгнали из страны в 1968 году. Профессор Тазбир решительно противился люстрации, которую проводила коалиция партий «Право и справедливость», «Самооборона» и «Лига польских семей», утверждал, что попытка верификации научных работников по сути дела представляет собой ограничение научной свободы. Однако он критиковал также коалицию «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ за способ реформирования науки, а особенно за попытки отменить требование защиты диссертации на соискание высшей ученой степени.

Профессор умер 3 мая, о его смерти сообщило издательство «Вензь».

Свобода вместе

«Борец-романтик, сын трех народов, в том числе белорусского, он живет в каждом из нас» — говорит о Тадеуше Костюшко лидер белорусской рок-группы «Дзецюки» Алесь Денисов.

Белорусская группа «Дзецюки» (бел. «мóлодцы») записала сингл к 270-летию Тадеуша Костюшко. «За нашу и вашу свободу!» — звучит припев песни, напоминая о временах восстания Костюшко, когда белорусы и поляки плечом к плечу боролись за справедливость для своих народов. И хотя исторически знаменитый лозунг, ставший припевом в белорусской песне, появился немного позже (официально — в 1831 году, и музыканты об этом хорошо знают, потому что давно занимаются исторической тематикой), авторы все же решили сознательно пойти на некоторое отступление от исторической правды, подумав, что ведь теоретически лозунг мог звучать и раньше, в годы восстания Костюшко...

Песня вошла в новый альбом «Рэха» (бел. «эхо»). Месяцем раньше ее исполнили специально в день рождения Тадеуша Костюшко: национальный герой Белоруссии, США и Польши родился 4 февраля 1746 года в усадьбе Меречевщина в окрестностях Бреста. Альбом «Рэха» полностью посвящен исторической тематике. Музыканты играют в стиле рок. «Мы не подбирали под свои песни какие-то определенные темы. Так получилось: Давид Гродненский, Витовт Великий, Слуцкое восстание, сталинские репрессии и так далее — это темы, которые нас волновали. Особой истории вокруг создания самой песни про Костюшко нет: всё в тексте... Я начал писать текст, а Денис Жигавец помог его завершить. Не сразу пришли нужные образы. Что-то пришлось почитать. Те же названия орденов, названия битв. Костюшко — сын трех народов, в том числе и белорусского», — рассказывает лидер группы «Дзецюки» Алесь Денисов.

Группа «Дзецюки» возникла в 2012 году, поют ребята исключительно по-белорусски. В своих песнях музыканты приближают слушателям события из истории и героического прошлого своей страны. В 2014 году независимый музыкальный портал tuzin.fm присудил группе «Дзецюки» титул Героев года, а в 2015-м группа с успехом отыграла большой сольный концерт

в Минске. Тем не менее, власти неохотно дают разрешение на концерты, и довольно часто музыкантам приходится выступать за границей, например, в Германии, Чехии и, конечно же, в Польше. Именно в приграничном польском Белостоке в начале марта прошел масштабный концерт, на котором состоялась премьера нового альбома «Рэха».

В концерте участвовала еще одна белорусская группа — «Брутто». У нее — своя непростая история. «Брутто» создал после распада очень популярной на постсоветском пространстве панк-рок-команды «Ляпис Трубецкой» ее лидер Сергей Михалок, причем следует заметить, что сам он официально с недавнего времени живет в Киеве. Почему? Белорусский музыкант обратился к министру культуры Украины, вице-премьеру Вячеславу Кириленко за содействием в получении документов, дающих право на постоянное проживание на Украине. Свою просьбу Михалок мотивировал тем, что после того как группа «Ляпис Трубецкой» поддержала революционный Майдан, музыканты столкнулись с негативной и враждебной реакцией в Белоруссии и России, что значительно препятствует их творчеству.

«Дзецюки» — в отличие от Сергея Михалка — в эмиграцию, пусть даже временную, не собираются, хотя жить и писать честную и актуальную музыку в Белоруссии непросто. Ребята вынуждены зарабатывать на жизнь в разных других местах, а творчеством занимаются в так называемое «свободное от работы время», которого не так много...

Поэтому так символично и замечательно, что Польша по-добрососедски пригласила к себе с большим концертом две опальные белорусские команды, а вместе с ними несколько автобусов верных фанатов. «За нашу и вашу свободу!» — как и два столетия назад кричали по-польски и по-белорусски юные романтики, для которых справедливость и свобода — не пустой звук.

Алесь Денисов
Денис Жигавец

За нашу і вашу свабоду!

Радзімай ён лічыў наш палескі край.
Праслыў ён ваяром сярод варожых зграй.

І псы-маскалі, і ангельскія сабакі
Вылі, калі ім надзіралі сракі!

І ў Рацлавіцкай бітве, і пад Саратогай
Трымаўся берасьцейскі шляхціц годна!
І ордэн Цынцыната і «Віртуці Мілітары»
На грудзёх ня ўсе насілі генэралы!

За нашу і вашу свабоду!
За нашу і вашу свабоду!
За нашу і вашу свабоду!
За нашу і вашу свабоду!

І чарнаскурых слуг і сялян прыгонных
Касьцюшка адпусьціў на волю.
Бо ўсё жыцьцё лічыў, што роўныя правы
Ад нараджэньня дадзены вялікім і малым!

Ня важна каму — людзям ці народам —
Калі маюць мужнасьць, калі маюць гонар!
І кожны народ мае права на свабоду!
І заклікаў Касьцюшка, сын трох народаў:
За нашу і вашу свабоду!
За нашу і вашу свабоду!
За нашу і вашу свабоду!
За нашу і вашу свабоду!

Экспериментальная студия Польского радио

Октябрь 1956 г. был в Польской Народной Республике переломным месяцем. Это время, названное потом оттепелью, принесло либерализацию в сфере внутренней политики страны. К власти пришла группа людей под предводительством недавно выпущенного из тюрьмы Владислава Гомулки. На волне тех событий музыковед и акустик Юзеф Патковский основал в 1957 г. Экспериментальную студию Польского радио. В тот момент Польским радио руководил политический назначенец, бывший берутовский министр культуры и искусства, горячий апологет соцреализма Влодзимеж Сокорский. Удалось убедить его в необходимости организовать на радио специальное подразделение, которому по замыслу предстояло заниматься электронной музыкой. Благодаря этому Юзеф Патковский смог совершить длительную поездку в Париж и посетить там прославленную студию «Группа по исследованию конкретной музыки», где создавалась электронная музыка, — ее основал творец-авангардист и звезда первой величины в области конкретной музыки Пьер Шеффер. Помимо французской столицы, Ю. Патковский останавливался в Гравесано ^[1], а также в Милане и Кельне.

Экспериментальная студия Польского радио стала четвертой в Европе профессиональной студией, которая занималась электронной музыкой. Она возникла через девять лет после основания студии Пьера Шеффера в Париже, через шесть лет после Studio für elektronische Musik (Студии электронной музыки) в Кельне, с которой был связан Карлхайнц Штокхаузен, и, наконец, через два года после миланской Studio di Fonologia Musicale (Студии музыкальной фонологии). Первым человеком, которого Патковский принял на работу, был Эугениуш Рудник, инженер-акустик. Низкий уровень оплаты труда в Польше позволял — в отличие от остальных таких центров в Европе — взять на работу realizatora-«перформера» (т.е. артиста-исполнителя), умевшего обслуживать оборудование по воспроизведению музыки, которую сочинили ее создатели-композиторы, а также записывать эти сочинения на магнитную ленту, — тем самым такой человек становился в итоге ответственным за всю технико-исполнительную сферу для любых произведений,

принесенных в Студию композиторами, — ведь последние, как правило, были не в состоянии справиться с подобными видами деятельности. Благодаря этому Эугениуш Рудник принимал участие в создании почти всех произведений, записывавшихся в первые годы существования Экспериментальной студии.

Первые произведения для магнитофонной ленты появились в Польше еще до образования Экспериментальной студии Польского радио. Это была иллюстративная музыка, а точнее — две композиции: Анджея Марковского к пьесе «Слуга двух господ», сочиненная для Народного театра в металлургическом районе Кракова Новая Гута, и Влодзимежа Котонского к документальному фильму «Краски радости и печали», снятому режиссером Рышардом Гольцем. Ответственными за реализацию указанных произведений были Богдан Янковский и Збигнев Вольский — звукооператоры на Киностудии документальных фильмов в Варшаве. Вскоре после этих двух работ возникла музыка к кинолентам «Жизнь прекрасна» (снятой режиссером Тадеушем Макарчинским), а также «Однажды» и «Дом» (их создателями были Ян Леница и Валериан Боровчик). Авторами названных композиций были, соответственно, А. Марковский и В. Котонский. Первым произведением для магнитофонной ленты, созданным непосредственно в Экспериментальной студии, явилась иллюстративная музыка авторства В. Котонского к анимационному фильму «Или рыбка...», режиссерами которого были Ханна Белинская и Влодзимеж Хаупе. Вскоре после этого композитор написал первое полностью автономное сочинение под названием «Конкретный этюд (для одного удара по тарелке)», которое длилось 2 минуты 41 секунду. Оно исполнялось на фестивале «Варшавская осень» в 1960 г., равно как и на многих других музыкальных мероприятиях в стране и за рубежом.

В первый период существования Экспериментальной студии самыми важными польскими композиторами, создававшими произведения для магнитофонной ленты, были, кроме автора вышеупомянутого «Этюда...», Збигнев Вишневский, Анджей Добровольский и Богуслав Шеффер. Существенным эпизодом в истории этого музыкального учреждения было сотрудничество Эугениуша Рудника в качестве реализатора-перформера с Кшиштофом Пендерецким при работе над последним «Psalmus», созданным в 1961 г. и состоявшим исключительно из вокальных звуков — пропеваемых и выговариваемых. Автор знаменитого «Плача по жертвам Хиросимы» в интервью, озаглавленном «Выбираю каменистые пути», так вспоминал о своем сотрудничестве со Студией:

«Слово "развитие" применительно к искусству, к музыке я рассматриваю с недоверием — ведь григорианский хорал отнюдь не более примитивен, нежели концерт или соната. Он другой, но ничуть не худший... Авангард обладал стилем. Он был связан с техническими открытиями, ведь это же было время взрывообразного распространения электронной музыки. Едва только открыли Экспериментальную студию, как я сразу же там появился. Моей правой рукой был там Эугениуш Рудник — вроде бы инженер, но с богатым творческим воображением; потом он сам начал сочинять, и если бы не время, проведенное мною в Студии, я не написал бы "Полиморфию"^[2]. Например, "Плач по жертвам Хиросимы" вообще не звучит, как струнный оркестр, скорее, как электронная музыка, — и это заслуга опыта, вынесенного мною из Экспериментальной студии».

В книге Влодзимера Котонского «Электронная музыка» (1989, 2-е изд. 2002) наиболее интересными произведениями для магнитофонной ленты на начальной стадии существования Студии автор признаёт следующие работы: пьесу «dB, Hz, s» («децибел, герц, секунда») Збигнева Вишневского, написанную в 1962 г. (это произведение представляет собой сериальную конструкцию и отсылает к электронной музыке, создаваемой в Кельне; оно было также первым полностью электронным сочинением, возникшим в Польше); уже упоминавшееся ранее сочинение Пендерецкого «Psalmus» (принимая во внимание поиски новых звучаний и развитие сонорного течения, великолепными примерами чего служат его «Плач по жертвам Хиросимы» и Струнный квартет); сочинение «Музыка для магнитофонной ленты 1» (1962) Анджея Добровольского (в отличие от вышеупомянутых произведений здесь использовались четыре разных источника звука); а также «Микроструктуры» В. Котонского (1963).

Одним из самых любопытных сочинений начального периода существования Студии была «Симфония для магнитофонной ленты» Богуслава Шеффера, написанная в 1966 г. Это первое электронное произведение, которое не дождалось авторской реализации. Создатель пьесы подготовил диаграмму с инструкцией, указывающей, каким образом исполнитель должен представить данную композицию. В этом эксперименте позволялась очень высокая степень произвольности при интерпретации умышленно неточных авторских комментариев. Первым исполнителем «Симфонии...» стал Богдан Мазурек — ведущий (наряду с Эугениушем Рудником) перформер Студии. Именно двум названным realizatorам предстояло стать самыми важными

создателями музыки для магнитофонной ленты во второй половине шестидесятых годов XX века.

Эугениуш Рудник (р. 1932) — ныне единственный человек, кто помнит первые шаги Экспериментальной студии Польского радио. В 1965 г. он сочинил свое первое автономное произведение для магнитофонной ленты, носившее название «Коллаж», — оно и по сей день считается одной из лучших авторских композиций. В 1966–1967 гг. Рудник вместе с Влодзимежем Котонским реализовали в Кельне произведение, которое называлось «Klangspiele» (Игра звуков). В тот же самый период он сотрудничал с Карлхайнцем Штокхаузеном, предложившим поляку постоянную работу в кельнской студии Западногерманского радио. Рудник, однако, принял решение возвратиться на родину. В 1967 г. появилось его произведение под названием «Dixie», записанное почти в реальном времени (анг. real time), — методом, который был тогда неизвестен: в процессе регистрации на носитель каждый звук трактовался как полезный исходный материал. В 1971 г. он сочинил «Дивертисмент» — композицию, составленную из так называемых «дрянных материй»; этим определением Рудник пользовался для именования такого радионного мусора, как вырезанные из радиопередач всевозможные оговорки, откашливания, побряхтывания и вообще любые обрезки магнитофонной ленты. В том же году автор «Dixie» сделал запись своего «Динамичного прямоугольника», к которому Юзеф Робаковский — авангардный художник — снял одноименный короткометражный фильм. В 1972 г. Э. Рудник вместе с Кшиштофом Пендерецким выполняли заказ Международного олимпийского комитета, участвуя в создании двух композиций — «Aulodia» и «Ekecheiria». Первую из них заказчики сочли недостаточно торжественной и слишком трудной; поэтому польские музыканты были вынуждены создать вторую композицию, которая открывала Олимпиаду в Мюнхене. Оба записанные тогда сочинения обращаются к традициям соревнований, проводившихся в Древней Греции. Слово «aulodia» восходит к соперничеству двух музыкантов, которые поют и одновременно играют на авлосах — духовых инструментах. Подобные произведения обычно повествовали о печальных и трагических историях. Древнегреческое «ekecheiria» означает так называемый «мир божий»^[3].

Ближе к концу семидесятых годов XX века Рудник решил отказаться от сочинения абстрактной музыки в пользу более рафинированных форм — коллажей, sound-stories (звуковых историй), text-stories (текстовых историй), sound poetry (звуковой поэзии). Для таких видов творчества в польской

музыкальной этимологии пока еще нет определений. Их создателя мы можем называть фонопоэтом. Подобного рода музыкальные формы, в свое время явившиеся продуктом, в частности, креативного творчества Джона Кейджа, Рудник создавал способом, похожим на тот, который он применял для произведений, в строгом смысле электронных, — компоновал их из обрезков, время от времени добавляя туда разные слова. В 1985 г. Рудника отметили на выставке современного искусства «Documenta» в Касселе (ФРГ) за произведение «Homo ludens», отсылающее к концепции человека играющего, сформулированной Йоханом Хёйзингой. Годом ранее возникла композиция Э. Рудника «Каменная эпитафия, посвященная памяти священника Ежи Попелушко»^[4]. Звуковой мотив в ней был креативно сотворен путем прикрепления контактных микрофонов к валунам или крупным булыжникам, по которым ударяли другими камнями, кусками дерева либо всяким металлоломом. Автор старался таким путем воспроизвести с помощью звуков, каким образом убийцы священника избавились от его тела, — к ногам привязали камни и сбросили труп в Вислу.

В последующие годы творческий путь Эугениуша Рудника не изменился. За истекшее время в Экспериментальной студии возник целый ряд произведений для магнитофонной ленты. Есть смысл упомянуть такие работы, как «Пассакалия для 40 из 5» и «Музыка для магнитофонной ленты и гобоя соло» Анджее Добровольского; «Ассамбляж», «Монодрама» (радиоопера на новогреческие тексты Янниса Ризоса и Йоргоса Сефериса), «Концерт для магнитофонной ленты», «ES Jazz» и «Гераклитиана для соло и магнитофонной ленты с 12 альтернативными исполнителями» Богуслава Шеффера; «3 электронных постлюдии» и «Бурлеск» Збигнева Вишневского; «AELA» Влодзимежа Котонского; «Отголоски II для 2, 3 или 4 роялей, перкуссии и магнитофонной ленты» (первое инструментально-электронное сочинение, реализованное в Экспериментальной студии) и «Антифоны для сопрано, фортепиано, валторны, колоколов, 4 гонгов и магнитофонной ленты» Томаша Сикорского; «Esperienza»^[5], «Эпитафия» и «Sinfonia rustica»^[6] Богдана Мазурека. Кроме того, в Студию приглашался, среди прочих, норвежец Арне Нордхейм. Вместе с Эугениушем Рудником в качестве реализатора он записал в 1968 г. одну из самых лучших композиций, перенесенных в Студии на носитель, — «Solitaire»^[7].

На протяжении многих лет произведения, записанные в Экспериментальной студии, можно было услышать только

в передачах Польского радио, а также на фестивале «Варшавская осень». Эту ситуацию изменило лишь издание в 2009 г. состоящего из четырех компакт-дисков монографического альбома с произведениями Эугениуша Рудника, который носит название «Экспериментальная студия Польского радио». Издательство «Bôlt Records» также подготовило целую серию компакт-дисков различных исполнителей, связанных со Студией. В ней появились, в частности, «Homo Ludens» дуэта Пендерецкий—Рудник, «Sentinel Hypothesis» (Гипотеза о часовом) Богдана Мазурека, «Ассамбляж» Богуслава Шеффера, «Solitaire» Арне Нордхейма. Помимо этого, вышли современные звукозаписи, инспирированные произведениями, которые родились в Студии. Так, ансамбль Павла Романчука «Малые инструменты» записал диск «Картечь», а диджей Ленар интерпретировал миниатюры авторства Эугениуша Рудника. Существует еще одно польское издательство, популяризирующее наследие, которое осталось после описываемой здесь варшавской Студии, оно называется «Requiem Records». В 2015 г. при участии Национального центра культуры там были изданы «Миниатюры», коробка (бокс) из четырех компакт-дисков с короткими произведениями Рудника, а также его дебютантский диск «ERdada для магнитофонной ленты». Кроме того, издательство «Польске награня» опубликовало диск «Авангард» — подборку произведений Влодзимежа Котонского 1959–1974 гг., сделанную самим автором.

В 2014 г. состоялась премьера документального кинофильма «15 сторон света», снятого режиссером Зузанной Солякевич и рассказывающего об Эугениуше Руднике. На кинофестивале в Локарно эта лента получила премию по разделу «Неделя кинокритики»; помимо этого, она была отмечена специальным призом на Международном конкурсе фильмов об искусстве в рамках кинофестиваля «Новые горизонты», проводимого во Вроцлаве фирмой «T-Mobile».

Экспериментальная студия Польского радио завершила свою деятельность в 2004 г. Возникшие там композиции войдут в историю.

Валериан Боровчик и Ян Леница — кинофильм «Дом», музыка Влодзимежа Котонского

<https://www.youtube.com/watch?v=uOSE1JAnoYY>

Влодзимеж Котонский — «Конкретный этюд (для одного удара по тарелке)»

<https://www.youtube.com/watch?v=A88qOh5nuRU&feature=youtu.be>

Кшиштоф Пендерецкий — «Psalmus»

<https://www.youtube.com/watch?v=G4ss9at-N30>

Кшиштоф Пендерецкий — «Плач по жертвам Хиросимы»

<https://www.youtube.com/watch?v=RPNuk7XK-2c>

Анджей Добровольский — «Музыка для магнитофонной ленты 1»

<https://www.youtube.com/watch?v=6BMztkI7ia8>

Влодзимеж Котонский — «Микроструктуры»

https://www.youtube.com/watch?v=QQV-4b_9Pko

Богуслав Шеффер — «Симфония для магнитофонной ленты»

https://www.youtube.com/watch?v=VufO-_EsYHQ

Эугениуш Рудник — «Коллаж»

<https://www.youtube.com/watch?v=gBoOFscCXgA>

Эугениуш Рудник — «Dixie»

<https://www.youtube.com/watch?v=T72vcTP6Nuw>

Эугениуш Рудник — «Divertimento»

<https://www.youtube.com/watch?v=sWquzZsqcXI>

Юзеф Робаковский — фильм «Динамичный прямоугольник»,
музыка Эугениуша Рудника

<https://www.youtube.com/watch?v=FB-RoQR-mHo>

Кшиштоф Пендерецкий, Эугениуш Рудник — «Aulodia»

<http://ninateka.pl/kolekcje/trzej-kompozytorzy/penderecki/audio/aulodia>

Кшиштоф Пендерецкий, Эугениуш Рудник — «Ekecheiria»

<http://ninateka.pl/kolekcje/trzej-kompozytorzy/penderecki/audio/ekecheiria>

Эугениуш Рудник — «Каменное надгробие — памяти ксендза
Ежи Попелушко»

<https://www.youtube.com/watch?v=RE6Pge-XpQs>

Анджей Добровольский — «Пассакалия для 40 из 5»

<https://www.youtube.com/watch?v=L7E2Vnk1wHk>

Анджей Добровольский — «Музыка для магнитофонной ленты
и гобоя соло»

<https://www.youtube.com/watch?v=7VHhEAyakbc>

Влодзимеж Котонский — «AELA»

<https://www.youtube.com/watch?v=dArv8uaHqUs>

Арне Нордхейм — «Solitaire»

<https://www.youtube.com/watch?v=3dbobMg9GIo>

Эугениуш Рудник — «Завтрак на траве в пещере Ласко»

<https://www.youtube.com/watch?v=5t1kX9zpWg>

Эугениуш Рудник — «Странствования пана подхорунжего, или ручной жёрнов где-то на Висле»

<https://www.youtube.com/watch?v=0TbooJpgJbE>

Богдан Мазурек — «Canti» («Песнопения»)

https://www.youtube.com/watch?v=nX6zLGeGhCA&list=PLTgr274NQ96y_xDg5N_d6qoUMFfpTyOyN

Богдан Мазурек — «Детские сны»

https://www.youtube.com/watch?v=y_S9cLhq0n4&list=PLTgr274NQ96y_xDg5N_d6qoUMFfpTyOyN&index=4

Богдан Мазурек — «Daisy story» («История про ромашку»)

https://www.youtube.com/watch?v=be1qj-ncZjo&list=PLTgr274NQ96y_xDg5N_d6qoUMFfpTyOyN&index=7

Диджей Ленар — «Second Three» («Вторые три»)

<https://www.youtube.com/watch?v=vIC7g5w6dos>

Презентация издания «Миниатюры»

<https://www.youtube.com/watch?v=CspPoU8yFHE>

Презентация издания «ERdada для магнитофонной ленты»

<https://www.youtube.com/watch?v=PcqPn9xpOrw>

«ERdada для магнитофонной ленты»

<https://www.youtube.com/watch?v=l7kYU8O8D1g>

---

1. В то время там располагалась недолго просуществовавшая Экспериментальная электроакустическая студия ЮНЕСКО — Здесь и далее примеч. перев.
2. Сочинение для 48 струнных инструментов (1961), созданное вслед за «Плачем по жертвам Хиросимы». Кстати, в нем «мелодия» альтов основана на энцефалограммах, сделанных во время прослушивания «Плача...» больными людьми.
3. Экехейрия (ἐκεχειρία) — буквально «снятие оружия», возвещавшееся герольдами по всей Греции и обещавшее любому, кто отправлялся участвовать в каких-либо празднествах (в т. ч. Олимпийских играх), полную безопасность. Иногда трактуется как «олимпийское перемирие».
4. Ежи Попелушко (1947–1984) — священнослужитель, капеллан варшавской «Солидарности», защитник прав человека в ПНР, убитый сотрудниками Службы безопасности Польши. Мученик католической Церкви, причислен к лику блаженных.
5. Эксперимент (итал.).
6. Сельская симфония (итал.).
7. Отшельник (франц.).

За что борется Адам Боднар?

Адам Боднар (фото: East News)

Я прочту вам: «Лучше бы ты защищал права польских граждан, а не всяких разных, псевдозащитник».

Лето 2015 года. Только что опозоренный полковник Кшиштоф Олькович вышел из зала суда, который признал его правонарушителем, поскольку, будучи шефом Окружной инспекции тюремной службы в Кошалине, он пожалел шизофреника и заплатил за него 100 злотых штрафа, чтобы тот мог выйти из-под ареста, куда попал за кражу шоколадного батончика. Кшиштоф Олькович знает, что приговор, несмотря на то, что все сочли его фарсом, поставит крест на его карьере на государственной службе.

Ему звонит Адам Боднар, которого Сейм, благодаря голосам, отданным за него представителями «Гражданской платформы» и Союза демократических левых сил, выбрал на должность уполномоченного по правам граждан: «Вы согласились бы занять должность моего заместителя?»

Кшиштоф Олькович онемел. И согласился без колебаний. Он сидит перед телевизором, смотрит допрос Адама Боднара в Сенате, который решит его судьбу. Один из сенаторов от

партии «Право и справедливость» спрашивает Боднара, верующий ли он человек.

— Нет, — отвечает тот.

— Это конец, — думает Олькович, — этого ему не простят.

«Право и справедливость» голосует против, атмосфера накаленная, потому что сенаторы «Гражданской платформы» тоже морщатся, мол, Боднар слишком «левый», высказывается на темы, связанные с искусственным оплодотворением, запретом аборт, с правами сексуальных меньшинств, по вопросам усыновления детей гомосексуальными парами. Его кандидатура проходит с перевесом всего в два голоса.

Олькович получает от Боднара задание: проверить качество условий жизни осужденных, в том числе, психически больных. Он обнаруживает почти сто подобных случаев: во Вронках сидит психически неуравновешенный, больной человек, у которого трое детей-инвалидов и такая же жена. Он угрожал соседу-уголовнику, его приговорили к 4 месяцам. Олькович вмешивается, ждет решения суда.

Случаются и курьезные дела. В тюрьме сидит 82-летний старик за езду на велосипеде в нетрезвом виде. Олькович навещает его в камере и видит дедушку, который плачет: выпил пиво, сел на велосипед, получил штраф и запрет на передвижение с помощью велосипеда. Вскоре поехал в магазин, погрузил картошку на велосипед и вел его, чтобы было легче. Полиция отвезла его в отделение, потому что он нарушил «запрет на передвижение с помощью велосипеда». Олькович слушает рассказы старика о том, как он сам ловил воров на железной дороге, как у него рано умерла жена, как он воспитывал детей, как хотел только картошки себе сварить.

Олькович выходит от него в слезах и в ярости. Он снова обрел веру в то, что можно изменить систему. Довольный идет к Боднару: «Я проверил половину дел, многие из них возмутительны». На что Боднар — с упреком: «А почему вы не проверили все остальные?» Олькович: «Я подумал: он прав. И проверил все, оказалось, что большинство из них квалифицируется как нарушение прав человека».

По телевизору сказали

Семья Адама Боднара по отцовской линии попала на Поморье из Подкарпатского воеводства в рамках операции «Висла». Мама

была родом из многодетной крестьянской семьи из Келецкого воеводства.

— Мама работала в районном управлении, — говорит Боднар.
— Патриотка, человек кристальной честности, это она вела дом и воспитывала сыновей, потому что отец, снабженец в кооперативе сельскохозяйственного транспорта, постоянно пропадал в командировках.

Именно мать следила за его учебой. Она была принципиальной, сдержанной. А отец — душевным, дружелюбным. Культ знаний и труда привила сыну мать. Земли у них было немного, сажали клубнику, картошку, свеклу. Вся семья занималась огородом. Когда он пошел в лицей, то стал спорить с мамой о ПНР, критиковать всю систему без исключений. Мать защищала возможности карьерного роста, обязательное образование, права на жилье, рабочие места, социальную помощь. Боднар не понимал этого, слушал песни Яцека Качмарского о тюрьмах, забастовках, ЗОМО, читал Яцека Куроня.

Начальную и среднюю школу Боднар закончил с одними пятерками и шестерками. Если он получал четверку, то переживала вся школа. Ботаник? «Нет, — говорит, — дисциплина и амбиции». Затем он поступает в лицей Государственного детского фонда по программе поддержки юных талантов. Ездит в Варшаву, знакомится с профессорами, которые дают ему читать Эсхила, Геродота. Он организован до педантизма, ведет ежедневник, куда записывает даже просмотр теленовостей. Слушает «Deresche Mode», играет в компьютерные игры, спортом не занимается. Выбирает юрфак, потому что мама говорит, что нужно что-то конкретное, а Кшиштоф Ибиш в телевизоре говорит, что хороший университет — это гарантия успеха.

— Ибиш вел программу «Если не Оксфорд, то что?». Эта передача произвела на меня сильное впечатление.

Боднар учится в Варшавском университете, живет в общежитии. На первом курсе сотрудничает с обществом «Больше никогда», которое борется за законодательный запрет на деятельность фашистских объединений. Становится ассистентом депутата Унии свободы, но тот, оказывается, играет не чисто, и это отталкивает Боднара от политики.

Боже, ехать ли мне в Будапешт?

До того, как сказать сенаторам, что он неверующий, Адам Боднар ходит в церковь в Грифице, а в студенческие годы — в церковь св. Анны в Варшаве, куда привела его молодая жена, с которой они познакомились в начале учебы. Она родом из Силезии, из набожной семьи. Отец прислуживает в храме, раздает причастие. В церкви св. Анны Боднар слушает глубокие, умные проповеди, искренне молится, исповедуется. Но когда его принимают на годовой курс в университет Джорджа Сороса в Будапеште, он слышит от жены: либо я, либо Будапешт. Ее семья тоже его не поддерживает. Он обращается за советом к священнику на исповеди и узнает: ехать, такова воля Божья.

Адам Шафранский, юрист, коллега по университету, спросил тогда Боднара, не хочет ли он вступить в факультетский кружок розария, в котором верующие студенты ежедневно читали молитвы розария.

— Еще недавно я бы согласился, теперь уже нет, — отвечает Боднар перед разводом.

— Бог был основой нашего брака. Моя жена тоже подавала документы в Будапешт, но не прошла. Я тяжело пережил развод, моя вера тогда угасла.

— Успех — это было важно для вас? — спрашиваю я.

— Конечно. Я приехал из маленького городка, стремился вперед. Мы были таким сообществом сверхамбициозных малолеток.

Еще до отъезда в Будапешт Боднар попадает на стажировку в Weil, Gotshal & Manges, адвокатскую канцелярию с мировым именем. Студент, бывший на содержании у родителей, получает здесь в два раза больше, чем они.

Офис канцелярии находится на двадцатом этаже делового Warsaw Financial Center. Я разговариваю с Петром Томашевским, который 15 лет назад был начальником Боднара. Он родился в семье юристов, опыты работы получил, в том числе, в канцелярии в Чикаго. Высокий, около 50 лет, в дорогом костюме. Улыбка и спокойствие военного парламентаря.

— У нас ты или плывешь, или тонешь, — говорит Томашевский. — Адам плыл. Он был моим посредником в контактах со сложными клиентами, мы выбрали его из нескольких десятков кандидатур как лучшего из выдающихся студентов. Мы можем многое предложить, но и требования у нас высокие, потому что наши клиенты хотят, чтобы мы

были постоянно в их распоряжении. Меня не интересует, какое сейчас время суток, и где находится сотрудник, дома или в театре с женой. Если я звоню, он должен взять трубку и выйти из театра. Это тяжело, особенно для молодых юристов. Не все могут такое выдержать. Одни — как хладнокровные ящерицы, другие вкладывают во все слишком много эмоций и не выдерживают. Это не значит, что мы бездушные, у нас много благотворительных проектов, мы сотрудничаем с Хельсинкским фондом по правам человека.

Надо быть очень бдительным, потому что можно тяжело работать десять лет, а потом одной ошибкой уничтожить свою карьеру и репутацию фирмы, поэтому для слабости места остается немного. Адам идеально влился в коллектив, был всегда доступен, организован, точен, быстро понял наши принципы, не позволял эмоциям брать над собой верх.

Боднар: «О Петре я не могу сказать ни одного плохого слова. Я помню, как выполнял важное задание, а мой отец был болен. И он сказал: поезжай к отцу, а то потом до конца жизни будешь жалеть, что не поехал».

Заменимый

Свои успехи того времени Адам Боднар скромно приписывает везению: «Я попал в момент развития рынка, когда западные фирмы с руками и ногами отрывали молодых специалистов».

В канцелярии Weil, Gotshal & Manges его сразу «бросили на глубину»: пенсионная программа для страховой компании «ПЗУ жиче», выход на биржу банка ПКО БП. Он был весь в распоряжении фирмы в обмен на деньги, развитие и атмосферу «we are the best». Когда его принимают на учебу в Будапешт, фирма год платит ему зарплату, но он подписывает «договор с дьяволом» — после возвращения обязуется отработать в канцелярии минимум три года.

— Мой рекорд работы в канцелярии — 36 часов без перерыва. После 23 можно было заказать суши за счет клиента. Час моей работы стоил 200 долларов. У меня тогда был кредит, квартира, новая жена, у нас только что родился сын — жизнь была налажена, хотя мне было всего 27 лет.

— Мне казалось тогда, что я зарабатываю слишком много, трачу деньги на всякую ерунду, на концерты, диски. Я чувствовал, что теряю что-то. Во время учебы у нас читали

лекции профессора Мирослав Выжиковский и Виктор Осятынский, им хватало смелости и искренности, чтобы говорить о правах человека. Эти вопросы меня глубоко волновали. И хотя я сам потом вел занятия по правам человека в университете, с моей работой это не имело ничего общего.

Переломным моментом оказалась рождественская открытка от сотрудницы банка, для которого он подготовил проспект ценных бумаг. Боднар подумал тогда, что на открытке могла бы стоять фамилия другого юриста, что он заменим.

— Так о чем же вы мечтали? — спрашиваю я, когда мы ночью заказываем две пиццы в офис уполномоченного по правам человека.

— О том, чтобы изменить мир.

— Откуда такие мечты?

— Кто-то мне привил. Может быть, мои профессора, Выжиковский и Осятынский, может быть, подцепил в Будапеште, когда изучал принципы демократии и европейской трансформации.

Профессор Осятынский говорил ему: есть один фонд. Боднар что-то об этом слышал, но не много. В 2004 году он бросает работу в канцелярии, где зарабатывал 200 тысяч злотых в год. Бросает мир адреналина, дорогих гаджетов и причуд в обмен на вполосину меньшую зарплату в Хельсинском фонде по правам человека, негосударственной организации, финансируемой из дотаций.

— В канцелярии меня сочли неопасным сумасшедшим, и мне до сих пор кажется, что некоторые ко мне так относятся, — подмигивает Боднар.

Томашевский: «Мы немного злились на него, что он уходит. Но второго такого человека, который ушел бы из нашего мира ради подобной идеи, я больше не встречал».

Боднар: «Иногда мне кажется, что они злились, потому что, может быть, и сами хотели бы все это бросить. Ведь они не машины. Но уже не могут, потому что адреналин, потому что «поезд уже тронулся», потому что взяли кредиты, жалко расставаться с гаджетами, каникулами на островах, хорошими школами для детей».

Защита Старика и ЦРУ

Я спрашиваю Боднара, что толкнуло его в сферу помощи людям, общественной деятельности. Он долго думает: «Сначала, в университете, я был, скорее, технократом. Меня больше интересовали правовые процедуры, чем проблемы продавщиц в супермаркете». Но когда, еще до работы в Фонде по правам человека, Боднар был на правительственной стажировке в Страсбурге и защищал интересы Польши от претензий граждан, он понял, что стоит не на той стороне баррикады: «Потому что правы были граждане, им полагалась помощь. Я себя там плохо чувствовал».

В Хельсинском фонде он занялся программой прецедентных дел. Составил список дел, с которыми предстояло разобраться: распространение порочащих сведений по статье 212 уголовного кодекса, временные заключения, ограничивающие свободу, перенаселенность в тюрьмах. За несколько недель он понял, что это его мир, потому что здесь так много нужно сделать: «Я читаю жалобы, заявления, встречаюсь с людьми и вижу непочатый край работы там, где проблема касается прав человека в Польше».

Он встречает А. М., которая потеряла ребенка во время родов в тюрьме, потому что врач не пришел вовремя, а когда пришел, оказался дерматологом. Встречает Барбару Войнаровскую, мать двух детей-инвалидов, которой врачи отказали в предродовом обследовании. Фонд обращается в Верховный суд, и женщина получает компенсацию. Боднар привлекает к сотрудничеству большую группу юристов, также работающих на общественных началах.

Когда полицейского освободили из тюрьмы, но из-за задержки почты ему приходится остаться там на все выходные, Боднар звонит директору тюрьмы, и полицейского выпускают.

Хельсинский фонд и Боднар выигрывают в Страсбурге дело «марша равенства» в Варшаве, который запретил Лех Качинский. Несколько месяцев спустя в Познани его запретил мэр Рышард Гробельный. Это дело они тоже выигрывают. В результате через десять лет появляется новый закон о собраниях, соответствующий демократическим стандартам. С тех пор никто больше не решается запретить марш.

Когда полицейского с ВИЧ увольняют со службы, Адам Боднар обращается в Конституционный трибунал и выигрывает.

Он защищает лидера болельщиков варшавской «Легии» по кличке Старик, сочтя его задержание «превентивно-политическим», и оказывается прав. Со Старика снимают обвинение, а Боднар набирает очки у правого сектора, который симпатизирует Старику.

Адам Боднар проработал в Хельсинском фонде два месяца, когда в 2004 г. увидел у себя на рабочем столе резюме Доминики Быхавской, студентки юридического факультета. Он усадил ее в маленькой комнатке, открыл ноутбук и показал презентацию программы прецедентных дел, которыми ей предстояло заниматься вместе с ним.

— Впервые в жизни, — признается Доминика Быхавская, — я увидела настолько профессиональную презентацию, увидела, что ко мне серьезно относятся, меня ценят. Адам учил меня с азов. Я ездила по судам в поисках прецедентных тем. Когда я уволилась, чтобы продолжить учебу, он интересовался моей судьбой, помог мне найти работу в Страсбургском трибунале, не забыл обо мне после возвращения.

— Бывали тяжелые моменты, я плакала, потому что он был очень требовательным, а темп работы — очень быстрым. Это видно сейчас, — смеется Быхавская, — когда он стал уполномоченным по правам человека. В фонде темп замедлился, это не корпорация. Мы сосредоточиваемся на трех заданиях вместо десяти, из человека не выжимают все силы до последней капли, телефон не трезвонит по ночам и по праздникам. Боднар принес с собой дух корпорации — пиджаки, галстуки, а в других подобных организациях люди ходят в кедах и свитерах. Но именно Адам научил меня трудовой этике, точности. Не знаю, откуда у него столько энергии, столько воли, чтобы менять мир. Посмотри, говорил он всегда, когда я сомневалась в целесообразности какого-нибудь дела, каждое такое маленькое дело — это маленькое изменение мира.

Он очень радуется этим маленьким делам. Когда детский сад прислал ему благодарность за помощь в программе по интеграции инвалидов, он повесил ее у себя на стене.

Но самое большое дело Хельсинского фонда — это тюрьмы ЦРУ. Против Фонда выступали политики, даже журналисты, а Боднар требовал обнародования информации о людях, находящихся в заключении в деревне Кейкуты Варминско-мазурского воеводства и подвергающихся пыткам ЦРУ. За дело взялся прокурор, началось следствие, появились полномочные представители заключенных, подвергающихся пыткам.

— Почему это было так важно для вас? — спрашиваю я.

Он берет со стола конституцию и читает вслух фрагмент предисловия: «Помня горький опыт тех времен, когда основные права и свободы человека нарушались в нашей Отчизне, стремясь навсегда гарантировать соблюдение прав граждан и обеспечить добросовестную и эффективную работу общественных институтов....» Или мы ничего не скрываем, или этот текст касается только избранных.

Профессора Марию Франковскую из Университета Сент-Луиса, мать знакомой Боднара со времен работы в канцелярии «Weil, Gotshal & Manges», можно назвать его интеллектуальной матерью. Она рассказывает о нем и меланхолично смотрит в окно, как будто вспоминая его детство.

— Я боялась за него. Говорила — оставь ЦРУ, это спецслужбы, они никогда не прощают. «Не могу», — ответил он и продолжал свое. Я и сейчас уверена, что службы ему этого не простят.

Как утверждает Мария Франковская, Боднар честолобив и полностью растворяется в работе, возможно, из-за этого распадаются его семьи, но: «Мы сможем лучше понять мир, если признаем, что все вокруг сумасшедшие», — цитирует она Марка Твена.

Боднар вполне мирно расстается со второй женой, с которой у него двое детей. Позднее он отметит, что теперь ему легче понять отцов, которые борются за право воспитывать своего ребенка.

Когда одному мужчине не давали видиться с дочерью, Боднар направил дело в Страсбургский суд, выиграл его и лично отвез решение суда отцу.

— Я читаю, а он в слезы. Говорит: «Когда дочка вырастет, она поймет, почему я не мог быть ей отцом». Вот ведь черт, меня до сих пор разбирает... — Боднар вытирает глаза.

— Сработала отцовская эмпатия? — спрашиваю.

— И кризис, когда возвращаешься в пустой дом, к пустому холодильнику. Это изменило мой взгляд на вещи. Жена поддерживала меня, когда я уходил из канцелярии, но что-то все равно испортилось. Впрочем, если хотите, можете сами с ней поговорить, — почесывает он себя по щеке.

Уполномоченный по правам человека, Страсбург, президент

Каролина Боднар ведет собственную юридическую практику. Она специализируется на семейном кодексе, сотрудничает *pro bono* с Центром по правам женщин и с Хельсинским фондом по правам человека.

— Я не хотела бы портить идеальный образ Адама, — говорит она с легкой иронией. — Он пользуется заслуженным уважением, потому что это хороший, обаятельный человек, способный всецело посвятить себя идее, в которую верит. Чем он меня пленил? Интеллектом, эффективностью действий — если он что-то запланировал, ничто не может его остановить. Мы познакомились в университете, он тогда еще работал в «Weil, Gotshal & Manges», был предан фирме и невероятно честолобив. Стремление к успеху — это у него, наверное, от мамы, которая души не чаяла в сыне, вдохновляла его и хотела, чтобы он вышел в люди. Адам, даже когда перешел в Хельсинский фонд по правам человека, полностью посвящал себя работе. Идея помощи другим поглотила его, но семье он не мог дать того же. Бывало, он не сдерживал слова, данного мне, а по отношению к внешнему миру был очень лоялен. От других требовал пунктуальности, а о встречах со мной забывал. Причем он старался это сделать как джентльмен, никогда не вел себя по-хамски, вульгарно, но если не получал того, что хотел, то мог быть неприятным.

Кто-то сказал мне об Адаме: он добивается таких результатов, потому что лишен эмпатии. Не знаю. Потому что... так хорошо я его не знала. Не успела или не сумела узнать. Мы провели вместе не так много времени, он не умел быть с семьей. Его мысли все время возвращались к работе. Однажды мы поехали на каникулы на две недели — он выдержал с детьми только неделю, все его раздражало. Он не нарцисс, который ничего не видит, кроме себя самого, но мог обидеться, надуться. Иногда я любила над ним пошутить — этого он терпеть не мог.

Наш брак распался, хотя я пыталась, много раз давала ему шанс. Дело было не в других женщинах. Мне казалось, что он относился к семье как к проекту. Когда я больше не хотела быть с ним, он уговаривал: перестань, ведь все хорошо, не понимаю. Брак распался из-за его тотальной преданности работе, идее. Я была на девятом месяце беременности, присматривала за ремонтными работами у нас в квартире. Когда он наконец появился, рабочие спросили: вы к кому?

Плитка? Выбери сама, мне все равно. Отпуск? Куда хочешь. У нас не было общности переживаний, впечатлений.

Как интелlectual он нашел себя в правах человека, потому что он благороден, но он также считал, что в этой области скорее сделает карьеру. Уже десять лет назад говорил, что мечтает стать уполномоченным по правам человека, а затем судьей суда в Страсбурге. Мама Адама мечтала, чтобы один сын стал президентом, а второй — генералом армии. В обоих случаях ее мечты уже недалеко от реальности. Проголосовала бы я за него, если бы он выдвигал свою кандидатуру на выборах? Несомненно. У него есть моральный ориентир, уважение к принципам, пассионарность. Все по максимуму.

— Вы были счастливы во втором браке? — спрашиваю я Адама.

— Знаю, что Каролина думает иначе, но я — да, был. Я долго переживал расставание.

— Что пошло не так?

Боднар думает, глядя на карту с воткнутыми в нее разноцветными флажками, которая висит на стене в его кабинете. Хотя он уже вступил в должность, с августа он объехал всю Польшу, говорил с людьми, расспрашивал о их проблемах. Например, недавно в Белостоке ему рассказали о проблемах религиозных меньшинств, а в Свиноустье один человек поведал ему о сложностях, связанных с определением профессиональных заболеваний. Боднар все время или в дороге, в машине, поезде, или в своем офисе.

— Не знаю, я любил, как умел.

5.47, СМС от уполномоченного

Профессор Моника Платек говорит мне полушутя, что были две кандидатуры, которые больше всего подходили на должность уполномоченного по правам человека: она и Адам Боднар. Но признает, что у соперника было преимущество: он не ждал поддержки, а сам подал заявку, и его оценили гражданские организации.

— Это не такой человек, чтобы гнаться за должностью. Я знаю его, мы вместе работаем в университете. Он честолобив, но в нем есть смирение. Профессор Эва Лентовская положила начало периода, когда омбудсмена не любила власть, и Боднар будет этот период продолжать.

— Вы знаете, ради чего он отказался от мира больших денег, мира власти? — спрашиваю я. Профессор Платек удивлена

вопросом: «Он отказался всего лишь от иллюзии!»

Став омбудсменом, Адам Боднар начал с масштабной встречи, пригласив около 300 человек в арендованный кинотеатр. Через телемост он связывается с «полевыми» офисами, на стене демонстрирует презентацию на тему предстоящих реформ. В штаб-квартиру омбудсмана, как до того в Хельсинский фонд, «въехала» корпорация.

Распоряжения от Боднара подчиненные получают с утра по Фейсбуку, электронной почте и в смс-сообщениях. Сотрудники ежедневно составляют рейтинг: кто получил распоряжение раньше всех, тому поручено самое важное дело.

Анджей Стефанский, директор региональных проектов, получил сообщение в 5.47: «Есть дело интернетной травли Иоанны Грабарчик. Пожалуйста, просмотрите ее страницу. Мне это не нравится, с этим надо что-то сделать».

Если СМС приходит в 7 утра, то дело второстепенное. В 6 утра в субботу сотрудники получили письмо с просьбой заняться делом мужчины, который живет с сыном в тяжелых условиях, о чем написала местная гданьская субботняя газета. Стефанский не мог понять, откуда Боднар мог об этом узнать, если он в это время был на конференции в Испании. В 23.50 того же дня уполномоченный получил ответ: сотрудники навестили мужчину и установили контакт с администрацией.

В течение последних нескольких дней Адам Боднар писал СМС и сообщения в Твиттере на такие темы, как урегулирование статуса квартир, находящихся на кооперативных земельных участках; изменения в законе о порядке освидетельствования смерти; профсоюзы для людей, работающих на основании несправедливых трудовых договоров; компенсации для репрессированных за деятельность после 1946 года; инвалиды в тюрьмах; дети, страдающие дискалькулией и не справляющиеся со школьной программой по математике.

У него есть десять человек, которые занимаются кассационными жалобами, они сейчас рассматривают около 3 тысяч дел. Боднар хотел пригласить больше сотрудников, но находящаяся у власти партия «Право и справедливость» забрала у него 3 из 38 млн годового бюджета организации.

— У вас есть друзья в Пис? — спрашиваю я.

Он смотрит в потолок: «Был один профессор, приятный человек, но он набросился на меня в Сенате». Открывает

компьютер.

— Я в жизни еще не видел такой ненависти. Я прочту вам: «Лучше бы ты защищал права польских граждан, а не всяких разных, псевдозащитник». Вот имя, фамилия пишущего, я вижу, что он живет в Кельце. «Я не хочу быть гражданином такой Польши, в которой делают свои делишки такие, как вы, мне на нее насрать, потому что 50 лет такие скоты, свиньи обворовывали нашу Польшу. Пусть эта мусульманская свора отрежет вам головы и изнасилует ваших детей». Вот имя, фамилия, фотография, вот его знакомые.

На портале под названием «Christiana» я читаю, что Боднар «слушается левацких подстрекателей». Но он пытается вести диалог и с католической Церковью. В Познани он встречается с анархистами, на следующий день — с архиепископом.

Мы собираемся выходить из офиса около десяти вечера, идем к метро. Боднар не пользуется служебным автомобилем без особой необходимости. Говорит, что не хочет испортить себя привилегиями. Он согласился посвятить мне полдня, хотя обычно уходит раньше, чтобы забрать сыновей из школы.

— Ах да, в июне я женюсь, — говорит он мне с улыбкой.

Садится на поручень кресла, извиняется, что должен еще отправить СМС сотрудникам — задания на завтра. Сквозь зубы: «Вот ведь черт, не могу успокоиться, что мы не успеваем проверить эти 3 тысячи дел с кассациями. Ведь где-то могут сидеть в тюрьме невинные люди».

Адам Боднар (р. 1977) — выпускник юридического факультета Варшавского университета, автор публикаций в области прав человека, преподаватель, один из основателей Общества им. проф. Збигнева Холды, заместитель председателя Хельсинского фонда по правам человека, член совета директоров Фонда ООН в поддержку жертв пыток.

